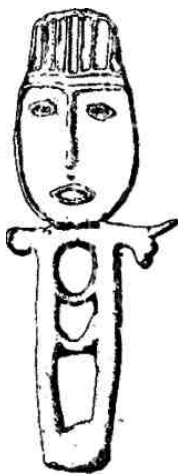

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

№ 1 (37) 2017

**Журнал «Вестник Антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.**

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой информации.
Регистрационный номер ПИ № ФС77-61734

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю.Д., Баринаева Е.Б., Белова Н.А. (отв. секретарь), Буганов А.В., Боруцкая С.Б.,
Васильев С.В. (гл. редактор), Герасимова М.М., Губогло М.Н., Казьмина О.Е., Каландаров
Т.С., Мартынова М.Ю., Макеева А.И. (отв. секретарь), Халдеева Н.И., Харламова Н.В.,
Чешко С.В. (гл. редактор).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В.А. (председатель, РФ), Блэйзер М. (США), Васильев С.В. (РФ), Головнев А.В. (РФ),
Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Пашалы П.М. (Республика
Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д. (Республика Сербия), Слезкин Ю. (США),
Тумаркин Д.Д. (РФ), Функ Д.А. (РФ), Хан В.С. (Республика Узбекистан), Чае-ван Лим
(Республика Корея), Чешко С.В. (РФ), Чистов Ю.К. (РФ), Юхас К. (Венгрия).

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии

Васильев Сергей Владимирович

8 (495) 954 93 63

8 (495) 125 62 52

odtantrop@yandex.ru

По вопросам этнологии, социальной / культурной антропологии

Чешко Сергей Викторович

8 (495) 954-83-29

8 (916) 288-63-04

ieamoscow@mail.ru

По вопросам оформления статей

Белова Наталья Андреевна

belovanatalia2009@yandex.ru

Интернет-сайт: www.antromercury.ru

ISSN 2311-0546

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2016

© Журнал «Вестник антропологии», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Физическая (биологическая) антропология

<i>Герасимова М.М., Година Е.З., Лейбова Н.А.</i> Бунаковские чтения	4
<i>Великанова М.С.</i> О Георгии Францевиче Дебеце – ученом и человеке	12
<i>Саливон И.И.</i> Изменения основных размеров головы, лица и тела у городских школьников Беларуси в течение трех последних десятилетий	24

Этнокультурные процессы в современном мире

<i>Арутюнов С.А.</i> Этничность, сходящая на нет	41
--	----

Кавказские исследования

<i>Бизуаа В.Л.</i> Абхазское Рождество: обрядовая практика и архаические корни празднества	63
<i>Зельницкая (Шларба) Р.Ш.</i> Распространение шелководства в Закавказье: исторический и этнографический аспекты	73

Антропологическая мозаика

<i>Белова Н.А.</i> Молодежь и мигранты в провинции: проблемы и основные тенденции межнациональных отношений (на примере г. Костромы)	82
<i>Самойлова Е.В.</i> Коды кормления и битья (запугивания) в системе аграрных практик: Феномен параллелизма и взаимозамещения	95

Полевые материалы

<i>Квашнин Ю.Н., Сенько Р.И.</i> Что от вас ушло, то к нам пришло (селькупский шалаш у тундровых ненцев)	112
--	-----

История науки

<i>Карлов В.В.</i> Научное наследие Л.П. Лашука: разработка историко-социологических подходов в этнологии	125
---	-----

Для студентов и аспирантов

<i>Барينوва Е.Б.</i> Порядок обучения в аспирантуре Института Этнологии и Антропологии РАН	136
--	-----

A Propos

<i>Чешико С.В.</i> Российская нация	144
Указатель статей и материалов, опубликованных в 2016 г.	148
Contents	152
Our authors	153
Правила оформления статей	154

ФИЗИЧЕСКАЯ (БИОЛОГИЧЕСКАЯ) АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 06.053

© М.М. Герасимова, Е.З. Година, Н.А. Лейбова

VIII БУНАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Обзор посвящен прошедшей в НИИ и Музее антропологии МГУ 17–20 октября 2016 года Международной научной конференции «Эволюционный континуум рода Ното» (VIII Бунаковские чтения). Выделены основные проблемы, обсуждавшиеся в рамках конференции, подведены итоги работы секций, методического семинара по одонтологии и Круглого стола «Проблемы палеоантропологии».

Ключевые слова: VIII Бунаковские чтения, физическая антропология, В.В. Бунак, палеоантропология, эволюционная антропология, проблемы роста и развития, коннекция антропологических данных, одонтология.

17–20 октября с.г. в Музее антропологии МГУ прошла Международная научная конференция «Эволюционный континуум рода Ното», посвященная 125-летию со дня рождения В.В. Бунака (VIII Бунаковские чтения). Инициатором и организатором Чтений, начиная с 1991 г., каждые 5 лет традиционно выступает Отдел антропологии (ныне Центр физической антропологии) ИЭА РАН.

Бунаковские чтения – крупнейший профессиональный форум физических антропологов в нашей стране. География же участников Чтений в этом году включает, кроме России, Белоруссию, Польшу, Армению, Казахстан и Монголию. Было принято более 70 заявок, по независимым от организаторов обстоятельствам (Конференция никоим образом не финансировалась и была проведена на общественных началах) присутствовало значительно меньшее число участников. Однако было сделано около 60 докладов по трем направлениям, которые с очевидностью прослеживаются в научном творчестве В.В. Бунака: «Эволюционная антропология и палеоантропология», «Морфологическое и генетическое разнообразие современного человечества» и «Проблемы роста и развития человека». Кроме того, были организованы круглый стол «Проблемы палеоантропологии», секция «Российская одонтология в XXI веке: классика, новое и нерешенное» и методический семинар «Коннекция одонтологических определений».

Пленарное заседание открылось под председательством С.В. Васильева (ИЭА РАН), который рассказал о жизненном и творческом пути ученого. Докладчик показал, что научному творчеству В.В. Бунака всегда были свойственны смелость в

Герасимова Маргарита Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: gerasimova.margarita@gmail.com.

Година Елена Зиновьевна – доктор биологических наук, заведующая лабораторией ауксологии, ведущий научный сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ. Эл. почта: egodina@rambler.ru

Лейбова Наталья Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: nsuvorova@mail.ru.

постановке проблем, новизна идей, как правило, опережающих уровень науки его времени, бескомпромиссность высказываний. Широта и глубина научных интересов и исследований В.В. Бунака были чрезвычайно широки, настолько, что даже наша конференция не могла в полной мере отобразить весь их спектр. Это краниология, теория ростовых процессов, физическое развитие и пропорции тела, морфология и эволюция мозга, расовая классификация, происхождение речи, антропологическая стандартизация, этногенез и этническая история. И это отнюдь не полный перечень тем, которыми занимался В.В. Бунак, который был в наш век специализации, видимо, последним энциклопедистом.

Второй доклад был посвящен А.А. Зубову и представила его Н.И. Халдеева (ИЭА РАН). А.А. Зубов не был учеником В.В. Бунака, но тоже был человеком неординарным, много сделавшим для развития отечественной эволюционной антропологии и основавшим новое направление в отечественной антропологии – одонтологию. Н.И. Халдеева, обрисовав личность ученого, остановилась подробно на его авторском подходе к анализу закономерностей «магистральной эволюции» (термин, предложенный А.А. Зубовым), идее рассмотрения антропогенеза с позиций эволюции биосферы и Вселенной и становления Человека, как проявление свойства развивающейся Вселенной, приведшего к возникновению Разума.

А.П. Бужилова (МГУ) проанализировала демографические показатели и палеопатологические маркеры у населения севера Восточной Европы в мезолите-неолите. А.П. Пестряковым (ИЭА РАН) был сделан совместный с О.М. Григорьевой (ИЭА РАН) доклад о типологии ростовых процессов черепа человека. Затронутая тема весьма актуальна для данной конференции, поскольку в числе первых работ В.В. Бунака была работа 1922 г. «Основные морфологические типы черепа человека». Г.Л. Хить (ИЭА РАН) сделала интересный обобщающий доклад, основанный на огромном авторском материале, посвященный анализу дерматоглифических особенностей народов Кавказа, их систематике и обнаруженной однородности адыгских народов при ярко выраженной тенденции тяготения к населению юга России и Украины. Коллега из Минска, Н.И. Полина (ИИ НАН Беларуси), рассказала об особенностях динамики распределения соматотипов у городских школьников Белоруссии. Совместный доклад «Комплексные исследования этногенеза: союз геногеографии и этнографии» группы генетиков и этнографов был сделан Ю.М. Юсуповым (Институт стратегических исследований, Башкирия). Докладчик остановился на методологии междисциплинарного взаимодействия между этнологией и геногеографией и продемонстрировал использование геногеографических данных на различных уровнях: географическом, этническом и популяционном.

Работа секций началась 18 октября заседанием палеоантропологической секции под председательством И.Р. Газимзянова. По количеству заявок палеоантропологическая секция была самая многочисленная, поскольку из-за широкого экстенсивного развертывания археологических раскопок происходит постоянное пребывание материала. Однако было прослушано всего 18 выступлений.

Хочется отметить добротные доклады молодых участников Чтений – Е.С. Рейс (НПО «АПИ» Красноярск), А.Н. Абрамовой (КубГУ, Краснодар) и Е.А. Сапухиной (МГУ), посвященные изучению посткраниального скелета. С.Б.Боруцкая (МГУ) рассказала об особенностях пропорций населения Фаюма в греко-римское время. Совместный доклад Д.С. Иконникова и О.А. Калминой (Медицинский институт ПГУ, Пенза) о предлагаемой

ими методике изучения разрозненных костей скелетов из некрополя XVII–XVIII вв. на территории г. Пензы вызвал оживленную дискуссию методического плана.

В.И. Хартанович (МАЭ), Д.В. Пежемский (МГУ, ЦПИ), И.Г. Ширококов (МАЭ) коснулись теоретических вопросов. Авторы на основе анализируемых собственных и имеющихся в литературе материалов, обсуждали проблемы формирования антропологических особенностей древнего населения Севера Фенноскандии, юга Восточной Сибири и финно-угорского – Поволжья и Приуралья.

Два доклада были сделаны И.Р. Газимзяновым (Институт археологии АН РТ, Казань). Один из них в соавторстве с судебным медиком К.В. Карягиным (Республиканское бюро судебно-медицинских экспертиз, Казань) об исследовании плохо сохранившихся костных останков носителей абашевской культуры. Второй – посвящен исследованию палеоантропологических материалов из могильника Баш-Туу 1, оставленному кочевниками Горного Алтая гунно-сарматского времени. Перед автором стояла задача подбора сравнительного материала для выяснения места популяции, оставившей этот могильник, в системе кочевого населения РЖВ степей Северной Евразии.

И.В. Перевозчико (МГУ) проанализировал давно вошедший в науку массив древне-славянских черепов с популяционных позиций. Следующие прослушанные доклады были достаточно традиционны, основаны на анализе краниологических данных. Два выступления были посвящены палеоантропологии населения Крыма эпохи бронзы – В.И. Безбородых (ИЭА РАН), А.В. Иванова и С.А. Даниловой (Историко-археологический заповедник Херсонес Таврический) и «пещерных городов Крыма – А.В. Иванова. Совсем небольшой блок докладов был посвящен проблемам эволюционной антропологии. П.В. Лиходкин (ИЭА РАН) представил обзор палеоантропологических находок форм переходного типа от австралопитековых к ранним Homo. Доклад Г.У. Мелик-Адамяна (Институт геологических наук НАН Армении) был посвящен обоснованию голоценового возраста черепов, позиционируемых авторами находок, как плейстоценовые, принадлежащие к эпохе палеолита. Третий доклад был сделан В.И. Хартановичем (МАЭ) об исследовании отдельных фрагментированных останков человека верхнепалеолитического возраста из фондов МАЭ, которые стали возможны с развитием методов прямого радиоуглеродного датирования, генетического определения пола, изотопных исследований. С большим интересом были встречены сообщения, посвященные истории науки и роли личности в организации и проведении антропологических исследований в России. С.Г. Комаров (ИЭА РАН) напомнил о вкладе Г.Ф. Дебеца (1905–1969) в исследование домонгольского кочевого населения Восточной Европы. Второй доклад такого плана, очень интересный и, можно сказать, увлекательный, был сделан М.В. Хартанович о деятельности Карла Эрнста фон Бэра в организации полевых антропологических исследований и сборе коллекций для Академии наук в 1840-х годах.

Оргкомитет Чтений предполагал последовательное заслушивание докладов, без одновременного проведения нескольких секций. Но ограниченность во времени пребывания иногородних и иностранных участников Бунаковских чтений вынудила нас, к большому сожалению, в один из дней утреннее заседание Круглого стола «Проблемы палеоантропологии» и вечернее – секции «Морфологическое и генетическое разнообразие...» совместить с работой секции «Проблемы роста и развития человека».

Работу Круглого стола «Проблемы палеоантропологии» (куратор М.М. Герасимова), состоявшегося на следующий день 19 октября, открыла М.П. Рыкун (ТГУ, Томск). Она предложила к обсуждению вопросы, возникшие в настоящий момент

из-за возросшего числа археологических экспедиций, получивших размах в связи с новостройками и охранными работами. Все это вызвало возросший объем поступающего палеоантропологического материала, в связи с чем, возрос и объем проблем, не только научного плана, которые должны быть решаемы антропологами вкупе с археологами. Доклад М.П. Рыкун вызвал бурную реакцию. В ходе обсуждения было высказано несколько идей о более тесном контакте с археологами, активном участии в археологических конференциях с разъяснением разрешающих возможностей палеоантропологических материалов, обязательное участие антрополога в работе экспедиций, т.к. только антрополог в полевых условиях может отметить те нюансы, которые останутся вне сферы внимания археолога. Прозвучала также идея создания рабочей группы для подготовки методических рекомендаций для археологов (в виде статей, буклетов или даже семинаров) по сбору, сохранению, этикетажу, упаковке и транспортировке палеоантропологических материалов. Важным моментом представляется также факт «разбазаривания» палеоантропологических материалов для разрушительных генетических, микроэлементных анализов, прямого радиоуглеродного анализа, отток образцов в заграничные лаборатории – это является невосполнимой, подчас, потерей для отечественной науки.

Вторая проблема, которая обсуждалась на Круглом столе, была посвящена итогам методического семинара по коннекции краниометрических данных, организованного в 2015 году в рамках Алексеевских чтений в Петербурге (МАЭ). Итоги этого семинара были опубликованы в статье И.Г. Широбокова на портале ACADEMIA.EDU. Выяснилось прискорбное обстоятельство, что не столько методические разночтения в определении той или иной метрической характеристики в проведенном эксперименте имели место, сколько простые ошибки в прочтении полученных измерений. Тем не менее И.Г. Широбоковым был проведен многомерный анализ, который показал, что эти авторские ошибки меняют наши представления о «картине мира». Было высказано мнение, что каждый из участников этого эксперимента (а эти данные были высланы каждому из участников) сделает для себя выводы. С другой стороны, это выступление и статья показали чрезмерное увлечение многомерной статистикой, которая при малочисленности палеоантропологических выборок подчас не имеет смысла, и совершенно забыли об описательной статистике, которая бы на первичном анализе материала сразу же сигнализировала о допущенных ошибках. Об этом, и о том, что все эти многомерные анализы основаны на корреляционных матрицах, которые также реальны при значительно больших по численности выборках, а корреляции не всегда выражают причинно-следственную связь, было выступление В.П. Пасекова. Обсуждение показало существование проблем методического и методологического плана и необходимость регулярных семинаров и мастер-классов.

Во второй половине дня состоялось заседание секции «Морфологическое и генетическое разнообразие современного человечества». На этой секции под председательством И.В. Перевозчикова было сделано 11 докладов. Секция по своей тематике была очень разнообразна. Исследованию современного населения по расовой морфологии лица населения Татаро-Чувашского пограничья был посвящен доклад Г.А. Аксяновой (ИЭА РАН). Е.Г. Кокоба (МГУ) проследила характер изменения частоты встречаемости конституциональных типов за последние десятилетия у взрослого абхазского населения. Два доклада были посвящены дерматоглифическим исследованиям. Выступление С.С. Самищенко (Московский технологический университет) о

распределении основных типов пальцевых узоров было основано на недостижимом для антрополога массиве данных более чем 3 млн дактилокарт, зарегистрированных в автоматизированной дактилоскопической идентификационной системе. Докладчик рассматривал, в том числе, выборку из 90 человек детей с девиантным поведением. В этой связи автор сделал акцент на связи между морфологическими признаками и поведенческими характеристиками человека и возможностью применять эти данные для диагностических и профилактических целей. Этот интересный доклад вызвал много вопросов с одной стороны, а с другой – негативный отклик, что возможно явилось не очень приятным проявлением профессионального «корпоративизма».

А.Л. Фандеев (Бюро судебно-медицинских экспертиз Ленинградской области) затронул интересную тему – симметрии дерматоглифических признаков в семейных группах. Два интересных генетических доклада были сделаны Р.А. Схаляхо (Медико-генетический центр, Москва) о генофонде народонаселения Кавказа и А.Т. Агджаян (ИОГен, Москва) о генофонде караимов, крымских татар и греков.

Следующий доклад, М.Л. Бутовской (ИЭА РАН), «О пальцевом индексе как индикаторе успешной конкуренции у мужчин», был посвящен, практически, той же теме, против которой так негативно были настроены оппоненты С.С. Самищенко. В совместном докладе сотрудников Центра физической антропологии РАН (С.В. Васильев, Е.В. Веселовская, Р.М. Галлеев, О.М. Григорьева) о Н.Н. Миклухо-Маклае, его жизни, О.Г. Григорьевой была представлена портретная реконструкция Н.Н. Миклухо-Маклая по черепу.

Группа докладов была посвящена различным аспектам изучения физиономических характеристик. И.В. Перевозчиков и Л.Ю. Шпак (МГУ) поделились результатами своих исследований физического типа этрусков на основе образцов изобразительного искусства. М.О. Вергелес (МГУ) очень четко обрисовала возможности изучения морфологических особенностей лица на основе портретной живописи. Совместный доклад Д.В. Веселковой, Н.Н. Гончаровой (МГУ) и А.С. Абрамова (ГУК СК России) о морфологической типологии лица и возможностей применения ее для идентификации личности был представлен Д.В. Веселковой. А.М. Мауэр (МГУ) продемонстрировал результаты сравнительной фотометрии изображений лиц представителей разных этно-территориальных групп. И, в заключение, Д.В. Пежемский (МГУ, ЦПИ) от лица коллектива авторов – А.П. Забияко (АмГУ, Благовещенск), В.А. Бацевича, А.М. Мауэра (МГУ), Н.А. Лейбовой (ИЭА РАН), А.Х. Гильмитдиновой (ИА РАН) – доложил предварительные результаты Амурской антропологической экспедиции 2015–2016 гг.

Параллельно работе круглого стола и описанной секции проходило заседание секции «Проблемы роста и развития человека», в работе которой значительное место занимали проблемы аукологии. Это направление (аукология) в физической антропологии имеет огромное прикладное значение, российская школа признана во всем мире, и о ее популярности говорят доклады наших иностранных участников. Работа аукологической секции была весьма насыщенной и плодотворной. Заседание началось с доклада В.Ю. Бахолдиной с соавторами (МГУ) на тему «Возрастные и гендерные аспекты психосоматических связей». В течение дня (утреннее и вечернее заседание) было заслушано 11 выступлений.

Региональным проблемам роста и развития был посвящен доклад Е.А. Калюжного («Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Арзамас) «Антропологические характеристики и

возможности учащихся Нижегородской области в современных условиях». Наши зарубежные гости рассказали об особенностях процессов роста в Монголии (Л. Гундэгмаа, Монгольский Национальный Институт Физической Культуры, Улан-Батор) и Республике Беларусь (Н.И. Полина, И.И. Саливон, Институт истории НАН Беларуси, Минск). Анализ этно-территориальной изменчивости морфофункциональных показателей у студентов, обучающихся в Российском университете дружбы народов, провела Е.В. Анохина с соавторами (РУДН, Москва).

Существенный вклад в работу секции внесли сотрудники лаборатории ауксологии человека НИИ и Музея антропологии МГУ. Е.З. Година и И.А. Хомякова (председатели секции) рассказали об изменчивости соматического статуса современных московских детей и подростков на фоне аналогичных исследований их сверстников предыдущих поколений; о факторах, определяющих оценку внешности у подростков, сообщила Л.В. Задорожная; А.В. Анисимова сделала доклад на дискуссионную тему о влиянии групповой принадлежности на особенности физического развития детей и подростков; Е.Ю. Пермякова и О.А. Гилярова рассказали о своих работах по оценке физической активности и обменных показателей у современных детей и подростков; В.В. Зубарева в совместном докладе с Ю.А. Ямпольской сообщила о временных сдвигах в физическом развитии детей и подростков на фоне демографической ситуации в России. Наконец, О.Д. Бодиско (Электростальский медицинский колледж), работающая в тесном контакте с коллективом лаборатории ауксологии, рассказала о результатах продольных исследований тотальных размеров тела детей и подростков г. Электросталь, которые ей удалось получить на основе анализа архивных материалов.

Проблемы становления типа конституции в онтогенезе и его влияния на процессы созревания и двигательного развития обсуждались в докладе Т.В. Панасюк и Е.Н. Комиссаровой (Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма, Москва). В.Д. Сонькин, также представлявший Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма, посвятил свой доклад факультативному несократительному термогенезу у человека и эволюционному значению бурого жира.

20 октября было проведено заседание секции «Российская одонтология в XXI веке: классика, новое и нерешенное», председателем которой была Н.А. Лейбова. Это направление получило развитие вне сферы научных интересов В.В. Бунака. Оно целиком в нашей стране связано с именем А.А. Зубова и его школой, и это одно из самых перспективных в настоящий момент направлений в изучении морфологии современных и древних популяций человека, вносящее неопределимый вклад в решение проблем эволюционной антропологии и палеоантропологии. Заслушанные доклады, хотя их и было всего шесть, представили несколько направлений. Этническая одонтология нашла отражение в детальном докладе Н.И. Халдеевой (ИЭА РАН), представившей одонтологическую характеристику тунгусо-манчжурских народов России на широком сравнительном фоне с выходом на проблемы этногенеза. Палеоодонтологическая тематика освещалась Д.С. Иконниковым (в соавторстве с О.А. Калминой, Медицинский институт ПГУ, Пенза), охарактеризовавшим одонтологические особенности ражкинской мордвы III–IV вв. Этот доклад стал поводом для горячей дискуссии вокруг проблемы выборок малой численности в одонтологии. Н.А. Лейбова (ИЭА РАН) рассказала о работах на уникальном археологическом памятнике XVII в. – Албазинском остроге, оставленном русскими первопоселенца-

ми на Амуре, продемонстрировала возможности одонтологического материала в условиях плохой сохранности костных останков. К теоретическим аспектам полового диморфизма в одонтологии и дерматоглифике обратилась Г.А. Аксянова, представив и новые данные по тюркским группам Урало-Поволжья (ИЭА РАН, в соавторстве с А.И. Макеевой). Делясь мнениями, присутствующие коллеги вышли на обсуждение проблем полового диморфизма уже за рамками двух заявленных в докладе антропологических систем признаков. Было высказано предложение посвятить этой теме отдельное заседание Семинара Центра физической антропологии ИЭА РАН. Новаторски прозвучал доклад А.В. Габучяна, выступавшего от имени своих соавторов Г.В. Большакова и В.А. Князя (МГМСУ; стоматологическая клиника «Дианта»; ГНИИАС, г. Москва) и представившего результаты одонтометрических и окклюзиометрических исследований на компьютерных трехмерных изображениях моляров и премоляров. Прделанная этим коллективом работа открывает новые горизонты в области одонтометрических исследований. Бурный обмен мнениями вызвал доклад И.К. Решетовой (ИА РАН), посвященный патологиям зубов некариозного происхождения в палеоантропологических сериях. Присутствующий практикующий стоматолог А.В. Габучян предостерег от слишком прямолинейной постановки общих диагнозов на основе наблюдаемых дефектов эмали зубов.

При подготовке работы секции изначально предполагалось сделать основной акцент на практические вопросы одонтологии и, в первую очередь, провести коннексию одонтологических определений, что и было осуществлено на методическом семинаре (куратор Н.А. Лейбова), в котором приняли участие не только московские одонтологи, но и коллеги из других городов. С этой целью всем активно работающим одонтологам был разослан список черепов, которые предлагалось описать по одонтологической программе заранее. К сожалению, многие коллеги по разным причинам этого так и не сделали. На семинаре присутствующие специалисты сверяли свои определения по бланкам и, в случае расхождений, обсуждали их. Как и следовало ожидать, в частности, имеются расхождения в оценке выраженности лопатообразности верхних резцов. Все участники семинара отметили необходимость проведения подобных совещаний на регулярной основе, в первую очередь, в рамках Одонтологического семинара Центра физической антропологии ИЭА РАН, которому решено присвоить имя основателя отечественной школы одонтологии А.А. Зубова, а также, по возможности, на антропологических конференциях. Одной из задач, стоящих перед Одонтологическим семинаром, является создание и тиражирование эталонной коллекции Российской одонтологической системы А.А. Зубова. Было высказано пожелание переиздать «Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов» А.А. Зубова (2006) дополнив его и исправив имеющиеся неточности. Замечательное и очень своевременное предложение сделала Г.А. Аксянова – коллективом авторов, имеющих значительный опыт работы с одонтологическим материалом, подготовить методическую статью с рабочим названием «Трудные случаи оценки одонтологических признаков».

В заключение хочется отметить, что VIII Бунаковские чтения показали преемственность идей, развитие их в некоторых областях в условиях новых технологий. Кроме успехов были вскрыты и определенные недостатки, которые, хочется надеяться, будут изжиты к следующим Бунаковским чтениям в 2021 г.

M.M. Gerasimova, E.Z. Godina, N.A. Leybova. The 8-th Victor Bunak Memorial Conference.

Review is dedicated to the International Conference «Evolutionary continuity of Genus Homo» (The 8-th Victor Bunak Memorial Conference). It gives coverage to main problems discussed within a framework of the Conference, the results of sections working, methodic seminar on odontology, the round table discussion «Problems of paleoanthropology».

Key words: *The 8-th Victor Bunak Memorial Conference, physical anthropology, V.V. Bunak, paleoanthropology, evolutionary anthropology, problems of growth and development, correlation of anthropological data, dental morphology.*

О ГЕОРГИИ ФРАНЦЕВИЧЕ ДЕБЕЦЕ – УЧЕНОМ И ЧЕЛОВЕКЕ

Статья представляет собой воспоминание об Учителе, о профессиональной дружбе с человеком, сыгравшем основополагающую роль в возникновении и развитии палеоантропологических исследований в нашей стране, в том виде, в котором они существуют и по настоящее время.

Ключевые слова: Г.Ф. Дебец, палеоантропология, краниология, остеология, методология и методика палеоантропологических исследований, эпохальные изменения, грацилизация, брахикефализация.

Трудно сказать, да знал ли это он сам – какая из областей антропологии была ближе Георгию Францевичу. Все же почему-то кажется, что к черепному, вообще палеоантропологическому, материалу он испытывал особые чувства. Он определенно любил бывать в наших, пропитанных запахом восковой мастики лабораториях, где вершился процесс реставрации привезенных из археологических раскопок костных материалов. Где в результате порой долгих последовательных действий – расчистки, укрепления, неоднократных пробных склеек и т.д. создавалась наконец краниологическая серия. Георгию Францевичу нравилось наблюдать за ходом этих работ, особенно когда дело шло о каких-то особо ценных экземплярах. Собственная измерительная работа с палеоантропологическими коллекциями, хотя и усложненная отсутствием лаборанта, вызывала у него весьма положительные эмоции (см. ниже). Да и сама научная деятельность Г.Ф. Дебца как антрополога началась именно с палеоантропологических исследований. Интерес возник еще в университетские годы в Иркутске, когда студент-археолог всерьез занялся изучением неолитических черепов Прибайкалья. Так что, палеоантропология была как бы и «первой любовью».

Так это или иначе, но и мне по характеру моей работы пришлось общаться с Георгием Францевичем более всего как с палеоантропологом. Отсюда и соответствующая направленность очерка – я вспоминаю в основном именно эту сторону его деятельности. С первых же лет работы в Институте антропологии МГУ Георгий Францевич начинает осуществлять свою идею по «составлению сводки по палеоантропологии СССР», как он сам это называл. Работа начиналась почти на пустом месте, со времени Богданова этот раздел антропологии оставался довольно заброшенным. Со свойственной ему энергией Георгий Францевич организует сбор материалов. Именно в эти, 30-е годы, его трудами было заложено новое, заинтересованное, отношение к костным останкам со стороны археологов, которые раньше зачастую пренебрегали ими, и сборы палеоантропологических коллекций имели случайный характер.

Разработанные Г.Ф. Дебцом методы изучения древнего костного материала в связи с определенной археолого-исторической проблематикой сделали палеоантропологические исследования чрезвычайно результативными. Это резко повысило интерес к ним археологов и стимулировало их внимание к костным останкам.

Много раз Георгий Францевич сам принимал участие в археологических раскопках. Рассредоточенность материалов по музеям разных городов потребовала и большого числа поездок по всей стране.

За относительно короткий срок – десятилетие 30-х годов – усилиями практически одного человека был собран колоссальный материал, отражающий все этапы истории расовых типов человека на территории нашей страны. Программа исследования была тщательно разработана и проанализирована с точки зрения расоводиагностической ценности каждого признака, т.е. по существу была создана Георгием Францевичем.

Итогом этого поистине титанического труда явилась монография «Палеоантропология СССР», много лет служащая не только настольной книгой для антропологов, но и широко используемая специалистами смежных дисциплин. Богатство фактических данных и совершенно новый подход к краниологическому, т.е. биологическому, материалу как историческому источнику позволили автору ставить и решать ряд чрезвычайно интересных и важных вопросов этнической истории, а также рассматривать теоретические проблемы, связанные с динамикой и закономерностями расообразовательного процесса. Этот труд ознаменовал своим выходом создание новой отрасли в отечественной антропологической науке – антропологии древнего населения. Книга явила собой и великолепный образец стиля изложения – строгого, простого, чрезвычайно сжатого, пример четкости в постановке и рассмотрении задач исследования, пример безупречной точности цифровых данных (Дебце 1948).

«Палеоантропология СССР – материал для коллективной, а не индивидуальной работы», – писал Георгий Францевич в предисловии к книге и выражал надежду, что результаты его исследований, наглядно показывая глубокий интерес проблем, стоящих перед этой отраслью, побудят хотя бы двух-трех антропологов включиться также в эту работу. Это была излишне скромная надежда. За короткий срок «заброшенная» область антропологии получила небывалый размах и превратилась в одно из самых мощных направлений. К концу 1950-х годов, спустя десятилетие после выхода книги, число палеоантропологов превышало уже два десятка. Сам автор оставался верен палеоантропологии до конца дней.

Немалое внимание в своей работе Георгий Францевич уделял теоретическим аспектам антропогенеза, в частности, проблеме прародины человека. Георгий Францевич был сторонником полицентрической теории происхождения *Homo sapiens*, считая, что современные человеческие расы уходят корнями в ранний палеолит, и их черты можно видеть уже в разных группах неандертальцев. Однако в противоположность Ф. Вейденрейху Георгий Францевич исходил не из автогенетической концепции, а из признания единства социальных факторов как движущих сил процесса сапиентации во всех областях эйкумены.

Георгию Францевичу принадлежит ряд исследований палеоантропологических находок ранних периодов, имеющих мировое научное значение. Он первым изучил скелет ребенка из пещеры Тешик-Таш, показав его неандертальскую принадлежность, тесное родство и общность происхождения с европейскими неандертальцами, а также важнейшее теоретическое значение этой находки, подтвердившей концепцию неандертальского участия в развитии человека современного вида. Позже Георгий Францевич не раз обращался к повторным исследованиям тешик-ташца, уточняя его место в системе ископаемых форм человека (Дебце 1940).

Неизменно привлекала внимание Георгия Францевича проблема изменений физического типа человека во времени. Едва ли не основным теоретическим завоеванием «Палеоантропологии СССР» была его идея эпохальных изменений. Проблему факторов этих изменений он считал кардинальным вопросом антропологии. Проанализировав огромный, практически весь накопленный к 1960-м годам материал с территории СССР от неолита до средневековья, Георгий Францевич выдвинул и изложил на VI Парижском МКАЭН 1960 года гипотезу возникновения грацилизации как следствия распространения земледелия. В то же время он предостерегал от того, чтобы считать универсальность процесса грацилизации абсолютной, полагая, что темп процесса определяется множественными факторами.

Одной из задач в деле антропологического изучения народов СССР Георгий Францевич считал накопление современных краниологических серий. Основную роль этих материалов он видел в использовании их в качестве «моста» между палеоантропологическими и соматологическими данными. С успехом также использовались им краниологические данные как более сопоставимые для коннекции соматологических материалов в случае несравнимости результатов разных исследователей.

Велика роль Георгия Францевича в усовершенствовании и унификации методики и программы краниологического исследования. Разработки в этом направлении подытожены в руководстве «Краниометрия», опубликованной в соавторстве с В.П. Алексеевым. Из массы предложенных в разное время приемов и методов была составлена тщательно продуманная оптимальная программа, не чрезмерно громоздкая и в то же время охватывающая все признаки, могущие быть полезными. Неоценимо важным было введение в программу определений горизонтальной профилировки лица и степени уплощенности переносья, значительно расширивших возможности расовой диагностики на краниологическом материале.

Придавая большое значение сравнимости данных разных авторов, добиваясь максимальной унификации, Георгий Францевич вложил немалый труд в описание техники измерений, чтобы избежать возможных разночтений и любых неясностей, чем грешили предшествовавшие руководства. Если сейчас начинающие палеоантропологи без особого труда овладевают приемами краниометрии, то это во многом заслуга Георгия Францевича, его забота о будущем палеоантропологии.

Мысль Георгия Францевича неустанно работала над совершенствованием методов расовой диагностики на краниологическом материале. Учитывая особое значение монголоидно-европеоидных соотношений в процессе расогенеза на территории нашей страны, в последнее десятилетие своей жизни Георгий Францевич занимался разработкой способа определения доли монголоидного компонента в смешанных группах древнего и современного населения СССР.

Большим достижением в этом плане было в свое время введение Георгием Францевичем в краниометрическую практику показателей уплощенности лица – углов горизонтальной профилировки и высоты переносья. Однако хотя внутригрупповые корреляции между признаками, составляющими этот комплекс, невелики, все же скуловая и носовая области топографически очень близки, едва ли не составляя единое целое. Поэтому речь шла теперь о поисках показателя, основанного на сочетании полностью независимых комплексов признаков. Этим свойством сполна обладала разработанная Георгием Францевичем величина, называемая «условной долей монголоидного элемента» (УДМЭ), объединяющая в себе, с одной стороны, суммарную уплощенность

лицевого скелета (УЛС), а с другой – также суммарное соотношение между размерами лица и мозговой коробки – преаурикулярный фацио-церебральный указатель (ПФЦ). Георгию Францевичу удалось найти два таких комплекса, где при полном отсутствии внутригрупповой связи, межгрупповая демонстрировалась с необычайной четкостью и наглядностью, позволяя легко оценить уровень смешанности группы.

Итог многолетних поисков был опубликован за год до смерти Георгия Францевича в небольшой, всего в 10 страничек статье, которую сам автор, при всей его скромности, назвал лучшей своей работой. Подсчет условной доли монголоидного элемента с успехом применяется теперь палеоантропологами.

Георгий Францевич всегда стремился к наиболее полному использованию и исследованию ископаемого материала. Еще при работе над «Палеонтологией СССР» он не ограничился краниологической характеристикой, начав изучение и посткраниального скелета, хотя и в ограниченном виде – как из-за скудости материала, так и неразработанности методик его изучения. Столкнувшись в этой работе с противоречивостью приемов определения длины тела – важнейшего показателя в характеристике и физического развития и расового типа древних народов, Георгий Францевич не мог обойти стороной эту проблему.

Исследования массового материала в 1950-х годах показали, что определение длины тела по длинам костей конечностей во многом зависит от пропорций тела. Поэтому формулы роста оказывались различными при выведении их на материале разных групп. Это затрудняло и ограничивало их применение к палеоантропологическому материалу, поскольку тип пропорций древних популяций неизвестен.

Георгий Францевич начинает с переработки, усреднения уже имеющихся формул, но результаты не удовлетворяют его. На основе сопоставления и анализа большого числа данных он разрабатывает и предлагает универсальную, так называемую «пропорциональную» формулу. Отличие ее от других и преимущество заключается в том, что она может быть использована в группах с различными пропорциями тела, так как учитывает эти пропорции, найдя их отражение в соотношении сегментов конечности (отношение длины голени к бедру увеличивается с увеличением отношения длины ноги к росту).

Работа над формулой роста была лишь частью разрабатываемой Георгием Францевичем в его последние годы системы оценки физического развития групп древнего населения по костным останкам. Параллельно с поисками ростовых закономерностей разрабатывалась совершенно новая характеристика – условный показатель объема скелета – УПОС.

В большом ряду групп была установлена большая корреляционная связь УПОС с весом тела. Таким образом, если длина костей дает основание для суждения о росте и пропорциях, то объем костей давал возможность судить о среднем весе данной группы. Палеоантропология получила принципиально новый, ценный и очень наглядный показатель как для оценки собственно физического развития, так и для расово-диагностических целей.

Как и «пропорциональная» формула роста, УПОС прошел через огромное количество коррекционных вычислений, имел несколько модификаций, прежде чем обрести окончательно отточенную, максимально свободную от возможных погрешностей и нареканий форму. В связи с этим можно вспомнить, что Георгий Францевич со свойственной ему самокритичностью и честностью не только не обходил или затушевывал уязвимые и спорные моменты результатов своих изысканий, но, на-

против, прежде чем говорить о достоинствах метода, считал необходимым обратить внимание читателя на имевшие, с его точки зрения, недостатки.

Занимаясь разработкой теоретических и методических вопросов палеоантропологии, Георгий Францевич до последних дней не оставлял и работы с конкретными материалами, причем не располагая, как правило, лаборантской помощью, сам проводил огромную черновую работу по распаковке, очистке, шифровке и т.д.

С радостью «вырывался» он в последние годы из Москвы в Новосибирск для измерения накопившихся там новых материалов. Работал на чердаке, то раскаленном, то холодном, поднимаясь на 7-й этаж по лестнице (лифт бездействовал), работал и по вечерам и в выходные дни.

Из письма: «Новосибирск, 29 мая 1967 г. Несколько дней радуюсь жизни. И прохладная погода (хотя и солнечная), и вид с 7-го этажа на лес и Обь на горизонте, и стеллажи, на которых поместится не менее 700-800 скелетов, все хорошо... И сердце, как и следовало ожидать, не болит, хотя лифт в Институте истории не работает уже много месяцев, и на чердак подымаюсь пешком снизу... Ящики надо вскрывать, пакеты разворачивать, потом все укладывать (коробок нет, конечно, но обещают заказать), поэтому времени уходит уйма. Но мне дали специальный пропуск, чтобы работать и после занятий и в выходные дни. Все это использую, мурлыкая от удовольствия...».

Его увлеченность делом способствовала поразительной работоспособности, не раз удивлявшей окружающих. Сохранились короткие дневниковые записи о работе Георгия Францевича в Америке, куда он был приглашен в конце 1957 года. Исследуя в Американском Музее Естественной Истории коллекции из древнеэскимосских могильников Аляски, Георгий Францевич измерял в день по 22–23 черепа. Это очень большой объем, если учесть, что исследование велось по максимально широкой программе. Кроме того, Георгий Францевич впервые тогда и первым среди советских антропологов начал освоение и изучение новой системы особенностей черепа – дискретно-варьирующих признаков. За короткий срок – около двух месяцев был обследован огромный уникальный материал свыше 300 черепов и скелетов из могильников Ипиутак и Тигара – внесший большой вклад в палеоэскимосскую проблему.

В Москве материалы Георгия Францевича хранились в основном в двух лабораториях Отдела антропологии – пластической реконструкции М.М. Герасимова и палеоантропологической. Приходя в эти наши «подвальчики», как мы их называли, Георгий Францевич облачался в диковинный тогда, привезенный из Америки джинсовый, весь на кнопках, комбинезон. Принимался за очередные черепа и кости, а зачастую и за перекантовку и распаковку ящиков с ними. Коллективы наших подвальчиков были сугубо женскими, и все, что касалось физических тяжестей, Георгий Францевич брал на себя.

Он никогда не производил впечатление спешащего человека, а между тем, работал очень быстро. В тех нечастых случаях, когда приходилось помогать ему во время измерений – заполнять под его диктовку бланк – это еле-еле успевалось...

Не всегда приходы Георгия Францевича в наши лаборатории были связаны только с собственной работой. Его отличал самый живой интерес к делам окружающих. И желание помочь. Диапазон его помощи был широк. Георгий Францевич был щедр и на идеи, и на материалы, и, наконец, на собственное время, отдаваемое кому-то. При этом все делалось очень не напоказ, скорее вскользь, как бы между делом, часто без всяких просьб.

Приносил книжки, подбрасывал сравнительные данные из зарубежных публикаций, помогал править текст, подталкивал со статьей, диссертацией. Мог сделать

перевод статьи с французского для аспиранта, не знающего языка. Аспирант же был не только не его собственный, но даже и не антрополог, а медик, работавший с черепными коллекциями в Музее антропологии. Всегда подставлял плечо...

Мое знакомство с Георгием Францевичем произошло на сходной ноте. До 5-го курса мне с ним общаться не приходилось. Тематика моих курсовых и дипломной работ была далека от проблем этнической антропологии и расоведения – основных направлений его научной деятельности. Но вот однажды, в Музее, в узкой катакомбе коридора из шкафов, отделяющих библиотеку, встретясь и уже разойдясь со мной, Георгий Францевич вдруг оборачивается и почти мимоходом говорит, как бы продолжая прерванный разговор: «Да, вот что, посмотрите Вейденрейха о синантропе, там довольно подробно говорится о рельефе затылочной кости». И быстро идет дальше, не давая мне успеть произнести ни слова.

Меня поразило все. Мало того, что этот человек знал тему моей дипломной (чисто морфологическую!), он почему-то догадался, что книга Вейденрейха не была рекомендована мне моим руководителем. Студенты кафедры отнюдь не были обделены добрым отношением старших, но чтобы держать в голове подсказку «чужому» дипломнику... Мы и своих-то руководителей, уважая их более серьезные труды, старались мало беспокоить, и они, давши тему, казалось, забывали о нас до предзащитных времен. Поразила и манера Георгия Францевича: никаких предваряющих слов, что-нибудь вроде: «Вы работаете над такой-то темой, так вот...», равно как и общепринятых завершающих. Ничего.

Наверное, уже тогда, в этой коротенькой встрече, сфокусировалось и приоткрылось мне главное в дебецовской человеческой сущности – необычайная духовная щедрость, прикрытая снаружи некоторой суровостью, что ли...

Не имея, как правило, постоянного помощника, Георгий Францевич привык обходиться в основном собственными силами. В сделанной же для него работе всегда считал необходимым отметить лаборантское участие. Последнюю свою статью, вышедшую уже посмертно, Георгий Францевич подписал двумя фамилиями – соавтором стала сотрудница, помогавшая ему в расчетах. В нашем окружении это был единственный случай.

На протяжении моих недолгих лаборантских у Георгия Францевича лет едва ли половина времени шла непосредственно на помощь в его собственных делах. Всегда такая работа перемежалась то расчетами для кого-то из аспирантов, кто сам не успевал по срокам, то реставрацией черепов для кого-то из старших, то выездом в «чужую» экспедицию, то еще чем-то – не для себя. Наверное, эта помощь и участие в делах других были столь легки и органичны для него еще и потому, что результаты работ окружающих были ему часто не менее интересны, чем собственные...

Бывало так, что получив, например, дипломную работу и обнаружив, что она весьма слаба, а материал-то интересный, Георгий Францевич просто велел брать бумагу и ручку и надиктовывал все от первой до последней строчки. Дипломница, известная довольно легким отношением к учебе, была вполне довольна таким поворотом событий. Возможно, это был не единственный случай. Работа иностранного молодого коллеги и ученика, присланная на рецензию, была не только переписана, но и переделана в связи с идеей нового распределения материала, что и дало блестящие результаты... Узнавалось о таких вещах, как правило, случайно, иногда по стилю написанного. Конечно, это касалось лишь тех случаев, когда было понимание, что из самого автора уже ничего не выжмешь...

Дебецовская манера держаться, начисто лишенная светской любезности (но мог быть и очень галантным, как выяснилось позже), его внешняя суровость поначалу для нас, его учеников, выступала на первый план, и побаивались мы Георгия Францевича основательно. Нам ведь предстояло проходить через его строгие проверки – правильности реставрации, точности измерений, доброкачественности написанных текстов и т.д. Особенно страшна была проверка измерительных бланков. Над их стопкой и выставленными на столах черепами или длинными костями вершилась настоящая магия. Не было сверки всех размеров подряд, бланки просто просматривались и выхватывались именно и только неверные цифры, причем и не обязательно вопиюще ошибочные, а так, слегка сдвинутые, на миллиметр-пару. Получалось, что ошибки идут подряд, что все неверно... Позже, с собственным опытом, приходило понимание этого волшебства – действовали наметанный глаз и подкрепленная тысячами измерений интуиция. Но тогда, вначале... Перед неумолимым ясновидением мы оледеневали. Оставалось только давать себе обеты быть в десять, сто и более раз внимательнее и точнее... Не думаю, что Георгий Францевич считал себя хорошим педагогом, но педагогика получалась отменная. Не один дебецовский ученик, наверное, вспоминал потом эти магические уроки с благодарностью.

Была и другая «учеба», например, в виде своего рода формул поведения антрополога: «Бланки выносить из Института нельзя. Попадете под трамвай, пропадет материал». Примерно в том же тоне говорилось по поводу опозданий, даже по вполне уважительной причине. Вряд ли это преподносилось нам вполне всерьез, но мы воспринимали все именно так. При этом, несмотря на всю жестокость звучания таких «формул», обижаться было почему-то невозможно. Исходи эти «формулы» из уст другого человека, они, вероятно, не вызвали бы ничего, кроме возмущения. Но Георгия Францевича мы любили. Даже когда еще побаивались его суровости.

Это впечатление суровости усиливалось, в частности, еще и тем, что Георгий Францевич не любил хвалить в лицо и не делал этого почти никогда. О его одобрении, иногда довольно лестном, порой узнавалось совершенно случайно, от других. Так, спустя много лет попали ко мне внутренние издательские рецензии на мои статьи, со столь знакомой подписью. Дошел и какой-то устный отзыв. Что стоило бы сказать мне когда-то хотя бы долю того доброго, что я теперь узнала... Но не вязалось это с его натурой. Делать добро – да, а произносить вслух – нет. Произносилось о трамвае, угрожающем ценным бланкам...

Между тем, бланки тщательно сберегались, на работе мы засиживались, не глядя на часы, ни кусочка от разбитого черепа не терялось... Думаю, что действовали на нас не строгие формулы, а более всего пример самого Георгия Францевича. Его увлеченность наукой, вообще делом, необычайно заражающе действовала на учеников. При этом любая черновая, в том числе просто грязная работа, которой изобилует, например, палеоантропологическая практика, окрашивалась примером Георгия Францевича в совсем иные тона. Что уж говорить о нечерновой...

Когда я поступала в аспирантуру с темой «Палеоантропология Молдавии», Георгий Францевич в качестве реферата предложил неожиданно «Группы крови у аборигенов Америки» – по принципу – чем дальше, тем интересней. Действительно, более далекой во всех смыслах тематики нельзя, кажется, было и придумать. Обычно реферат выбирался с расчетом каким-то боком использовать его и в диссертации. Но ведь согласилась без колебаний и с удовольствием влезла с головой в абсолютно новую для

себя область! Зато когда (во многом из-за трудоемкого реферата) я оказалась в цейтноте, руководитель без моих просьб и ведома выхлопотал необходимые отсрочки и не поленился специально приехать ко мне домой, чтобы сообщить радостную новость.

Георгий Францевич предоставлял своим аспирантам большую свободу в работе и был далек от того типа руководителя, который каждую неделю ждет отчета о проделанной работе и «направляет» дальше. Хотя приходилось слышать, что в его более ранние годы бывало и так. Мне же довелось знать человека последних 12-ти лет его жизни. А он менялся, в том числе и на протяжении этого отрезка. Кажется, с годами сгладилась несколько его внешняя резковатость. Или мы просто привыкали и переставали придавать ей значение... Но зато в первые годы...

Может быть, из-за этих первых лет и в дальнейшем довольно долго держался такой стиль отношений, когда старалась пореже обращаться с вопросами и вообще, поменьше «лезть». Соображения при этом были примерно такие: а вдруг мои вопросы покажутся пустяжными и вполне решаемыми собственным разумением. Лучше уж не соваться, обойтись собственными силами и принести на показ уже готовую статью. Но при этом всегда присутствовало – и это было главным – ощущение постоянного живого интереса к твоей работе и уверенность, что на самом-то деле обратиться за помощью можно в любой момент. Еще создавалось ощущение значимости и необходимости твоей работы, которое очень помогало и которое вдруг исчезло, когда Георгия Францевича не стало.

Дело последних лет Георгия Францевича – разработка формул доли монголоидного компонента, роста и объема тела по длинным костям – все это требовало огромного количества вычислений. Он не дожил до эпохи компьютеров. Счетная машина, которую ему так хотелось приспособить для наших целей, занимала своими габаритами почти целую комнату. Увы, несмотря на множество усилий, она оказалась недееспособной. Когда в моих руках впервые оказался микрокалькулятор с программой для «сигмы», едва ли не первой мыслью было: сколько радости доставило бы это умное устройство Георгию Францевичу...

А тогда он считал в основном сам – на логарифмической линейке, просто на бумажке. Считал всегда: на заседаниях, во время докладов. Сидел, уткнувшись в расчеты за своим столом, спиной ко всем. При этом вовсе не абстрагируясь от того, что происходит вокруг, выдавая время от времени необходимые реплики. Если же требовалось более основательное участие, Георгий Францевич мгновенно поворачивался. Нога закинута на ногу, носок описывает дуги и круги то в одну, то в другую сторону, а сам он, оказывается, полностью включен в то, что происходило за спиной...

Георгий Францевич успел захватить пору, когда железный занавес начал исчезать, и открылась возможность соприкоснуться воочию с миром, который он заочно знал в антропологическом аспекте, да и во многих других, лучше, чем кто бы то ни было – его эрудиция и память поражали.

Первая зарубежная поездка – в 1957 году в Соединенные Штаты – заставила его по необходимости, но с неожиданной легкостью и навсегда полностью переиначить свой внешний вид, сменив многолетний образ человека в гимнастерке, ремнях и сапогах на вполне респектабельный европейский облик. Он легко адаптировался в заграничных выездах, языки служили здесь, конечно, свою службу. Особенно хорош был его французский. Французы находили язык очаровательным, он изумлял и великолепным произношением, и старомодно-изысканными оборотами, во многом

уже утраченными в наше время. Еще бы, язык-то усваивался в детстве (отец был француз, заброшенный судьбой в сибирскую Россию) и был языком начала века; в наши безвыездные годы обрасти современными новациями, естественно, не мог. Наверное, сама возможность заговорить по-французски составляла дополнительно привлекательную сторону зарубежных общений Георгия Францевича.

За рубежом его принимали, как он рассказывал, за кого угодно, кроме русского. Его внешность позволяла видеть в нем и испанца, и итальянца, и кубинца, и афганца. Как аборигена воспринимали его порой и в нашей тогда Средней Азии и на Кавказе. Со смехом показывал Георгий Францевич фотографию с Токийского конгресса, где он ухитрился не очень уж резко отличаться – он был мало фотогеничен – от окружающих японцев.

Впечатления от поездок всегда были довольно спокойные, без особых восторгов от увиденного. Впрочем, было кое-что, вызывавшее все-таки сильные чувства – это площади и объемы рабочих и подсобных помещений в антропологических учреждениях, количество научного персонала, конструкция рабочих столов и тому подобное.

В своих дальних поездках Георгий Францевич всегда скучал по Москве, Институту, отделу, хотя это и не особенно вязалось с его обычной манерой держаться здесь. Деловым шагом входил он в нашу институтскую комнату, здороваясь скорее себе под нос, ни на кого не глядя (уходил часто вообще молча), быстро садился за стол, сразу начинал сосредоточенно чем-то заниматься, и казалось, до всех присутствующих ему не так уж много дела. Оказывается, нет.

Вот строчки письма из Афганистана: «Напишите мне поскорее. Побольше деталей, пожалуйста, каких угодно, о чем угодно, о погоде, о Юлии Алексеевне, о кино, о заседаниях по пятницам, обо всем. По каким-то странным причинам именно эти детали интересуют». В свою очередь, он из своего далека тоже был готов – по-своему, как всегда, – делиться деталями.

С неукоснительной методичностью приходили открытки с фотографиями горных ландшафтов, старой и современной архитектуры, «кусочков» этнографии. С лаконичными подписями, вроде: «Это знаменитый Саланг. Сегодня я проехал по нему в 9-й раз», или: «Кабул в основном современный город, но...» (на картинке – караван верблюдов на городской улице), или: «Женщина без чадры. Предмет мечтаний во имя прогресса и прочих чувств...», или: «Номады на асфальте – излюбленная тема фотографов», или: «Основа благосостояния кочевников» (стадо баранов), или: «Руины для туристов. Привлекает больше, чем такая же мечеть, но целая».

Письма же были без деталей. Не до них. Был поглощен основным, спешил сделать больше. Из писем:

«Кабул, 19 ноября. Я здесь проездом из юго-восточных областей, где заделал самую большую безобразную дыру, в предгорья Гиндукуша, недалеко от Кабула (если, конечно, по птичьему полету). Там еще живут такие парачи, говорят на особом языке, хоть и иранском. Только проезда к ним на машине нет. Ну, как-нибудь... Все спешу до снега, до холодов. Гиндукуш-то уже надежно покрыт, а здесь, где пониже, пока еще ничего. Но может измениться хоть завтра... Сейчас привожу в порядок бланки, раскладываю по возрастным группам, пересчитываю, кое-что от нетерпеливого любопытства подсчитываю. Оставляю все в посольстве, потом займусь вплотную, когда будут вынужденные простои. А они будут, надо полагать.

Кабул, 1 декабря. ...Я опять проездом, заехал в посольство, получил почту, но машина стоит у ворот и надо ехать дальше. Наступает рамазан, а с ним в деревнях и про-

блема еды до захода солнца, Мне, конечно, не запрещают есть и пить, но это просто трудно организовать, особенно в дороге. Ну ничего, немного похудею, полезно даже...

Кабул, 15 декабря. ... Сейчас еду на север, там, вероятно, слякоть и мерзость. А в январе – на крайний юг, в пустыню. А в феврале – в Москву. А я не хочу в Москву, хоть и скучаю по ней сильно...

Кабул, 7 января. Сегодня Рождество по новому стилю. Вспомнил почему-то, все-таки. Новый год встречал на 1,5 часа раньше, чем в Москве (здесь не поясное время) у французских археологов. А в московский Новый год уже спал... 25-го было Рождество по старому стилю. Сказал об этом своему спутнику, а он: "Значит, сегодня Вы не будете измерять людей?" ... Это были туркмены. В этот же день был первый снег, обычная ассоциация "туркмены – жара" нарушилась. На другой день едва пробрались по дороге... Осталось меньше 40 дней. Иншалла, конечно».

Аллах был милостив... А ведь по состоянию здоровья Георгия Францевича еле выпустили в эту последнюю поездку. Уже во времена Киргизской – тоже горной экспедиции – он не обходился без сильнодействующих сердечных лекарств. Врачи настойчиво уговаривали отложить выезд в Афганистан, в конце концов открыто объявив: «Поедете – и умрете!». «Поеду – не умру, – отвечал он, – а вот не поеду, так умру точно».

И поехал, и вернулся. Особенно бодрым, в повышенном жизненном тоне, как всегда из всех своих дальних поездок. Работа для него была не только смыслом жизни, но и радостью. Однажды он сказал, что уже давно живет при коммунизме – занимается тем, чем ему хочется и при этом еще получает от государства деньги. И зарабатывать на жизнь ему как бы и не приходится.

И это настроение он приносил с собой, приходя из Института или к «герасимидам» – так тогда называли лабораторию М.М. Герасимова, или в палеоантропологический подвальчик, сначала на Моховой, потом Профсоюзной. Какой-то другой, чем в Институте, стороной оборачивался он здесь к нам. В перерывах в работе, во время обязательного чаепития, к которому часто приносил вкусные вещи, был оживленным, шутил, вспоминал и рассказывал что-то интересное. Его великолепная память помимо огромного историко-археолого-антропологического и т.д. багажа удерживала, например, массу стихов. От почти всего Н. Гумилева, мало знакомого нам в те годы, до тоже неизвестной тогда «Бригантины» Когана...

Забыты сейчас давние беспокойные подвальные будни с частыми затоплениями (то холодной, то горячей водой, то чем-то похуже) и спасательными авралами, с непрерывной борьбой с мышами, блохами(!), хозяйственниками... Но живет в памяти та атмосфера оживления и радости, которая возникала в наших подвальчиках с приходом Георгия Францевича.

Между тем, эти последние годы, о которых я вспоминаю, были далеко не лучшей порой в его жизни. Как-то все не осуществлялось им задуманное. Были планы о переезде в Новосибирск к А.П. Окладникову и организации там антропологического отдела. Молодое сибирское отделение Академии наук считалось тогда центром наиболее свободной современной и передовой науки. Почему-то эти планы были оставлены, хотя Георгий Францевич уже сколачивал бригаду из молодых антропологов, согласных ехать.

Не состоялось второе издание «Палеоантропологии СССР». Обилие новых материалов не привело к ожидаемому расширению возможных теоретических выводов о динамике и закономерностях этно- и расообразования. Без нового и существенно

важного стержня работа переставала быть ему интересной. Не самым удачным было и заведование Отделом после смерти М.Г. Левина. Не шли ему административные должности, не очень понятно даже почему. Он ведь умел быть прекрасным организатором – 7-й Международный Конгресс антропологов и этнографов в Москве в 1964 году своим успехом во многом был обязан оргдеятельности генерального секретаря Г.Ф. Дебеца.

На заведование Георгий Францевич пришел с идеей создания антропологического атласа СССР. В дело был включен весь отдел в полном составе. Но интенсивной работы не получилось, много было разговоров о несопоставимости данных разных авторов по качественным признакам. Кроме того, у всех были свои незавершенные темы, были и еще какие-то причины... Тогда же, видимо, очень нелегко, переживал Георгий Францевич и разрыв с ближайшим из учеников. Правда, обо всех его огорчениях можно было только догадываться. Даже когда и не грех было бы слегка «излиться», он себе этого не позволял.

Но, пожалуй, самым тяжелым был накопившийся к этим годам груз скептицизма в связи с возможностями антропологической науки. Возможно, основной вклад сюда внесла неудача с расширенным вариантом «Палеоантропологии СССР». Немалую роль сыграли и присущие Георгию Францевичу излишняя, порой, самокритичность и подчеркнутая научная честность, которые не только не позволяли обойти или затушевать уязвимые и спорные моменты результатов исследования, но напротив, выдвигали их на первый план. Без всякой пощады к себе отказывался он от своих более ранних положений, когда появлялись новые данные, говорящие не в их пользу. Кажется, эта гиперчестность была помехой как в некоторых взаимоотношениях, так и в собственной работе. Но, с другой стороны, все это и толкало на усиленный поиск каких-то новых путей. И увенчивались такие поиски заслуженным успехом... Он много и успешно работал в последние годы.

Смерть Георгия Францевича была несправедливо безвременной. Но – «он жил стремительно и стремительно ушел» – удивительно точны эти слова, произнесенные на похоронах. Думаю, не ошибусь, если скажу не только за себя – когда Георгий Францевича не стало, работать долго было неинтересно. Постоянное ощущение живого и деятельного внимания к твоей работе, ощущение его необыкновенной научной щедрости, его готовности помочь в большом и малом, его неизменное дружеское участие, обаяние его научной увлеченности и эрудиции, наконец, его человеческое обаяние – все это делало работу рядом с Георгием Францевичем большой радостью... Однако вспомним поэта: «не говори с тоской: их нет, но с благодарностью: были» – нам, нашему поколению все-таки выпала эта удача начинать путь в антропологии под руководством и рядом с человеком, сама память о котором способна и помочь и поддержать во многом.

Литература

- Дебец* 1940 – *Дебец. Г.Ф.* Об антропологических особенностях человеческого скелета из пещеры Тешик-Таш // Труды Узбекского филиала АН СССР. Серия «История, археология». Вып. 1. Ташкент, 1940.
- Дебец* 1947 – *Дебец Г.Ф.* О положении палеолитического ребенка из пещеры Тешик-Таш в системе ископаемых форм человека. М., 1947.
- Дебец* 1948 – *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР // Труды Института этнографии. Новая серия. Т. IV. М.; Л., 1948.

References

- Debets. G.F.* Ob antropologicheskikh osobennostiakh chelovecheskogo skeleta iz peshchery Teshik-Tash. Trudy Uzbekskogo filiala AN USSR. Seriya «Istoriia, arkhologiiia». Tashkent, 1940. Vol. 1.
- Debets G.F.* O polozhenii paleoliticheskogo rebenka iz peshchery Teshik-Tash v sisteme iskopayemykh form cheloveka. Moscow, 1947.
- Debets G.F.* Paleoantropologiiia USSR. Trudy Instituta etnografii. Novaia seriiia. Moscow; Leningrad, 1948. Vol. IV.

M.S. Velikanova. About Georgi Frantsevich Debets – scientist and person.

The article is a memoir about Mentor; about professional friendship with a person who played a big part at origin and development of paleoanthropological studies in our country in its' modern form.

Key words: *G.F. Debets, paleoanthropology, craniology, osteology, methodology and methods of paleoanthropological studies, epochal variations, gracilization, brachycefalization.*

ИЗМЕНЕНИЯ ОСНОВНЫХ РАЗМЕРОВ ГОЛОВЫ, ЛИЦА И ТЕЛА У ГОРОДСКИХ ШКОЛЬНИКОВ БЕЛАРУСИ В ТЕЧЕНИЕ ТРЕХ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

По большой антропометрической программе, включавшей размеры головы, лица и тела, автором статьи были исследованы городские школьники Минска (Центральная геохимическая провинция Беларуси), Пинска (Южная геохимическая провинция – Белорусское Полесье) и Полоцка (Северная геохимическая провинция – Белорусское Поозерье) в 1984–1985 гг., т. е. до случившейся в апреле 1986г. аварии на ЧАЭС. Затем в 2002–2003 в тех же городах снова исследованы школьники, кроме того – в Полоцке и Минске еще и в 2012–2013 гг. Исследованы три половозрастные группы: 8 лет (после первого ускорения роста), 13 (пубертатное ускорение роста у девочек и пребуртатное у мальчиков) и 17 лет (достижение дефинитивных размеров тела). В начале 2000-х годов продолжалось слабо выраженное ускорение ростовых процессов в сочетании с тенденцией к грацилизации скелета. Неблагополучие экологической ситуации и социально-экономических условий жизни с 1990-х по 2003 годы негативно повлияло на темпы развития детей обоего пола, исследованных в начале 2000-х годов. Улучшение социально-экономических условий жизни к 2012–2013 гг. благоприятно отразилось на показателях физического развития школьников, что проявилось в слабо выраженной акселерации развития при небольшой грацилизации скелета.

Статистически значимое сокращение головного указателя (процесс дебрахицефализации) в сочетании с небольшой грацилизацией скелетной основы лицевого отдела у школьников во всех исследованных возрастных группах (8, 13 и 17 лет) в начале 2000-х годов как в зоне радиационного контроля (Пинск), так и на более благополучной в отношении ионизирующего излучения северной (условно чистой) территории Беларуси (Полоцк, Минск), продолжается и до настоящего времени. Процесс дебрахицефализации четко направлен во времени, не зависит от половой принадлежности и территориальной локализации исследованных групп. Это свидетельствует в пользу микроэволюционного характера структурных изменений мозгового отдела черепа, что может быть расценено как адаптивный ответ формирующегося организма на усиление давления сложного комплекса антропогенных факторов.

Ключевые слова: Беларусь, городские школьники, антропометрические показатели, изменения во времени

Введение

На территории Беларуси существуют три геохимические провинции: северная (Белорусское Поозерье), Центральная и южная (белорусское Полесье). Северная и центральная провинции характеризуются умеренно пониженным содержанием в почвах и грунтовых водах жизненно важных макроэлементов и многих микроэлементов, а южная отличается существенным их дефицитом (*Лукашев, Вадковская 1975*).

Территория Полесья еще до аварии на Чернобыльской атомной электростанции (ЧАЭС), случившейся 26 апреля 1986 г., была эндемичной по заболеваниям щитовидной железы из-за значительного дефицита йода. Санитарно-гигиенические исследования позволили установить довольно низкий уровень минерализации питьевой воды, в частности, низкую ее насыщенность кальцием и магнием на юге и особенно на юго-востоке страны (*Коккина 1980*). Существенные изменения экологической ситуации произошли в нашей стране после аварии на ЧАЭС, вследствие которой более 20% территории Беларуси было загрязнено радионуклидами, в том числе с длительным периодом полураспада. Наиболее загрязненной оказалась юго-восточная территория. Это негативно повлияло на морфофункциональные показатели детского населения, участились случаи эндокринной патологии (*Саливон, Демченко 2015*). Существенное влияние на развитие детей оказывает и совокупность социальных факторов (*Зимина и др. 2015*).

На территории Полесья до сих пор сохраняется повышенный радиационный фон в ряде населенных пунктов, которые и сейчас относятся к зоне радиационного контроля. Осуществленные С.А. Ляликовым с сотрудниками комплексные исследования убедительно доказали, что у детей, постоянно проживающих на загрязненных ^{137}Cs территориях, некоторые показатели иммунной и эндокринной систем достоверно ниже, чем у жителей условно «чистых» районов. «Больше отклонений определяется у лиц из регионов с уровнем загрязнения $>5 \text{ Ки/км}^2$ ». (*Ляликов, Орехов 2000; Ляликов 2009: 29*).

Материалы и методы

Территории Белорусского Поозерья и Центральной геохимической провинции сейчас считаются «относительно чистыми» в отношении загрязнения радионуклидами. Однако г. Минск, являясь самым крупным промышленным центром республики, отличается повышенным уровнем загрязнения воздуха преимущественно из-за большого количества автотранспорта.

По традиционной антропометрической программе, включавшей размеры головы, лица и тела, автором статьи были исследованы городские школьники Минска (Центральная геохимическая провинция Беларуси), Пинска (Южная геохимическая провинция – Белорусское Полесье) и Полоцка (Северная геохимическая провинция – Белорусское Поозерье) в 1984–1985 гг., то есть до аварии на ЧАЭС, затем через 17 лет после аварии – в 2002–2003 учебные годы, и, кроме того, через 27 лет – в Полоцке и Минске в 2012–2013 гг. В связи с повышенной экосенситивностью организма детей и подростков в периоды ускоренного роста, были обследованы 3 возрастные группы мальчиков и девочек – 8 лет (после первого ускорения роста), 13 лет (после пубертатного ускорения роста девочек и в начале пубертатного ускорения роста мальчиков) и 17 лет (достижение дефинитивных размеров тела). Измерения головы, лица и тела в

1984–1985 и 2002–2003 гг. осуществлялись И.И. Саливон, а в 2012–2013 гг. размеры головы и лица измерены И.И. Саливон, а размеры тела определены Н.И. Полиной.

Результаты и их обсуждение

В результате мониторинга физического развития школьников из городов среднего уровня урбанизации (Полоцк и Пинск), проведенного до аварии на ЧАЭС и после нее, были выявлены основные тенденции изменения ряда антропометрических признаков у подрастающего поколения Беларуси в начале 2000-х годов (Саливон 2010; Саливон, Полина 2014; Salivon, Polina 2015).

При интерпретации полученных нами данных следует учитывать, что 8-ми и 13-тилетние дети, обследованные в начале 2000-х годов, родились вскоре после аварии на ЧАЭС. При этом 8-летние дети постоянно получали облучение малыми дозами радиации уже во время эмбрионального развития, а 13-летние – в наиболее экосенситивный период онтогенеза, то есть до 1 года. В дальнейшем развитие всех исследованных групп городских детей происходило при постоянном воздействии малых доз радиации.

В таблице 1 представлено количество школьников в половозрастных выборках, исследованных в разные годы. Всего исследовано 3905 учеников, из них 1916 мальчика и 1989 девочек.

Таблица 1

Количество исследованных школьников в городах Беларуси

Город	Возраст, лет	Мальчики, годы исследования			Девочки, годы исследования		
		1985– 1986	2002– 2003	2012– 2013	1985– 1986	2002– 2003	2012– 2013
г. ПИНСК, Южная геохимическая провинция	8	103	83	–	101	83	–
	13	101	100	–	102	101	–
	17	103	52	–	100	80	–
г. ПОЛОЦК, Северная геохимическая провинция	8	107	58	91	102	56	94
	13	107	72	84	104	73	80
	17	102	65	78	102	71	76
г. МИНСК, Центральная геохимическая провинция	8	71	12	102	58	56	101
	13	70	67	101	47	100	102
	17	58	43	86	40	60	100
Всего		822	552	542	756	680	553

У школьников, исследованных в 1980-е годы, до аварии на ЧАЭС, организм формировался в относительно благоприятных, стабильных условиях среды. Исследованные же в начале 2000-х годов 17-летние юноши и девушки родились за 1,5–2 года до аварии (в 1984–1985 гг.), когда давление повышенного радиационного фона

пришлось на самый экосенситивный период. А 13-летние школьники, родившиеся в 1988–1990 гг. , через 2–4 года после аварии на ЧАЭС, и 8-летние, родившиеся в 1993–1995 гг. , через 7–9 лет после аварии, уже в период эмбрионального развития постоянно испытывали негативное воздействие радиоактивного фона на формирующийся организм. Кроме того, именно в этот период времени в стране наступил серьёзный экономический спад.

Динамика соматометрических и кефалометрических показателей у школьников Пинска с 1984–1985 по 2002–2003 гг. представлена в таблице 2, а также в Полоцке и Минске с 1984–1985 по 2012–2013 гг. – в таблицах 3 и 4.

Таблица 2

Изменение во времени основных размеров головы, лица и длины тела у школьников Пинска (южная геохимическая провинция)

Признак	Мальчики годы исследования				Девочки годы исследования			
	1985–1986		2002–2003		1985–1986		2002–2003	
	X	δ	X	δ	X	δ	X	δ
8 лет								
Длина тела, см	128,5	4,75	128,4	5,74	127,7	5,23	128,6	5,77
Обхват груди, см	61,1	2,74	60,3	3,46	59,5	3,85	58,5	3,52
Обхват головы, см	51,2	1,17	52,8	1,48	50,3	1,34	52,0	1,50
Продольный диаметр головы, мм	175,2	5,88	178,5	7,27	172,5	5,85	176,5	5,62
Поперечный диаметр головы, мм	150,9	4,57	147,8	5,12	146,2	4,45	142,5	4,55
Головной указатель, ед.	86,2	3,78	82,9	4,49	84,9	3,88	81,8	4,09
Скуловой диаметр, мм	123,8	4,25	123,9	4,52	121,5	4,62	121,3	4,96
Нижнечелюстной диаметр, мм	97,7	3,50	97,0	4,35	95,2	4,42	94,4	4,35
Физиономическая высота лица, мм	158,7	6,83	162,7	7,40	157,1	7,43	160,6	7,81
13 лет								
Длина тела, см	153,9	8,69	158,0	9,25	156,7	6,23	157,6	6,93
Обхват груди, см	72,5	5,68	72,5	6,14	75,2	5,86	73,5	7,09
Обхват головы, см	53,7	1,68	54,7	1,53	53,4	1,77	53,9	1,61
Продольный диаметр головы, мм	180,2	6,68	187,7	6,54	177,5	7,33	178,8	6,00
Поперечный диаметр головы, мм	154,4	5,23	151,8	5,52	150,7	5,20	146,8	5,78
Головной указатель, ед.	85,8	3,96	83,1	3,90	85,0	4,02	82,2	3,84

Таблица 2 (продолжение)

Признак	Мальчики годы исследования				Девочки годы исследования			
	1985–1986		2002–2003		1985–1986		2002–2003	
	X	δ	X	δ	X	δ	X	δ
Скуловой диаметр, мм	132,0	4,76	132,8	4,94	130,0	4,81	130,1	4,99
Нижнечелюстной диаметр, мм	103,4	4,69	103,5	5,01	102,2	4,69	100,7	5,12
Физиономическая высота лица, мм	169,7	8,45	174,9	8,61	168,0	8,49	170,0	7,57
17 лет								
Длина тела, см	175,7	6,21	177,2	6,89	161,8	5,48	164,3	6,25
Обхват груди, см	86,4	5,49	86,3	5,58	80,5	4,46	79,8	5,69
Обхват головы, см	57,1	1,53	56,6	1,51	54,8	1,31	54,9	1,67
Продольный диаметр головы, мм	188,4	5,70	188,6	7,32	180,0	5,92	181,2	7,33
Поперечный диаметр головы, мм	159,4	5,71	156,9	5,66	152,1	4,51	148,9	5,54
Головной указатель, ед.	84,7	3,42	83,4	3,91	84,6	3,35	82,3	4,10
Скуловой диаметр, мм	141,6	5,43	140,7	5,13	134,7	5,26	133,7	5,24
Нижнечелюстной диаметр, мм	109,7	5,13	109,1	4,85	104,4	4,34	103,6	4,90
Физиономическая высота лица, мм	184,2	8,85	180,8	7,39	172,3	9,54	173,9	7,57

В 2002–2003 гг. уже у 8-летних мальчиков г. Пинска по сравнению с ровесниками прежних лет при одинаковой длине тела проявилась тенденция к увеличению физиономической высоты лица, окружности головы, а также к изменению ее формы за счет увеличения продольного диаметра головы и сокращения ее поперечного диаметра. Головной указатель стал меньше почти на 3,5 ед. по сравнению с мальчиками 1980-х годов.

К 13 годам мальчики-подростки стали выше на 4 см при сохранении той же тенденции изменений окружности головы, ее пропорций и формы, физиономической высоты лица. В 17 лет юноши по длине тела опережали ровесников 1980-х годов только на 1,5 см, имели немного более низкое и узкое лицо, на 1,3 ед. меньший головной указатель, преимущественно за счет сокращения поперечного диаметра.

Девочки Пинска, как и мальчики, к 8 годам в 2000-е годы по сравнению с ровесницами прежних лет оказались на 1 см выше, имели бóльшие величины окружности головы, ее продольного диаметра и физиономической высоты лица при сокращении поперечного диаметра головы. Головной указатель сократился на 3 ед. Наметилась

слабо выраженная тенденция к сокращению поперечных размеров лица. В 13 лет девочки по длине тела опережают ровесниц 1980-х годов примерно на 1 см, сохраняется та же тенденция изменений размеров лица и головы (головной указатель стал на 3 ед. меньше). В 17 лет девушки стали выше на 2,5 см, при этом незначительно увеличилась окружность головы, ее продольный диаметр, физиономическая высота лица. Сократились широтные размеры – поперечный диаметр головы, скуловой и нижнечелюстной диаметры. За счет изменения соотношения продольного и поперечного диаметров головы головной указатель сократился на 2,3 ед.

Северная геохимическая провинция Беларуси в меньшей степени, чем южная пострадала от последствий аварии на ЧАЭС. В этих условиях к 2002–2003 гг. мальчики Полоцка (см. табл. 3), как и Пинска, в 8 лет отличаются от ровесников предшествующего периода большими продольными размерами – длины тела, продольного диаметра головы, физиономической высоты лица. Скуловой и нижнечелюстной диаметры у них увеличились незначительно. Небольшое сокращение поперечного диаметра головы сопровождалось снижением величины головного указателя на 2,2 ед. К 13 годам у мальчиков замедление темпов продольного роста тела отражается на меньшей длине их тела, но при этом увеличиваются продольный диаметр головы и физиономическая высота лица, сокращается поперечный диаметр головы и, соответственно, на 2,6 ед. снижается величина головного указателя. Проявляется слабая тенденция к сокращению поперечных размеров лица – скулового и нижнечелюстного диаметров. Юноши в 17 лет немного опережают ровесников 1984–1985 гг. по длине тела и у них при сокращении поперечного диаметра головы незначительно увеличивается продольный диаметр, чему соответствует меньшая (на 0,79 ед.) величина головного указателя. Остальные размеры головы и лица изменились мало.

Исследование школьников Полоцка через 10 лет, в 2012–2013 годах, выявило ту же, но более выраженную тенденцию дебрахикефализации во всех возрастных группах при тех же значениях длины тела.

Таким образом, к 17 годам у юношей головной указатель снизился на 2,8 ед. за счет увеличения по сравнению с 2002–2003 гг. продольного диаметра головы и сокращения поперечного. Окружность головы увеличилась на 6 мм, немного увеличились скуловой и нижнечелюстной диаметры, но стала меньше физиономическая высота лица.

Девочки Полоцка в 8 лет в 2002–2003 гг. при немного меньшей по сравнению с ровесницами 1984–1985 гг. длине тела отличаются от них меньшим поперечным диаметром головы и меньшим головным указателем (на 2 ед.), меньшим скуловым диаметром при большей физиономической высоте лица. В начале 2000-х гг. у 13-летних девочек при большей длине тела большая величина продольного диаметра головы сочетается с меньшим поперечным, чему соответствует меньшая (на 2,5 ед.) величина головного указателя. Размеры скулового и нижнечелюстного диаметров у них остались неизменными, а физиономическая высота лица увеличилась. В 17 лет отсутствуют различия по длине тела между девушками, исследованными в 1984–1985 и 2002–2003 гг., но последние отличаются от предшествующих большим продольным и меньшим поперечным диаметрами и, соответственно, меньшим на 1,4 ед. головным указателем.

Таблица 3

**Изменения во времени основных размеров головы, лица и длины тела у школьников Полоцка
(Северная геохимическая провинция)**

Признак	Мальчики, годы исследования						Девочки, годы исследования					
	1985–1986		2002–2003		2012–2013		1985–1986		2002–2003		2012–2013	
	X	δ	X	δ	X	δ	X	δ	X	δ	X	δ
8 лет												
Длина тела, см	128,5	4,81	130,9	4,89	130,0	5,12	128,2	5,09	127,7	5,43	129,3	5,55
Обхват груди, см	60,9	3,72	61,6	4,33	63,6	5,97	60,7	4,25	58,0	4,35	61,9	6,32
Обхват головы, см	52,3	1,28	52,8	1,38	52,9	1,28	51,2	1,35	51,3	1,20	51,8	1,43
Продольный диаметр головы, мм	177,6	5,84	181,1	6,16	182,3	5,99	174,8	5,38	174,7	5,16	178,1	6,85
Поперечный диаметр головы, мм	149,0	4,52	147,9	5,07	144,6	4,43	145,5	4,61	142,3	5,31	139,5	4,25
Головной указатель, ед.	84,0	3,59	81,8	3,67	79,4	3,63	83,3	3,53	81,4	3,62	78,5	3,70
Скуловой диаметр, мм	123,0	3,92	124,5	4,68	124,1	4,66	122,0	3,89	120,4	4,91	120,6	5,31
Нижнечелюстной диаметр, мм	96,0	4,02	97,9	4,49	98,1	4,30	94,9	3,85	94,6	4,32	94,6	4,35
Физиономическая высота лица, мм	159,3	7,15	164,0	7,61	162,6	7,10	156,2	6,77	162,2	7,22	159,2	6,52
13 лет												
Длина тела, см	156,0	8,92	154,3	7,17	159,4	8,05	157,4	7,14	158,1	8,25	158,1	5,13
Обхват груди, см	73,8	5,28	71,1	5,25	77,5	7,25	75,1	9,27	73,8	7,73	79,0	6,72
Обхват головы, см	54,4	1,47	54,3	1,45	66,0	1,53	53,5	1,66	54,0	1,68	54,4	1,83

Таблица 3 (продолжение)

Признак	Мальчики, годы исследования						Девочки, годы исследования					
	1985–1986		2002–2003		2012–2013		1985–1986		2002–2003		2012–2013	
	X	δ	X	δ	X	δ	X	δ	X	δ	X	δ
Продольный диаметр головы, мм	182,4	6,14	185,0	6,31	187,4	7,50	178,2	6,23	181,9	6,95	182,4	6,62
Поперечный диаметр головы, мм	153,6	4,92	150,9	4,72	149,9	5,19	148,6	5,44	147,3	4,94	148,3	5,77
Головной указатель, ед.	84,3	3,55	81,6	3,38	80,1	3,94	83,5	3,44	81,0	3,35	80,3	3,45
Скуловой диаметр, мм	132,4	4,75	131,7	4,03	133,2	5,01	129,3	4,95	130,0	5,77	130,8	4,83
Нижнечелюстной диаметр, мм	104,5	4,56	102,2	7,51	105,2	4,94	100,6	4,44	100,9	5,43	103,0	4,75
Физиономическая высота лица, мм	170,9	8,00	173,8	7,85	171,3	7,86	168,1	7,78	171,5	7,12	168,6	8,31
17 лет												
Длина тела, см	176,7	6,82	178,1	7,48	178,5	6,01	164,9	6,07	165,0	5,33	164,4	5,84
Обхват груди, см	87,3	5,40	85,5	7,45	97,8	8,60	80,9	4,56	80,1	5,05	82,5	5,65
Обхват головы, см	56,9	1,41	56,5	1,40	57,1	1,57	55,2	1,37	54,9	1,25	54,8	1,49
Продольный диаметр головы, мм	190,4	6,40	190,8	6,165	194,1	7,00	182,9	6,43	183,4	6,51	184,2	5,49
Поперечный диаметр головы, мм	157,1	5,16	155,9	5,38	154,6	5,52	151,8	4,96	149,5	5,02	147,3	4,84
Головной указатель, ед.	82,6	3,37	81,8	3,96	79,1	6,73	83,1	3,45	81,7	4,29	80,0	2,89
Скуловой диаметр, мм	140,1	4,72	140,5	5,37	140,8	5,56	135,3	4,58	134,8	4,47	132,6	4,63
Нижнечелюстной диаметр, мм	109,0	4,20	107,1	4,87	110,0	5,63	105,3	4,44	103,7	4,56	103,9	4,38
Физиономическая высота лица, мм	184,3	9,12	182,8	9,00	179,6	9,45	170,9	6,52	175,3	7,44	171,2	7,89

В 2012–2013 гг., когда улучшилась экономическая ситуация в стране, у 8-летних девочек по сравнению с ровесницами 2002–2003 гг. оказались больше длина тела, продольный диаметр головы при сокращении поперечного (соответственно стал на 2,9 мм меньше головной указатель), уменьшилась физиономическая высота лица. В 13 лет у сравниваемых групп девочек длина тела по сравнению с предшествующими ровесницами не изменилась, но при этом у современных девочек-подростков увеличение продольного диаметра головы сочеталось с сокращением поперечного (головной указатель стал меньше на 0,9 ед.), немного сократилась физиономическая высота лица. Современные 17-летние девушки имеют немного меньшую длину тела при большем продольном диаметре головы и меньшем поперечном (головной указатель сократился на 1,7 ед.), немного сократились физиономическая высота лица и скуловой диаметр.

В Минске (см. табл.4), как и в Полоцке, к 2002–2003 гг. мальчики в 8 лет отличаются от ровесников предшествующего периода (1984–1985 гг.) только несколько меньшей длиной тела, большими величинами продольного диаметра головы и ее обхвата, обхвата груди (на 1,0 см), а также на 1,5 мм меньшим поперечным диаметром головы. головной указатель у них меньше на 1,0 ед.

К 13 годам у мальчиков сократились обхваты груди (на 5,3 см), обхват головы, ее продольный, поперечный и скуловой диаметры, физиономическая высота лица, а головной указатель остался почти неизменным. Юноши в 17 лет отстают по длине тела на 0,6 см от ровесников 1984–1985 гг. и у них меньше на 3,7 см обхват груди, немного сократились обхват головы, продольный и поперечный ее диаметры при небольшом увеличении головного указателя на 0,5 ед. незначительно сократились скуловой диаметр и физиономическая высота лица.

Девочки Минска в 2002–2003 гг. в 8-летнем возрасте отличаются от ровесниц 1980-х годов меньшими величинами обхвата груди, поперечного диаметра головы и физиономической высоты лица. Но при большей величине продольного диаметра головной указатель оказался меньше на 1,0 ед. К 13 годам девочки имели несколько меньшие обхваты груди и головы, продольный и поперечный диаметры, на 1,5 ед. стал меньше головной указатель. При этом у них слегка увеличились широтные размеры лица (скуловой и нижнечелюстной диаметры), а также физиономическая высота лица. Длина тела 17-летних девушек на 0,5 см превышает величину показателя у ровесниц 1980-х годов, но меньше стали обхваты груди и головы, продольный и поперечный диаметры головы при неизменном головном указателе, незначительно увеличились широтные размеры лица.

Исследование школьников Минска в 2012–2013 гг. выявило ту же, но более выраженную, чем 10 лет назад, тенденцию дебрахикефализации во всех возрастных группах. К 17 годам по сравнению с данными 1980-х годов головной указатель у девушек снизился на 1,6 ед. преимущественно за счет сокращения поперечного диаметра, а также на 3 мм стала меньше физиономическая высота лица.

Процесс дебрахикефализации, выявленный у детского населения Беларуси на рубеже XX–XXI столетий, отмечен и среди городских школьников России (*Пурунджан и др.* 2002) и в ряде Европейских стран. С 1957–1958 гг. по 1983–1984 гг. у чешских детей первого года жизни при неизменном поперечном диаметре головы увеличился ее продольный диаметр (*Bružek at al.* 1988). С начала 1980-х годов наблюдались явления дебрахикефализации среди детского населения Йены и Брюсселя (*Susanne at al.* 1988).

Таблица 4

**Изменение во времени основных размеров головы, лица и длины тела у девочек города Минска
(центральная геохимическая провинция)**

Признак	Мальчики, годы исследования						Девочки, годы исследования					
	1985–1986		2002–2003		2012–2013		1985–1986		2002–2003		2012–2013	
	X	δ	X	δ	X	δ	X	δ	X	δ	X	δ
8 лет												
Длина тела, см	130,4	5,03	129,9	9,25	131,3	5,40	129,9	5,61	129,8	6,50	130,4	5,91
Обхват груди, см	62,5	3,66	63,5	2,20	64,5	6,16	61,7	4,60	59,3	4,84	62,7	9,71
Обхват головы, см	51,8	1,34	53,0	1,96	52,1	1,60	51,0	4,41	51,8	1,30	51,4	1,38
Продольный диаметр головы, мм	179,3	6,82	180,0	9,41	180,7	7,69	174,9	5,89	175,6	5,77	177,1	6,38
Поперечный диаметр головы, мм	148,2	5,11	146,7	5,63	144,9	5,00	144,1	4,66	142,5	4,77	139,9	4,53
Головной указатель, ед.	82,7	3,93	81,7	5,68	80,3	4,65	82,5	3,65	81,2	4,11	79,1	3,84
Скуловой диаметр, Мм	123,3	4,95	123,8	5,83	125,0	4,35	121,7	4,53	122,1	5,63	121,1	5,64
Нижнечелюстной диаметр, мм	97,0	4,46	96,9	6,50	98,8	4,09	94,5	4,57	95,8	4,83	96,4	4,95
Физиономическая высота лица, мм	160,6	6,89	160,4	5,43	160,7	7,19	157,7	7,43	161,2	6,57	160,0	7,90
13 лет												
Длина тела, см	157,6	7,77	157,7	8,40	158,8	8,81	157,4	7,16	157,1	7,57	159,7	7,13
Обхват груди, см	78,8	6,65	73,5	5,72	78,8	9,28	80,1	7,76	72,0	5,59	78,7	6,94
Обхват головы, см	55,5	1,50	54,5	1,67	54,5	1,81	54,5	1,52	53,8	1,40	53,7	1,70

Таблица 4 (продолжение)

	Мальчики, годы исследования						Девочки, годы исследования					
	1985–1986		2002–2003		2012–2013		1985–1986		2002–2003		2012–2013	
	X	δ	X	δ	X	δ	X	δ	X	δ	X	δ
Продольный диаметр головы, мм	185,8	6,72	183,3	7,29	187,2	6,57	179,9	5,67	178,9	6,75	182,1	6,41
Поперечный диаметр головы, мм	153,6	5,96	150,5	5,68	149,3	5,62	149,7	5,00	146,1	5,39	146,3	4,86
Головной указатель, ед.	82,8	4,43	82,2	4,19	79,8	3,53	83,3	2,87	81,8	4,00	80,4	3,62
Скуловой диаметр, мм	132,7	5,70	132,0	5,25	132,6	5,76	119,8	3,95	129,6	4,74	130,8	4,94
Нижнечелюстной диаметр, мм	104,5	4,94	103,0	5,30	104,7	6,12	91,6	4,07	100,0	4,08	102,1	5,24
Физиономическая высота лица, мм	173,0	8,06	171,8	9,03	170,1	8,16	157,5	6,15	169,6	8,32	169,5	6,95
17 лет												
Длина тела, см	177,3	6,78	176,7	5,86	177,4	6,84	165,8	5,73	166,3	4,48	164,5	5,17
Обхват груди, см	89,4	5,78	85,7	5,62	89,5	6,29	83,0	5,37	79,1	3,82	83,6	6,62
Обхват головы, см	57,4	1,64	56,4	1,56	56,1	3,54	56,0	1,32	54,9	1,44	54,3	1,53
Продольный диаметр головы, мм	192,8	6,84	189,3	6,80	194,0	7,22	183,7	6,57	182,1	5,51	183,6	5,43
Поперечный диаметр головы, мм	156,5	6,73	154,6	6,58	153,1	4,72	150,1	4,33	149,3	5,50	147,1	5,26
Головной указатель, ед.	81,3	4,15	81,8	4,46	79,0	3,40	81,8	3,33	82,0	3,63	80,2	3,50
Скуловой диаметр, мм	139,7	5,76	138,8	5,70	139,6	4,69	133,4	3,98	134,4	4,56	133,2	4,64
Нижнечелюстной диаметр, мм	108,7	5,04	108,3	5,03	108,4	4,49	103,2	4,16	103,8	4,06	104,3	4,34
Физиономическая высота лица, мм	185,4	8,21	184,2	7,82	180,8	8,35	175,3	8,42	173,1	6,66	172,2	7,12

Важным фактором изменений во времени формы головы В.В. Бунак считал «сдвиг доминантности генов, прямо и косвенно влияющих на рост двух осей мозговой коробки; в одних сочетаниях размеров диаметров доминирует поперечный рост, в других же – продольный». При этом «различие долихо- и брахикранных групп возникает в раннем детском возрасте» (Бунак 1959; Бунак 1968: 15). Он отметил, что процесс брахикефализации возникает в группах с индексом 76–82 ед. и заканчивается при достижении средней величины 82–86 ед. Некоторое время установившаяся средняя величина сохраняется, но при изменении соотношения частот отдельных вариантов в популяции наступает сдвиг формы черепа в обратном направлении (Бунак 1968: 13).

В.И. Кочетковой были выявлены основные закономерности макроэволюционных изменений эндокранов – от архантропов до неантропов. В итоге она пришла к выводу, что увеличение объема эндокрана происходило преимущественно за счет роста мозга в длину и о менее интенсивной изменчивости широтных его размеров при наименьшем увеличении эндокрана в высоту. Преобразование мозга не было тотальным или равномерным, а происходило в отдельных локальных очагах роста (Кочеткова 1967: 28). Она показала, что направленное во времени увеличение массы головного мозга осуществлялось преимущественно в области височной и затылочной долей, связанных с речью и координацией точных движений кисти, а также лобной доли, связанной с социализацией индивидуумов. Этот процесс сопровождался увеличением соответствующих участков черепной коробки и изменением ее пропорций.

В ходе адаптации первобытных коллективов к менявшимся условиям среды обитания посредством усложнения мышления происходили медленные и слабо выраженные микроэволюционные процессы. Итогом направленной во времени совокупности этих преобразований стала макроэволюционная трансформация вместилища мозга – черепа человека, приобретшего современные очертания (Бунак 1959; Бунак 1968; Кочеткова 1967). На современном этапе развития человека как биологического вида компьютеризация большинства типов деятельности требует ускорения зрительных и двигательных реакций руки при большей их точности, а значит требует в первую очередь совершенствования проводящих путей и синаптических связей в соответствующих областях мозга.

Результаты исследования показали, что для формирования мозгового отдела черепа у исследованных городских школьников Беларуси характерно сочетание тенденции дебрахикефализации с постепенным сокращением максимальной окружности головы и увеличением лобно-поперечного указателя за счет сокращения поперечного диаметра при небольшом увеличении ширины лба.

Осуществленный сравнительный анализ темпов относительного прироста исследованных размеров головы, лица и тела в разных городах в разные годы исследования позволил выявить особенности изменений скоростей роста для отдельных признаков. Была вычислена доля выполненной к 13 годам программы роста. Для этого относительный прирост антропометрических показателей в возрастном интервале от 8 до 13 лет был рассчитан в процентах от общего прироста от 8 до 17 лет. Результаты представлены на рисунке 1.

При исследовании в начале 2000-х годов, в период экономического спада, среди мальчиков Минска и Полоцка наблюдается тенденция замедления приростов почти всех размеров. Изменения более выражены в Минске. У ровесников Пинска темпы приростов признаков, напротив, несколько ускорены. Среди девочек существенное за-

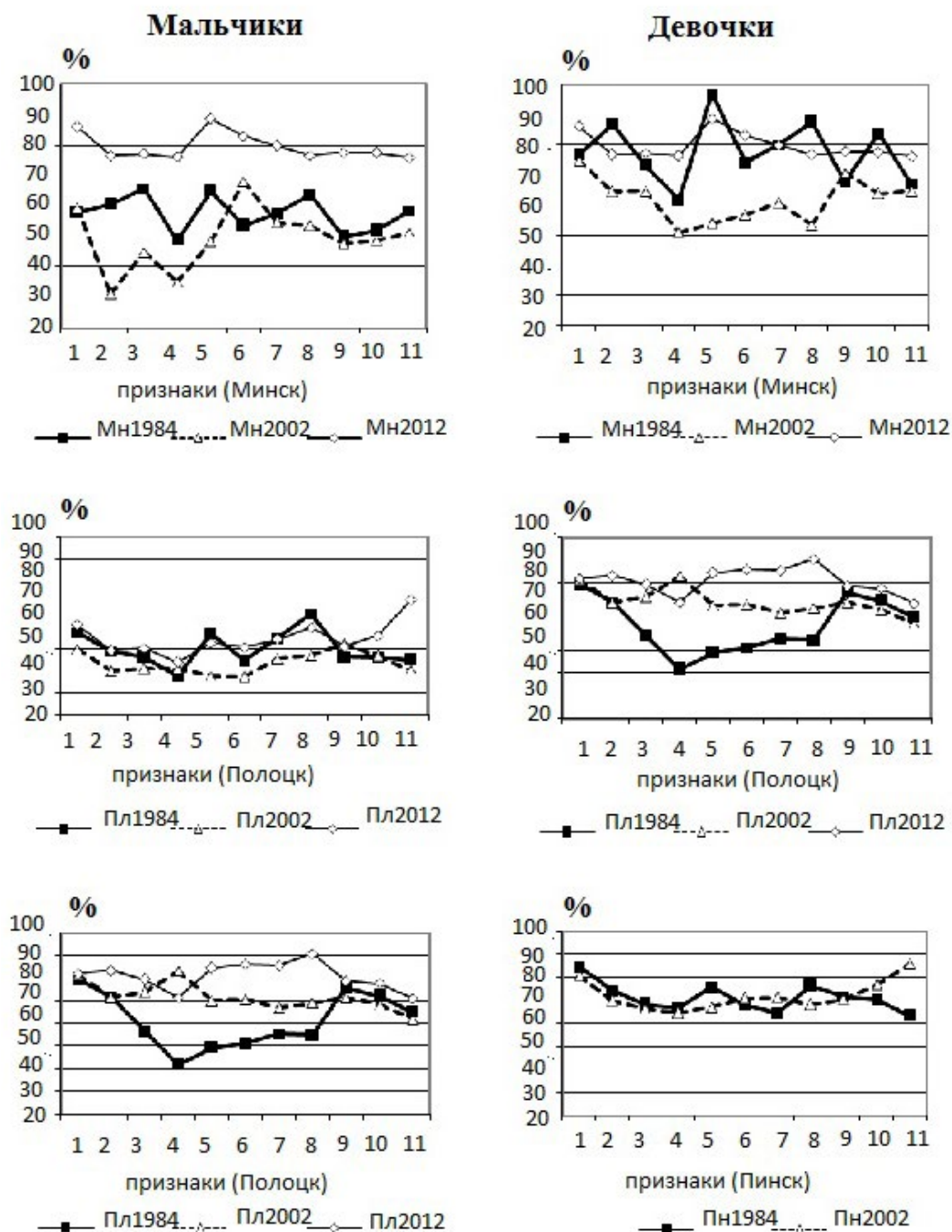

Рис. 1. Изменения во времени приростов основных размеров тела и головы у городских школьников Беларуси от 8 до 13 лет, выраженные в процентах общего прироста от 8 до 17 лет. Обозначения: 1 – длина тела, 2 – обхват груди, 3 – максимальная окружность головы, 4 – продольный диаметр головы, 5 – поперечный диаметр головы, 6 – ширина лба, 7 – скуловой диаметр, 8 – нижнечелюстной диаметр, 9 – физиономическая высота лица, 10 – морфологическая высота лица, 11 – высота носа

медление темпов приростов почти всех признаков наблюдается в этот период в Минске и выражено сильнее, чем среди мальчиков. В Полоцке же, в отличие от некоторого замедления темпов морфогенеза среди мальчиков, у девочек наблюдается ускорение темпов приростов окружности груди и почти всех размеров головы и лица по сравнению с ровесниками 1980-х годов при стабилизации темпов приростов длины тела.

Таким образом, темпы приростов антропометрических показателей в препубертатный период отражают более раннее начало ускорения темпов увеличения размеров тела и головы в 2012–2013 гг. у мальчиков в Минске, а у девочек – в Полоцке, что, вероятно, отражает более раннее начало процесса полового созревания и связано с ним.

Заключение

Обобщая анализ изменений во времени антропометрических показателей с 1984–1985 по 2012–2013 гг., можно сделать вывод о том, что у школьников в городах Беларуси с разным уровнем урбанизации процесс акселерации в значительной степени замедлился на рубеже XX–XXI вв., то есть в период экономического спада в сочетании с последствиями аварии на ЧАЭС. Благоприятные изменения в области экономики в течение первого десятилетия XXI в. позитивно отразились на ростовых процессах детского населения, сопровождаясь слабо выраженными явлениями грацилизации скелета.

Во всех исследованных половозрастных группах школьников в городах Пинске, Полоцке и Минске независимо от половой принадлежности, прослеживается отчетливо выраженная тенденция трансформации мозгового отдела черепа по направлению от 1980-х годов к 2002–2003 и 2012–2013 годам. Процесс дебрахицефализации происходил преимущественно за счет сокращения поперечного диаметра головы при небольшом увеличении продольного и сочетался с увеличением лобно-поперечного указателя за счет небольшого увеличения ширины лба при существенном сокращении поперечного диаметра. Постепенное сокращение максимального обхвата головы, возможно, является следствием общей грацилизации скелета.

Четкая направленность процесса во времени свидетельствует в пользу микроэволюционного характера морфологической перестройки мозгового отдела черепа при слабой грацилизации его лицевого отдела. Такой характер изменений в период формирования организма на экосенситивной стадии развития при физиологическом ускорении ростовых процессов может быть адаптивным ответом современных популяций на усиление давления сложного комплекса антропогенных факторов (прежде всего информационного стресса на фоне постоянного действия малых доз радиации).

При интерпретации причин изменений мозгового отдела черепа, вероятно, следует учитывать, что нарастающие на рубеже XX–XXI столетий темпы преобразований природной и социальной среды жизнедеятельности человека и колоссальная интеллектуальная нагрузка предъявляют повышенные требования к адаптивным возможностям организма, особенно к функциональным возможностям головного мозга, реализуемым через его проводящую и синаптическую системы.

Трудно с уверенностью предсказать, сколь долго будет продолжаться выявленный процесс трансформации мозгового отдела черепа и сохранит ли ту же направленность в ряду поколений, или это лишь временные, непродолжительные флуктуирующие изменения. Однако очевидна необходимость продолжительного мониторинга формирования детского организма на разных этапах онтогенеза в различных экологических условиях – при разных сочетаниях природных и социальных факторов.

Литература

- Бунак 1959 – Бунак В.В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас. Труды Института этнографии АН СССР. М., 1959. Т. 49.
- Бунак 1968 – Бунак В.В. Об эволюции формы черепа // Вопросы антропологии, 1968. Вып. 30. С. 3–16.
- Зими́на, Гончарова, Саливон, Негашева 2015 – Зими́на С. Н., Гончарова Н.Н., Саливон И.И., Негашева М.А. Влияние биосоциальных факторов на уровень полового диморфизма в современных популяциях городского и сельского населения // Вестник Московского Университета. Серия XXIII. Антропология, 2015. № 2. С. 34–44.
- Кокина 1958 – Кокина А.Г. Биологическая оценка питьевых вод Белоруссии // Здоровоохранение Белоруссии, 1985. № 6. С. 28–30.
- Кочеткова 1967 – Кочеткова В.И. Основные этапы эволюции мозга и материальной культуры древних людей // Вопросы антропологии, 1967. Выпуск 26. С. 29–40.
- Лукашев, Вадковская 1975 – Лукашев К.И., Вадковская И.К. Геохимические процессы в ландшафтах Белорусии. Минск, 1975.
- Ляликов, Орехов 2000 – Ляликов С.А., Орехов С.Д. Физическое развитие детей Беларуси. Гродно: Издательство Гродненский государственный медицинский университет, 2000.
- Ляликов 2009 – Ляликов С. А. Морфометрическая и клиничко-лабораторная характеристика периодов детского возраста белорусской популяции. Автореф. дисс. ... докт. мед. наук. Минск, 2009.
- Пурунджан, Година, Хомякова, Задорожная 2002 – Пурунджан А.Л., Година Е.З., Хомякова И.А., Задорожная Л.В. Особенности эпохальных изменений размеров тела и головы детей и подростков Республики Беларусь и Московского региона // Материалы IV Международного Конгресса по интегративной антропологии. СПб., 2002. С. 299–301.
- Саливон 2010 – Саливон И.И. Некоторые структурные изменения головы населения Беларуси на рубеже XX – XXI столетий // Человек: Его биологическая и социальная история / Труды Международной конференции, посвященной 80-летию академика РАН В.П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения) г. Москва, 9–12 ноября 2009 г. М., 2010. Т. 2. С. 40–46
- Саливон, Полина 2014 – Саливон И.И., Полина Н.И. Изменения основных показателей физического развития школьников Полоцка за последние 30 лет // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў. Зборнік навуковых артыкулаў II міжнароднай навуковай канферэнцыі. (Полацк, 17–18 красавіка 2014 г.). Ч. 1. Новаполацк, 2014. С. 116–122.
- Саливон, Демченко 2015 – Саливон И.И., Демченко М.А. Адаптация детского населения Беларуси к условиям городской среды // Весці нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі (серыя медыцынскіх навук), 2015. № 2. С. 117–123.
- Salivon, Polina 2015 – Salivon I., Polina N. Changes of the body structure in urban schoolchildren of Belarus over time // Intern. Journal of Anthropology, 2015. Vol. 30. No. 3–4 (183–196).
- Bružek, Hajanis, Tlaskal 1988 – Bružek J., Hajanis K., Tlaskal P. Sekularni trend a debrachycefalizace českých dětí v prvním roce života // Cs. pediatri, 1988. Vol. 43. No. 4. Pp. 199–203.
- Susanne, Vercauteren, Krasnicanova 1988 – Susanne C., Vercauteren M., Krasnicanova H. at al. Evolution seculaire des dimensions cephaliques // Bull. et mem. Soc. Anthropol., 1988. Vol. 5. No. 3. Pp. 151–161.

References

- Bunak V.V. Cherep cheloveka i stadii ego formirovaniia u iskopaemykh liudei i sovremennykh ras. Trudy Instituta etnografii AN USSR. Moscow, 1959. Vol. 49.
- Bunak V.V. Ob evoliutsii formy cherepa. Voprosy antropologii, 1968. No. 30. Pp. 3–16.
- Zimina S.N., Goncharova N.N., Salivon I.I., Negasheva M.A. Vliianie biosotsial'nykh faktorov na uroven' polovogo dimorfizma v sovremennykh populiatsiiakh gorodskogo i sel'skogo nasele-

- niia. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya, 2015. No. 2. Pp. 34–44.
- Kokina A.G. Biologicheskaya otsenka pit'evykh vod Belorussii. Zdravookhranenie Belorussii, 1985. No. 6. Pp. 28–30.
- Kochetkova V.I. Osnovnye etapy evoliutsii mozga i material'noi kul'tury drevnikh liudei. Voprosy antropologii, 1967. No. 26. Pp. 29–40.
- Lukashev K.I., Vadkovskaya I.K. Geokhimicheskie protsessy v landshaftakh Belorussii. Minsk, 1975.
- Lialikov S.A., Orekhov S.D. Fizicheskoe razvitiye detei Balarusi. Grodno: Izdatel'stvo Grodnenskii gosudarstvennyi meditsinskii universitet, 2000.
- Lialikov S.A. Morfometricheskaya i kliniko-laboratornaya kharakteristika periodov detskogo vozrasta belorusskoi populatsii. Avtoref. diss. ... dokt med. nauk. Minsk, 2009.
- Purundzhan A.L., Godina E.Z., Khomiakova I.A., Zadorozhnaia L.V. Osobennosti epokhal'nykh izmenenii razmerov tela i golovy detei i podrostkov Respubliki Belarus' i Moskovskogo regiona. Materialy IV Mezhdunarodnogo Kongressa po integrativnoi antropologii. St. Petersburg, 2002. Pp. 299–301.
- Salivon I.I. Nekotorye strukturnye izmeneniya golovy naseleniya Balarusi na rubezhe XX – XXI stoletii. Chelovek: Ego biologicheskaya i sotsial'naya istoriya / Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 80-letiiu akademika RAN V.P. Alekseeva (Chetvertye Alkseevskie chteniya), Moscow, 9–12 November, 2009. Moscow, 2010. Vol. 2. Pp. 40–46
- Salivon I.I., Polina N.I. Izmeneniya osnovnykh pokazatelei fizicheskogo razvitiya shkol'nikov Polotska za poslednie 30 let. Belaruskaya Padzvinne: vopyt, metodyka i vyniki paliavykh i mizhdystyplinarnykh dasledavaniya. Zbornik navukovykh artykulya II mizhnarodnai navukovai kanferentsyi. (Polatsk, 17–18 krasavika 2014 g.). Vol. 1. Novapolatsk, 2014. Pp. 116–122.
- Salivon I.I., Demchenko M.A. Adaptatsiya detskogo naseleniya Balarusi k usloviam gorodskoi sredy. Vestsi natsyional'nai Akademii navuk Balarusi (seryia medytsynskikh navuk), 2015. Vol 2. Pp. 117–123.
- Salivon I., Polina N. Changes of the body structure in urban schoolchildren of Belarus over time. Intern. Journal of Anthropology, 2015. Vol. 30. No. 3–4 (183–196).
- Bružek J., Hajanis K., Tlaskal P. Sekularni trend a debrachycefalizace českých dětí v prvním roce života. Cs. pediater, 1988. Vol. 43. No. 4. Pp. 199–203.
- Susanne C., Vercauteren M., Krasnicanova H. et al. Evolution seculaire des dimensions cephaliques. Bull. et mem. Soc. Anthropol., 1988. Vol. 5. No. 3. Pp. 151–161.

I.I. Salivon. Changes in the main sizes of head, face, body in urban schoolchildren during the last three decades.

According to a large anthropometric programme, included sizes of head, face and body, the author of the article studied urban schoolchildren of Minsk (central geochemical province of Belarus), Pinsk (southern geochemical province – Belarusian Polesia) and Polatsk (northern geochemical province – Belarusian Paazeria) in 1984–1985, i.e. before the Chernobyl NPP accident in April, 1986. Then, in 2002–2003, schoolchildren of the same towns were studied; moreover, the schoolchildren of Polatsk and Minsk were also studied in 2012–2013. Three sex and age groups were studied: 8 years old (after the first acceleration of growth), 13 years old (pubertal growth acceleration in girls and boys), 17 years old (with definitive body sizes). At the beginning of the 2000s feebly marked acceleration of growth processes, combined with a tendency to gracilization of skeleton, was observed. Problems with the environmental situation and socioeconomic conditions of the period from the 1990s to 2003 negatively affected the pace of the development of children of both sexes studied in the early 2000s. Improvement of socioeconomic conditions by 2012–2013 impacted favorably on the indices of the physical development of schoolchildren, which was manifested in a feebly marked acceleration of development with little gracilization of skeleton.

A statistically significant reduction in cephalic index (debrachycephalisation process) in combination with gracilization of skeletal basis of facial skull in schoolchildren of all age groups (8, 13 and 17 years old) studied in the early 2000s both in radiation control area (Pinsk) and in the northern territory of Belarus (relatively clean) (Polotsk, Minsk), more prosperous with regard to ionizing radiation, continues to this day. The process of debrachycephalisation is directed in time, it does not depend on gender and territorial localization of the studied groups. It argues for microevolution nature of structural changes in backskull, which can be recognized as an adaptive response of forming body to strengthening of anthropogenic pressure of the complex of anthropogenic factors.

Key words: *Belarus, urban schoolchildren, anthropometric indices, changes in time.*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

УДК 39+ 81.272

© С.А. Арутюнов

ЭТНИЧНОСТЬ, СХОДЯЩАЯ НА НЕТ*

В статье рассматриваются сходства и различия в ходе процессов аккультурации и ассимиляции на примерах сибирских юпиков и айнов, в Чукотском регионе Восточной Сибири и на японском о-ве Хоккайдо соответственно. Главными объектами анализа являются разговорный язык, структура семьи, пищевые обычаи и культ предков.

Ключевые слова: этничность, ассимиляция, аккультурация, эскимосы юпик, айны

В мире есть несколько тысяч этносов. Есть гигантские этносы, как китайцы, которых почти полтора миллиарда человек, русские – более полутора миллиона, бенгальцы, японцы и ряд других. Но большинство из этих нескольких тысяч этносов, у каждого из которых свой непонятный или малопонятный соседям язык, свои обычаи, верования, свои излюбленные и малоизвестные за пределами этноса виды пищи, свои бытовые предпочтения и многое другое, из чего складывается своеобразная и неповторимая культура этноса, – это мелкие племена и народности. Как правило, они проживают на сравнительно небольшой территории и насчитывают часто всего по несколько тысяч, реже десятков тысяч, а иногда и меньше тысячи человек. Всех вместе взятых представителей таких малых этносов наберется максимум 2–3% от всего населения земного шара.

Конечно, есть некоторые случаи, своего рода курьезы, когда у очень маленьких этносов есть своя официально признанная в ООН государственность. Например, у науруанцев, или тувалуанцев, жителей небольших островов (о. Науру и архипелаг Тувалу), затерянных в сердце Океании. Но это курьезы, обусловленные капризами истории. Никакой государственности и даже существенной административной автономии нет у многих гораздо более крупных этносов, например у народа маори (около 300 тыс. человек) в Новой Зеландии, или мапуче (иначе арауканцев, более миллиона человек) в Чили.

Этносы, которые мы здесь упомянули, несмотря на свою относительную малочисленность, довольно стабильны. Можно думать, что и лет через сто, а дальше вообще загадывать не стоит, как тувалуанцы и науруанцы, так и маори и мапуче сохранятся под этими же именами, более того, они, наверное, сохранят свои языки, хотя бы на разговорно-бытовом уровне, не растворятся среди более крупных этносов, скажем, англо-новозеландцев, или испаноязычных чилийцев, хотя какой облик их культура будет иметь лет через сто, сейчас предугадать невозможно.

Арутюнов Сергей Александрович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, зав.

Отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: gusaba@iea.ras.ru.

* Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 15-18-00008 «Вымирание малых народов – факторы, дискуссии, ревитализация».

Однако, уже сегодня очевидно, что из примерно шести тысяч языков, звучащих в мире, через сто лет звучать перестанет половина, то есть около трех тысяч. Поскольку уже сейчас на этих языках говорят между собой в соответствующих этносах только лица старшего возраста, а молодежь, тем более дети и подростки, даже не понимают речи своих дедушек и бабушек и пользуются исключительно языками окружающего большинства населения: русским, английским, испанским, китайским и другими, крупнейшими по числу говорящих, языками.

В 1970–1980-е годы, автору этих строк довелось вместе с группой коллег вести этнографические полевые исследования среди населения севера Томской области и прилегающих районах Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов. Подавляющее большинство населения в исследуемых районах составляли русские и так называемые русскоязычные, то есть люди, по документам числившиеся как украинцы, немцы, коми, евреи, латыши, чуваша и т.д., но говорившие практически только по-русски. Однако нас интересовали преимущественно лица, относившиеся к самодийской и угорской языковым группам: ненцы, селькупы, ханты (манси там практически не встречались). Все они жили дисперсно, среди преобладающего русскоязычного населения. Более или менее однородные национальные поселки имелись только по северным окраинам указанного ареала. Особенно разнородны и разбросаны были селькупы, говорившие на разных диалектах, и имевшие разные самоназвания: селькуп, чемулькуп, сюсюгум, а нередко называвшие себя словом остяк, как обычно раньше называли хантов. У некоторых имелись родственники, жившие в других краях – в соседних областях Сибири и даже в Украине.

Мои информаторы относились преимущественно к старшему поколению и еще владели родной речью, хотя бы в быту, по понятным причинам, на 90% пользовались русским языком. Но по своим предпочитаемым и даже излюбленным занятиям, все они сохраняли связи с традиционным образом жизни. Конечно, и среди окружающего русского населения многие, едва ли не большинство, занимались и рыбной ловлей, и охотой. Тем не менее, по совершенству навыков в этих очень непростых промыслах, по умению ставить *ловцы*, *капканы*, *пасти* и прочие орудия лова, вязать, натягивать и закидывать сети, а уж тем более сделать *обласок* (маленькую долбленную лодку-однодеревку), или управляться с этим вертким и своенравным суденышком, равных селькупам не было. Это тогда могли наблюдать и мы сами, члены экспедиционного отряда, в разных поселках по рекам Оби и Кети и по их притокам, об этом говорили в своих рассказах и все жители в посещенных нами поселках, среди которых представители коренных народов чаще были в меньшинстве, а большинство составляли русские.

Надо сказать, что, в отличие от северных селькупов, живущих севернее в районе реки Таз, селькупы Томской области сильно метисированы. Многие из них выглядят неотличимо от «типичных» русских, но хорошо знают национальную принадлежность своих ближайших предков, как правило в трех, реже в четырех поколениях, так что каких-либо сомнений в их происхождении не возникало.

По религиозной принадлежности большинство наших информаторов были индифферентны, нередко в быту соблюдали, хотя и очень слабо, какие-то бытовые православные обычаи, и если о них самих никаких приходских записей уже не было, то об их предках в архивах местных ЗАГСов порой можно было найти записи о крещении или венчании. Записи иного характера, типа «инородец шаманской веры», напротив, попадались очень редко и относились почти исключительно к эвенкам.

Однако, среди жителей этих же поселков, в небольшом числе попадались люди, которые, как и их предки, по всем документам были записаны как русские и на первый взгляд решительно ничем среди прочих русских не выделялись. Но в ходе длительных бесед с ними удавалось выяснить, что у них еще сохранялась смутная память о том, что их дальние предки (в четвертом поколении и далее) назывались карагасами, хотя по образу жизни и роду занятий от русских они не отличались и жили в этих же поселках.

Изредка информатор мог вспомнить одно или два якобы карагасских слова, чаще всего это было название ножа, носимого на поясе: *пысыцяк*, слово, практически идентичное названию ножа во всех тюркских диалектах Западной Сибири.

В номенклатуре этнонимов Сибири слово карагасы встречается как дополнительное к основному самоназванию тофов или тофаларов, небольшого народа, в прошлом, видимо, самодийскоязычного, а ныне говорящего на тюркском диалекте, обитающего на юго-западе Иркутской области, вблизи границ восточной Тувы и сохраняющего в своем хозяйстве компоненты вьючно-верхового оленеводства.

Несомненно, карагасы – тофалары не могли иметь прямого отношения к прежним жителям бассейна Кети и сопредельных районов хотя бы из-за отдаленности этих мест от их исконной этнической территории. Но корень «кара», обозначающий в нескольких местных языках журавля, некогда безусловно бывшего одним из локальных тотемических животных, нередко встречается в Западно-Сибирской топонимике и фольклоре.

Очевидно, еще в XVIII или даже в начале XIX века существовала некая этническая или субэтническая группа с таким этнонимом, подвергшаяся полному обрусению и поголовному крещению и растворившаяся почти бесследно в составе местного русского, разнородного по происхождению населения. Почти бесследно, но не совсем. В селах, даже не имевших никакого «инородческого» населения, по нашим наблюдениям, семьи, сохранявшие хотя бы смутную память о карагасских предках, по общему признанию, неизменно выделялись по признаку своей особенной охотничьей и рыболовческой успешности. Наверное, из всего этнического достояния именно хозяйственные навыки, мелкие, хранимые в семье и передаваемые из поколения в поколение местные секреты и хитрости были даже на бессознательном уровне наиболее хранимой и наследуемой частью комплекса культуры ассимилирующегося этноса.

Карагасы Томской области – это пример финишного этапа ассимиляции, когда и самосознание и самоназвание существует уже не в форме этничности, хотя бы остаточной, а только в виде некоторых расплывчатых воспоминаний и неосознанных навыков. Тысячи малых и очень малых этнических общностей находятся ныне на разных стадиях подобной ассимиляции, от нуля до ста процентов.

Если случай с карагасами можно считать примером стопроцентной ассимиляции, то примером начальной, нулевой ассимиляции можно считать некоторые индейские племена бассейна Амазонии, например индейцев *ваура*, одну из групп *шингуано* в верховьях реки Шингу (Бразилия), описанных А.А. Матусовским (Матусовский 2015). Как и другие шингуано, они, казалось бы, полностью сохраняют традиционные формы хозяйства, материальной и духовной культуры, в частности, церемонии с шуточными битвами мужских и женских группировок и даже обходятся практически вовсе без одежды. Тем не менее, как явствует из описания одной из таких церемоний, они не только пользуются традиционными горшками, но и наряду с ними также и алюминиевыми котелками, и записывают исполняемые на церемониях песни на магнитофон, с осознанием того, что это поможет сохранить традицию в случае ее частичной утраты.

Утверждение о том, что сохранение этничности и в том числе самосознания у малых этнических групп находится в прямой связи с уровнем сохранения традиционного хозяйства, звучит почти трюизмом. Однако, есть немало этнических групп, которые, сохраняя свою особость в том, что касается самосознания и самоназвания, практически полностью перешли от традиционных занятий к иным видам деятельности. В одних случаях традиционное хозяйство практически совершенно невозможно в современных условиях, как, например, охота на бизонов в прериях у индейцев Среднего Запада США. В других случаях оно продолжает практиковаться небольшой частью этноса, но подавляющее большинство этнофоров уже не имеет к нему никакого отношения, например выращивание опийного мака у племени *акха* северного Таиланда. Иногда ведение традиционного хозяйства доступно не всем, но является наиболее желанной и экономически выгодной формой занятости, например, крупнотабунное оленеводство ненцев (Головнев 2006: 318). А иногда, наоборот, оно настолько малорентабельно, что к нему прибегают очень немногие.

Особой разновидностью предельно кризисной ситуации состояния этнической культуры, где ее почти полное стирание сопровождается угрозой физического исчезновения этнической группы, то есть ее вымирания, являются такие случаи, когда бедственное положение отдельных индивидуальных этнофоров делает невозможным практически всякое жизнеобеспечение, без какой-либо замены заимствуемыми формами.

Один из крайних случаев такого всестороннего упадка описан Колином Тернбуллом (Turnbull 1972) в его монографии о племени *ик* (Центральная Африка). В данном случае совокупность крайне неблагоприятных факторов, таких как, с одной стороны, длительная суровейшая засуха и другие экологические бедствия, а с другой стороны, невозможность продолжения охотничьих форм хозяйства в результате изъятия земель под природоохранные парки, привели к почти полному распаду не только общественных, но даже семейных и межличностных связей, вплоть до катастрофической младенческой смертности в результате недоедания и отсутствия ухода. Девушки-подростки, едва достигшие пубертатного возраста, занимаются проституцией (клиентами становятся, в частности, рейнджеры природоохранного заповедника), но по мере утраты ими привлекательности и этот ресурс исчезает.

Правда, критические отзывы на эту работу ставят некоторые наблюдения и выводы Тернбулла под сомнение, а о современном состоянии данного этноса информация просто отсутствует. Во всяком случае, смена языка здесь не происходила, и племенной язык, по-видимому, сохранялся, хотя при распаде семейных связей и переходе к сугубо индивидуальным попыткам выживания, потребность в языковой коммуникации также падает до минимума.

Можно с уверенностью сказать, что в прошлом подобные случаи вымирания целых народов были отнюдь не единичны. С другой стороны, в географически близкой, но экологически гораздо более благоприятной среде, как показывают, в частности, недавние исследования М.Л. Бутовской (Бутовская 2017) и ее коллег в Танзании, племя *хадза*, хотя и находится в тесном контакте с более крупными этническими общностями *датога*, *киндига*, *ираку* и другими, и испытывает с их стороны некоторый территориальный прессинг, тем не менее, в основном сохраняет традиционный образ жизни и черты материальной и духовной культуры при хозяйстве, по-прежнему основанном на охоте и собирательстве.

Малые этносы очень широко распространены по миру, и пути их адаптации к новым глобализованным условиям социальной среды различны, да и сама глобализа-

ция этой среды в разных странах, на разных континентах и субконтинентах отнюдь не представляет собой какого-то унифицированного процесса. Одно дело лопари (иначе саами, или саамы), при интенсивной поддержке (аффирмативных действиях) государства, сохраняющие свою самость, (она же «саамость»), в большей степени, чем это можно было бы ожидать, другое дело некоторые индейские племена, либо нашедшие свою нишу на рынке труда, как *могоки* (*могауки*) в США, чуть не поголовно ставшие монтажниками-высотниками, либо целиком или почти целиком перешедшие на ренту от игровой индустрии, а иногда и просто на пособия.

Достаточно пеструю картину представляют собой и коренные малочисленные народы крайнего Севера (КМНС) в Российской Федерации, от сохраняющих жизнеспособное оленеводство лопарей и ненцев, до никогда всерьез им не занимавшихся эскимосов и юкагиров, а также КМНС бассейна Амура: нанайцев, нивхов и др. В целом и здесь можно заметить клинальную изменчивость и нарастание деградации традиционной культуры с запада на восток, от лопарей Кольского полуострова до эскимосов *юпиков* на Восточной Чукотке, или нивхов и уйльга (ороков) на Сахалине. В силу сложности постсоветской социальной ситуации в РФ процессы такой регрессии проходят нелинейно и неравномерно, например, с катастрофическим ухудшением всех сторон жизни на Чукотке при некомпетентном и неадекватном губернаторе А. Назарове, улучшениями, пусть и не всесторонними, в период пребывания на посту губернатора Р. Абрамовича.

И все таки, каковы бы ни были вариации по отдельным небольшим периодам, основная тенденция на протяжении всего постсоветского времени, то есть в течение уже более четверти века, почти везде состоит в том, что местное население от занятости в «первичных индустриях» все более и более переходит к занятости в «третичных индустриях», то есть от работы в первичном производстве к работе в сфере обслуживания, коммуникации, административных услуг, а значит в сферах, не имеющих отношения к производству материальных благ. Поскольку работа во «вторичных индустриях» (обрабатывающей промышленности) в условиях арктической и субарктической периферии РФ мало распространена и тяготеет в основном к относительно крупным населенным пунктам городского типа, трудовая занятость местного населения, даже приобретая черты урбанизации, продолжает локализоваться большей частью в поселках, хотя, конечно, сами поселки становятся все более укрупненными.

Постепенно сглаживается различие между характером занятости местного коренного и приезжего «с материка» населения, но, к сожалению, коренное население тяготеет к малопрестижным и низкооплачиваемым позициям. Можно понять работодателей, которые предпочитают нанимать на более или менее ответственную работу приезжих, поскольку те нередко объективно имеют лучшее образование, более высокую квалификацию, более разносторонний опыт, менее подвержены алкоголизму и более мотивированы на работу. Как жаловался автору директор одного из комплексных совхозов, еще в то время, когда клеточное звероводство было одной из важных форм занятости для женщин, работницы-чуканки отказывались взять на попечение большее число клеток, предпочитая получать меньшую зарплату, но иметь больше свободного времени.

Впрочем, как автор нередко убеждался в ходе бесед и интервью, факты явной предвзятой дискриминации коренных жителей также повсюду имеют место, даже когда реальных оснований для такой дискриминации не имеется. Неоднократно лица, приглашенные на ту или иную позицию по интернетному интервью, система-

тически получали отказ, когда работодатель встречался с ними лично и видел, что претендент относится к коренному населению. Большинство наших информаторов на Чукотке постоянно жаловались на те или иные проявления дискриминации.

В последние годы появилось немало новых исследований, касающихся самой современной ситуации, тогда как наши собственные данные главным образом базировались на наблюдениях последней трети XX века, или на воспоминаниях информаторов и текстах, относящихся к еще более ранним временам.

Наши материалы касаются главным образом эскимосов Чукотки и Аляски, а также айнов Японии, хотя для целей сравнения отчасти будут привлекаться некоторые сведения о других арктических и субарктических популяциях. Некоторые очень любопытные данные можно почерпнуть из работ Е.А. Верещаки и Е.А. Давыдовой (*Давыдова 2015, Верещака 2013*), исключительную ценность представляют собой наблюдения, сделанные Д.А. Опариним среди азиатских эскимосов-юпиков (*Опарин 2015*), а также материалы, собранные А.В. Головневим как на Чукотке, так и в сравнительном плане в других регионах Севера (*Головнев 2015*). В том, что касается айнов, главным образом, это наши собственные наблюдения во время поездок на остров Хоккайдо в 1960 и в 1997 годах, хотя, конечно, по возможности, они дополнялись материалом сообщений информаторов-японцев, полученных в другое время и в других частях Японии.

Надо сказать, что если годы сталинских репрессий, как в 1930-х, так и в конце 1940-х и начале 1950-х годов нанесли колоссальный урон как человеческим жизням, так и состоянию культурного тезауруса большинства народов Севера, то на положении эскимосского этноса они непосредственно отразились лишь в очень малой степени. До 1948 года эскимосы Чукотки могли совершенно беспрепятственно общаться со своими сородичами, проживавшими на Аляске и острове Святого Лаврентия. Да и позже подобные контакты, хотя и происходили скрытно и никак не афишировались, но тем не менее не были редкостью, а в годы перестройки и, в особенности, после коллапса СССР пережили значительный всплеск, который отчасти сходит на нет лишь в самое последнее время. Однако, именно 1950–1960-е годы были временем очень трагических переживаний и трудностей для чукотских эскимосов-юпиков из-за длительного ряда мер по укрупнению эскимосских поселков, их ликвидации, многократно и некомпетентно проводившемуся переносу с одного места на другое и тому подобным административным мероприятиям, хотя декларировавшаяся цель этих мероприятий рисовалась в официальных документах как забота об образовании, здравоохранении и общем благополучии местного коренного населения (*Krupnik, Chlenov 2013*).

Жители береговых поселков Чукотки, чукчи и эскимосы, конечно, не могли осознать суть происходивших перемен и выразить их в таких хлестких формулировках, как делают это в значительной степени постфактум современные политики и политологи. Но «неосознанно», «инстинктивно» или «подсознательно» они не могли не чувствовать, что происходит нечто очень плохое, которое люди, облеченные властью пытаются выдать, возможно даже в самых лучших намерениях, за нечто очень хорошее, нечто равное благодеянию. Они не могли воспринимать как благодеяние прямой запрет их детям говорить на родном языке – факты, которые автор мог лично наблюдать не только в поселках Крайнего Севера, но и в национальных республиках Северного Кавказа и в ряде других регионов Советского Союза. Они не могли с радостью воспринимать тот факт, что их местная культура, праздники, обычаи, обряды, песни и танцы и многое другое чем дальше, тем больше подвергаются забвению и шельмованию.

Многие из них пытались этому как-то противостоять, естественно, на доступном им уровне, но хочется особо отметить в этом плане женскую половину туземного общества. В парадоксальных сочетаниях представители, а чаще, представительницы наиболее интеллектуальной и активной части коренного населения могли, с одной стороны, выступать партийными активистами и проводниками социалистического образа жизни, а с другой стороны – энтузиастами и хранителями традиций и этнических навыков.

Вспоминается, как Ухсима, старшая сестра выдающегося деятеля эскимосского образования Людмилы Айнаны и сама заметный комсомольский и советский активист, просила привезти ей из США трехгранные, пригодные для шитья жильными нитками по тюленьей шкуре иглы, для организуемых ею кружков или мастерских по пошиву традиционных меховых и кожаных изделий. При этом, она до последних дней оставалась проводником социалистических установок. Похороны ее как важное общественное событие в жизни поселка Провидения представляли собой причудливую и противоречивую смесь местной обрядности и советского официоза.

Периодически бывая на Чукотке раз в 2-3 года, с 1958 по 1987 гг., да и позже, можно было наблюдать, как эскимосские и чукотские девушки восемнадцати-девятнадцати лет, поголовно комсомолки, выпускницы школ-интернатов, не владевшие никаким другим языком кроме русского, постепенно воспринимали родную речь от своих бабушек и дедушек, и, приближаясь к пятидесяти-шестидесятилетнему возрасту, превращались в пожилых наставниц, хранительниц и передатчиц не только навыков традиционного рукоделия и других проявлений этнической материальной культуры, но и песенного, пантомимического, танцевального фольклора, преданий, мифов, обрядов, о которых в юности не имели почти никакого представления.

Благодаря таким процессам межпоколенной трансмиссии, проходившим не столько благодаря, сколько вопреки усилиям приезжих партийно-советских «культуртрегеров», эскимосская этничность азиатских юпиков, пусть и в обедненном и усеченном виде дожила до наших дней, испытав в девяностых годах, несмотря на экономический упадок, сопоставимый с тяжелейшими временами военного времени, некоторый всплеск ревитализации, во многом связанный с ослаблением пограничного режима и восстановлением чукотско-аляскинских контактов. Но при всем том фрустрационное воздействие факторов патернализма, дискриминации, административной некомпетентности и невежества, характерных для 1960–1970-х годов, для всего советского Севера (и чем восточнее, чем дальше от центра, тем тяжелее и очевиднее), не могли не оказать негативное влияние на самовосприятие и самоощущение КМНС в целом и азиатско-эскимосского этноса в частности и в особенности.

Потеря специфичных черт этничности, изменения в сфере материальной культуры, уход из повседневной практики комплексов обычаев и обрядности – это достаточно широко, можно сказать, всемирно распространенные процессы в протекании современной эволюции малочисленных народов и их культурного достояния. Во многих конкретных случаях они изучаются антропологами по всему земному шару. Под объектив изучения, в том числе, попадает, хотя и не всегда в достаточной степени, самая важная негативная результатанта совокупности этих процессов, если не на уровне индивидуального сознания, то, по крайней мере, на уровне коллективного бессознательного: этническая общность ощущает этот процесс многосторонних утрат, который и на общем и на индивидуальном уровне переходит во всеобщее

состояние перманентной фрустрации. Эту фрустрацию можно наблюдать в разных формах и чаще всего она выражается в форме алкоголизма и сопутствующего ему разрушения и распада устоявшихся поведенческих и социальных норм. Более всего распад этих норм заметен на семейных и межличностных отношениях.

Семья – это явление отнюдь не только человеческое. Хотя значительная часть видов в природе, можно сказать даже их основная часть в своих брачно-партнерских отношениях не поднимается выше промискуитета, все же для большинства приматов и других высокоорганизованных общественных млекопитающих, а также для множества видов птиц характерно образование брачных пар и тех или иных более сложных конфигураций взаимодействия. Вариации здесь очень велики – от заключенных на весь период жизни прочных парных союзов, как например у многих гусеобразных, где гусак-самец в случае гибели партнерши гусыни может оставаться одиноким и холостым на протяжении всей последующей жизни, до иерархических, матрицентрических, многопоколенных семейных сообществ слонов и дельфинов, равно как и великого множества разных форм гаремных, полигинных и полиандрических семей.

Достоинно внимания, что большая часть таких семейных объединений, как у млекопитающих, так и у пернатых, находит свои более или менее близкие параллели в различных формах семейной организации тех или иных человеческих сообществ. Большое количество таких сообществ, весьма далеких от привычной, знакомой по-европейски воспитанному обывателю, мейнстримной схемы описано на примере разнообразных, относительно малочисленных, а во многих случаях и достаточно многочисленных, так называемых «экзотических» народов и племен по всему земному шару. В их числе и специфичные формы пресловутого «гостеприимного гетеризма», а также обычая обмена женами, более или менее (скорее менее, чем более), изученных на чукотских и эскимосских примерах.

Сравнительно недавно вышли в свет несколько очень интересных работ, касающихся, в частности, «товарищества по жене» (*нгэвтумгын*) у чукчей (Давыдова 2016; Верещака 2013). Дискуссия по этому вопросу была опубликована в журнале «Этнографическое обозрение» (Батьянова 2016; Хаховская 2016; Арутюнов 2016). Нет возможности, да и необходимости пересказывать содержание этой дискуссии, тем более, что обычай *нгэвтумгын* у чукчей оленеводов осложнен именно наличием крупнотабунного оленеводства, а стало быть и существенного имущественного неравенства.

У эскимосов Чукотки, Аляски и Канады оленеводства нет, общество имеет более эгалитарный характер, поэтому товарищество по жене в большей степени строилось на основе личной дружбы и симпатии, менее осложненной меркантильными соображениями. Кроме того, вызванный алкоголизмом и общей фрустрацией распад общества именно в те годы, когда автор мог его наблюдать (вторая половина XX века), и зачастую воспринимавшийся сторонними наблюдателями как проявление общей половой распущенности и упадка морали, имел место как на Чукотке, так и на Аляске. Однако во втором случае он отчасти сдерживался влиянием христианских миссионеров различных деноминаций.

В советских и в постсоветских условиях такое конфессионально обусловленное воздействие стало возможным лишь в несколько последних десятилетий, да и то происходит со множеством затрудняющих обстоятельств.

Основным звеном межпоколенной трансмиссии этнической культуры является, как правило, слагающаяся естественным образом семья. У каждого этноса имеет-

ся своя система внутрисемейных и межсемейных отношений, в чем-то, хотя бы в мелочах, отличная от семейных норм соседствующих и контактирующих этносов. Она охватывает брачные и супружеские нормы, формы межпоколенного взаимодействия, прежде всего родителей и детей, а также дедушек и бабушек с внуками и взаимоотношения сиблингов. В эскимосском случае, конкретнее, у азиатских юпиков имелся целый ряд факторов, влиявших на особенности как их традиционного семейного уклада, так и на обстоятельства его трансформации и деформации.

Часть этих факторов была общей для всего советского Севера и это, прежде всего, настойчивое стремление властей охватить всех детей всеобщим средним, притом стандартизированным для всех, образованием. В условиях Севера оно выражалось, прежде всего, в создании системы интернатов и в переводе образования почти всецело на русский язык, что приводило к потере родного языка и к языковому разрыву между поколением дедов и поколением внуков.

Теоретически эскимосское население, будучи искони оседлым или полуоседлым, могло бы меньше пострадать от интернатской системы, чем кочующее оленеводческое население (оленные чукчи, коряки и т.д.), но в условиях люмпенизации, алкоголизма и общей фрустрации очень многие родители, даже большинство их, отдавали детей в интернаты, даже проживая по соседству в тех же самых поселках, поскольку тем самым получали возможность переложить на администрацию расходы и усилия по заботе о детях – их одежде, питании, медицинском уходе и т.д.

Другим фактором деформации межпоколенных связей явилось преобразование некоторых специфических брачных обычаев, имевшихся в традиционной культуре, например, как было описано выше, обычай товарищества по женам – нгэвтумгын. Хотя у юпиков материальные бенефиции нгэвтумгытов были не столь ясно выражены, как у чукчей, и преобладали, скорее всего, изначальные аспекты таких основных мотиваций, как углубление дружбы соседей и дальних родственников, все же обычай имел адаптивное значение создания отношений искусственного породнения и оптимизации ухода за детьми и их воспитания. Если у богатых и пожилых оленеводов чукчей и можно было в отдельных случаях говорить о принуждении жен к контактам с другим партнером, хотя, как правило, жена не возражала против появления нового любовника, то у эскимосов, как азиатских, так и американских, такие формы вступления брачных пар в союз, по-видимому, происходили на базе взаимных симпатий не только мужчин, но и женщин.

Кроме того, безотносительно к практике обмена женами, для чукотских и эскимосских моральных норм характерна издревле большая свобода половых контактов не только для мужчин, но и для женщин и равная забота супругов обо всех детях, кто бы ни был в действительности биологическим отцом.

Обычно дети, подрастая, достаточно отчетливо осознают личности как своих социальных, так и биологических родителей и в эмоциональном плане относятся к ним одинаково тепло, не делая никаких различий, даже если эти родители принадлежат к разным этносам. Напротив, любые проявления ревности с той и другой стороны или дифференциации между детьми по каким-либо признакам, жестко осуждаются и рассматриваются как крайние формы эгоизма, собственности и жадности. Как говорил Е.П. Батьяновой ее информатор (заметим, что это было в городе Анадырь в 1995 году, то есть в обстановке, максимально далекой от традиционной или архаичной), «у нас ни в языке, ни в культуре нет понятия измена. То, что у вас считается изменой, у нас считается нормой» (Батьянова 2016: 96).

Но, все же, одно дело разница в понимании нормы между представителями разных культур и другое дело – отсутствие всяких норм. Эскимосские кланы строились как объединения по родству, не будучи ни экзогамными, ни эндогамными (*Krupnik, Chlenov* 2013). Преобладание тех или иных норм было ситуативным, но в годы максимума фрустрации и упадка, в связи с широчайшим распространением алкоголизма, общей моральной деградации, катастрофическим ростом числа случаев суицида, ссор, сплошь и рядом ведущих к убийству и тому подобным деформациям, прежние брачно-семейные нормы в ряде случаев деградировали почти до полного промискуитета (*Батьянова* 2016).

Последняя декада XX века ознаменовалась тяжелейшими экономическими трудностями, но все же привела к известному духовному возрождению чукотско-эскимосского общества. Двухтысячные годы сопровождались некоторым материальным улучшением, однако удар, нанесенный головоотяпно проведенными релокациями, компенсировать уже ничем невозможно. Хозяйственная основа существования общества подорвана непоправимо и традиционный поселковый стиль жизни, чем дальше, тем больше, сменяется квазиурбанистическим.

Наиболее успешные, обеспеченные, непьющие или малопьющие семьи постепенно начинают тяготеть к нормам большинства окружающего русскоязычного населения, но в том, что касается малообеспеченных, малообразованных, затронутых алкоголизмом и другими бедами семей, то тут реализуется модель, характерная и для других маргинальных сегментов отчасти российского, но еще более, так называемого «люмпен-глобализованного» и более всего «афроамериканского» или «чернокожего» страта в ряде стран, более всего в США, а также во многих постконфликтных обществах: в Грузии, в Нагорном Карабахе, в конце 1990-х годов, а отчасти и поныне; длительное время в период затяжного вооруженного конфликта и в восстановительный период в Чечне; в охваченных наркомафиозной аномией и локальными повстанческими войнами странах Латинской Америки – в отдельных районах Колумбии, Боливии, Венесуэлы и др.

А именно: некогда преобладавший комплекс норм, рассматривавший мужчину как добытчика, законодателя поведения и главу семьи, хотя и продолжает частично вербализоваться, но мало или вовсе не актуализируется. Вместо этого фактически реализуется (хотя по возможности не называется, не оглашается и даже не всегда осознается) иная, по существу матрицентрическая и в какой-то мере даже матриархальная модель, в которой реальным центром семьи является многодетная мать с детьми, (нередко, но далеко не во всех, и даже не в большинстве случаев, прижитыми от разных временных сожителей) и существующая за счет как собственной инициативы, так и очень часто за счет «социальных пособий». Последнее кое-где (но не в России) настолько велико, что иногда позволяет женщине и вовсе не работать. Но поскольку к России такая ситуация отношения не имеет, соответственно и КМНС таких возможностей не имеют.

Отсутствуют они и в том случае, который мы разбираем здесь, как сравнительный, пример на японском материале, а именно в случае айнов острова Хоккайдо, Япония. Айны сходны с эскимосами в том плане, что традиционной основой их хозяйства также в значительной мере являлся морской зверобойный промысел, а также охота на различных наземных животных, рыболовство и собирательство, хотя доля двух последних занятий была значительно выше, чем в традиционном хозяйстве эскимосов. В отличие от эскимосов айнам было известно земледелие, хотя и крайне примитивное,

тогда как природные условия среды их существования позволяли развитие производящего хозяйства, в виде самого разнообразного земледелия и животноводства.

Когда началась интенсивная колонизация японцами острова Хоккайдо (вторая половина XIX века), эта возможность превратилась в реальность, и началась экспроприация использовавшихся айнами территорий в пользу переселенцев, а также захват наиболее продуктивных районов для коммерческого рыболовства. Айнское же население было отеснено в относительно малопродуктивные и малоудобные районы. В 1960 году, когда автор впервые смог провести полевые исследования среди айнов, численность их не превышала 17 тыс. человек, тогда как всего одним столетием раньше она доходила до 30 тыс. человек, а в более ранние эпохи, несомненно, еще значительно выше. Явления фрустрации и алкоголизма, безусловно, были налицо, хотя и не в столь устрашающих и катастрофических масштабах, как среди чукчей и эскимосов Чукотки.

До революции («реставрации») Мэйдзи 1868 года вся территория острова Хоккайдо контролировалась небольшим княжеством Мацумаэ. Японское население княжества, сосредоточенное на крайнем юге Хоккайдо, земледелием почти не занималось и доходы княжества складывались из эксплуатации природных ресурсов острова, главным образом пушных и рыбных. Но после революции Мэйдзи развернулась широкая колонизация острова и переселение на него больших масс крестьянского, а точнее сказать, фермерского населения, проводившаяся при деятельном участии американских инструкторов.

В том, что касается семейных отношений и положения женщин у айнов, в домэйдзийское время имел место всесторонний произвол японских предпринимателей, рыбаков, матросов, торговцев, приказчиков и других не слишком законопослушных элементов, которые позволяли себе, в частности, всевозможное насилие в отношении айнских женщин. Это вызывало бесконечные конфликты и стычки, доходившие до поножовщины, а в более раннее время, в XVII–XVIII вв. переходившие порой даже в организованные восстания, но системного характера они не принимали. Семейно-брачные отношения, если они не нарушались вторжением чужеродцев, в общем не отличались от таковых у народов Сахалина и нижнего Амура – нивхов, орочей и др. (*Штернберг* 1933), с наличием левирата, сорората и прочей архаичной специфики. С началом интенсивной колонизации случаи насилия, в том числе сексуального, в отношении айнок, хотя и не прекратились полностью, но все же существенно сократились и стали преследоваться по закону, по общеяпонскому образцу.

В целом, в 1960-е годы брачно-семейные отношения айнов не отличались от таковых в среде малоимущего японского крестьянства. Молодежь пользовалась относительной половой свободой, пусть и с тенденцией нарастания контроля родителей, но без распространения брака по сговору, который ранее в Японии был типичен более всего для самураев, но в конце XIX и в начале XX века, в связи с ростом престижности самурайской этики, получил большое распространение в самых разных, но только не в малоимущих слоях японского общества.

Свадебный обряд представлял собой смесь традиционной айнской обрядности с христианскими или синтоистскими включениями – часть айнов была обращена в протестантизм (в основном англоязычными миссионерами), большинство же соблюдало некоторый минимум норм наиболее распространенного в Японии синто-буддийского комплекса *амидаистского* направления (*дзёдо* или *дзёдо-синсю*), наряду

с традиционными верованиями. Иногда японки из среды беднейшего крестьянства выходили замуж за айнов, но ни одного достоверного случая брака японца с айной для того времени автору не известно, более того, сама мысль о возможности такого брака информаторами-японцами чаще всего отвергалась. При уходе за грудными детьми широко использовалась традиционная айнская подвесная колыбель «синта», но в остальном детей старались воспитывать согласно японским обычаям. Иногда ребенок только в школе узнавал о своем айнском происхождении и это бывало для него достаточно сильным шоком, так как брезгливо-пренебрежительное отношение к «туземцам» было вообще характерно для японцев-переселенцев.

Конечно, ситуация на Хоккайдо существенно отличается от ситуации на Чукотке и вообще в Восточной Сибири. Но ведь и положение нескольких тысяч айнов, оттесненных вглубь давно осваиваемого, не столь уж большого острова Хоккайдо, давно обретенного придатка к большому и очень однородному массиву крестьянского, сугубо земледельческого населения Японии, сильно отличается от позиций многоликого, многонационального, глубоко укорененного в разных районах Сибири коренного населения на фоне относительно не такой уж большой, кроме крайнего юга, доли русских переселенцев, повсеместно нуждающихся в местных средствах адаптации к новой и первоначально чуждой им сибирской среде. И пусть численность эскимосов-юпиков на порядок меньше численности айнов, но они не могут не осознавать себя одним из десятков гораздо более мощных этносов Севера. Тогда как айны одни на всю Японию и почти незаметны на ее однородном этническом фоне. Потому-то юпикам все же в большей степени, чем айнам, и удается отстаивать свою самость и особость. Айнские же поселки и в 60-е годы XX века внешне мало чем отличались от бедных японских поселков.

Хотя после 1960 года автору многократно приходилось бывать в Японии, в том числе и на Хоккайдо, но случаев повторно посетить районы расселения айнов до 1997 года у него не было. Когда же такая возможность представилась, маршрут новой недолгой исследовательской поездки был построен так, чтобы полностью повторить маршрут 1960 года, с посещением не только тех же самых поселков, но и тех же самых семей и хозяйств.

Конечно, произошедшие изменения были разительными. Постройки середины XX века практически нигде не сохранились, все дома выглядели относительно недавно построенными, и ни один поселок, ни один квартал нельзя было назвать бедным. Повсюду уровень благосостояния не отличался принципиально от того среднего и довольно высокого уровня жизни, который типичен ныне в целом для всей сельской Японии. Специфически айнские строительные черты – ступенчатые соломенные крыши, или утепленные вязанками камыша стены можно было видеть только в тех постройках, которые носили показушный, рассчитанный на туристов характер.

Точные данные о распределении занятий и национальном составе населения поселков получить не удалось, но было ясно, что даже там, где сорок лет тому назад преобладало айнское население, сейчас семьи «сисямо» («добрые соседи», айнское название *вадзинов*, т.е. собственно японцев) были в большинстве. Настоящих крестьянских хозяйств, для которых земледелие или животноводство было основным источником дохода, оставалось все меньше, притом размер этих хозяйств явно существенно увеличился. Большинство жителей имело какой либо мелкий бизнес, ориентированный в основном на туристов, как художественные мастерские или «галереи», продающие, главным образом, резьбу по дереву: от немудреных грошовых поделок

(гребни, варганы, хаси, т.е. палочки для еды (айнск. пасюи)) и до заказных крупных, часто полутораметровых, многофигурных, полихромных прорезных панно. Также повсюду имелись небольшие *рёканы* – отели японского стиля, ресторанчики, бутики и т.д. В тематике резных изображений доминировали медведи и совы-рыболовы, основные объекты зоолатрического культа айнов.

Нам удалось застать в живых лишь двух или трех прежних информаторов. Один из них, г-н Сигэру Каяно, бывший в 1960 году довольно бедным крестьянином, частично подрабатывавший незатейливой резьбой и пытавшийся как-то организовать своих односельчан для поддержания национальной культуры и языка, сделал незаурядную карьеру – он стал сенатором от социалистической партии, видным общественным деятелем и преуспевающим предпринимателем. Сходную карьеру сделали и его сыновья, которых автор помнил еще маленькими детьми. Их ровесники, чьих родителей в живых уже не было, также заметно увеличили семейное благосостояние. Наиболее преуспевающими оказались те, чьи родители еще в 1960-х годах попробовали попытать удачи в коневодстве – разведении породистых скаковых лошадей. Вообще, надо заметить, что в земледелии, в данном случае более всего в огородничестве и возделывании картофеля крестьяне айны по своим навыкам до сих пор уступают «вадзинам», зато в во всех видах животноводства заметно превосходят их. Очевидно, это связано с тем, что содержание при доме в культовых целях разных животных, от лис и енотовидных собак до медведей, было испокон веку характерно для айнской традиционной культуры.

Черты фрустрационного состояния, подавленность, алкоголизм, бывшие в 60-е годы весьма характерными для большинства айнского населения, на исходе XX века не то, чтобы совсем сошли на нет, но существенно ослабли. Жалобы на дискриминацию можно было встретить повсюду, хотя казалось, что они несколько ступают краски реальности. В мелком предпринимательстве айны подвизались не менее успешно, чем японцы, пользуясь постоянно растущим притоком на Хоккайдо туристов из центральной Японии, где в летние месяцы жара, духота, загрязненность воздуха в городской среде становятся порой невыносимыми. Правда айны, перешедшие к жизни в городе, в основном находили трудоустройство в качестве строительных рабочих и водителей грузовиков. На более чистой и высокооплачиваемой работе, например, таксистов или обслуживающего персонала больших отелей они не встречались, но многие выходцы из села, особенно женщины, даже не имея специального образования, с успехом работали в местных краеведческих музеях, галеристике, сувенирной торговле и других занятиях, продолжавших их сельскую специализацию. Обращало на себя внимание и наличие некоторого числа айнских женщин замужем за интеллигентными японцами, чего в 60-х годах не было вовсе.

В отношении сохранения айнского языка дело обстояло еще хуже, чем у эскимосов юпиков, как на Аляске, так и на Чукотке. Можно сказать, и это будет справедливо не только в отношении юпиков и айнов, что чем импозантнее выглядит печатная продукция на исчезающих языках, тем меньше перспективность их сохранения в языковой практике. Впрочем броскость и товарный вид любого традиционного изделия, а не только печатной продукции, это повсеместный показатель перехода культуры из сферы реальной бытовой жизни в сферу рекламно-сувенирную.

В эскимосской среде, по крайней мере среди старшего и среднего поколения, родной язык еще сохраняет большинство бытовых, повседневных функций. Немалую

роль играет и его тесная связь с традиционным хозяйством – охотой и рыболовством. И даже когда в среде детей и подростков он полностью вытеснен языком большинства, языком школьного образования, тем не менее у молодежи есть шанс овладения им в ходе приобщения к традиционным хозяйственным занятиям. У айнской же молодежи нет ни возможности ни желания вернуться к охоте, разве что в виде спорта, и нет никакой необходимости постоянно заниматься рыбной ловлей.

В 60-е годы айны старшего и среднего возраста, не во всех, но во многих семьях продолжали в быту говорить между собой по-айнски и старались научить языку и своих малолетних детей. Но семьи, в которых это удалось сделать, можно пересчитать по пальцам одной руки. В последние годы XX века, даже в тех семьях, в которых всерьез лелеялись такие намерения, по-айнски не говорил никто. Хозяйственные заботы, постоянная борьба за экономическое выживание в условиях натиска товарно-денежных отношений требовали напряженных усилий и для занятия языком времени ни у кого не оставалось. Во многих поселках в 1997 году, можно было найти двух – трех стариков, помнивших айнский язык, но говорить на нем им практически было не с кем, ибо в силу преклонного возраста из дому они не выходили.

Во многих городах и крупных поселках действовали и, наверное, продолжают действовать сейчас, воскресные школы по изучению айнского языка. Автору удалось побывать на занятиях в ряде таких школ.

Везде на такие занятия приходило по 8–12 человек. Только в Нибутани, на родине Сигэру Каяно, учеников было человек 18–20. От трети до половины и более среди учащихся были не айны, а японцы, интересующиеся айнской культурой и фольклором, и почти все они в возрасте от 25 до 40 лет. Преподаватели чаще всего старше 45 лет, половина из которых также не айны, а японцы. Все они изучили айнский язык в зрелом возрасте «как иностранный», некоторые в таких же школах, а другие от своих бабушек и дедушек, когда достигли экономического успеха и получили достаточно свободного времени, чтобы заняться языком. Насколько позволяет языковая компетенция автора, фонетически выговор этих преподавателей весьма далек от природной айнской артикуляции и сдвинут в сторону японских произносительных норм. Тексты учебников базируются на адаптированном фольклорном материале и содержат лишь малую часть богатейшей бытовой лексики исконной айнской речи.

Надо сказать, что печатная продукция на *юхтуне* или *юпигэстуне*, как называют свой язык сами юпики, на Аляске довольно широка, на Чукотке скуднее, но все же доступна. Воскресных школ нет нигде, преподавание в школах на российской стороне организовано крайне слабо, да и на Аляске ненамного лучше, но здесь, по крайней мере, дети еще отчасти слышат родной язык дома. Но если они учатся в интернатах, то у них нет и этой возможности. Кроме того, сложные полисинтетические конструкции, в высшей степени характерные для эскимосской, чукотской, а отчасти и айнской речи старших поколений, в речи людей младших поколений имеют тенденцию заменяться кальками аналитических конструкций из русского или английского языка.

Особого внимания заслуживает сфера ритуальной и этической стороны жизни малых народов, в нашем конкретном случае айнов и эскимосов. В отношении айнов труды японских этнографов в основном относятся к XIX и первой половине XX века, и даже современные труды посвящены пересказу и анализу культуры, ушедшей в далекое прошлое, так что мы вынуждены основываться в отношении айнов главным образом на собственных, зачастую довольно ограниченных наблюдениях.

В отношении эскимосов-юпиков мы располагаем более обширным материалом, отчасти собственным, второй половины и конца XX века, но в еще большей мере очень глубоким и многосторонним исследованием Д.А. Опарина, суммированным в его кандидатской диссертации. Она гораздо шире своего названия «Вариативность современного ритуального пространства Нового Чаплина и Сиреников», и освещает сугубо современную картину состояния культуры данного сектора КМНС. Наибольшее внимание в своем многостороннем труде Д.А. Опарин уделяет практике кормления духов и похоронно поминальному обрядовому комплексу (Опарин 2015: 55–58; 62–72).

Кормление духов – почти что общемировая универсалия, и эту практику можно найти у многих народов мира, в том числе и повсеместно в Российской Федерации. В целом для России специального слова, обозначающего эту практику, не имеется, но в юпигестуне она называется чаще всего словом «ахкышак». Буквально оно может быть переведено как подачка, хотя это и звучит несколько пренебрежительно. В более высоком стиле такое действие можно назвать «ахкуак», т.е. подношение, очень редко «тункугак» – раздача (подарков). Адресуется ахкышак чаще всего умершим родственникам, а также далеким предкам, жившим в данной местности или вообще духам-хозяевам этого места.

Нам неоднократно приходилось участвовать в таких церемониях, более или менее сложно организованных и формализованных, чаще с разведением небольшого костра или без него, когда предполагается, что духи находятся не на суше, а в море. Порядок церемоний сильно варьирует от семьи к семье, кое-где они организуются только по особым случаям, но во многих семьях ахкышак делают как бы походя и незаметно, практически перед каждой трапезой (Опарин 2015: 56).

Ахкышак делается в очень небольших размерах, в виде двух-трех капель напитка или маленького отщипнутого кусочка, например от кондитерского изделия, который бросается в огонь костра или просто роняется в угол комнаты, откуда потом как бы случайно выметается при уборке помещения. Это, однако, не есть современная миниатюризация прежнего более крупного жертвоприношения. Еще в источниках начала XIX века можно найти упоминания о маленьких кусочках листового табака, наклепавшихся как ахкышак на китовые кости, входящие в конструкцию специальных жертвенников. Этим ахкышак отличается от многих шаманских обрядов умилоствления духов у других народов Сибири, где в огне может сгорать существенная часть туши жертвенного животного, да и от старинных обрядов служения духам у айнов.

В определенных случаях духам могут преподноситься и несъедобные вещи, например бусина в виде благодарности за избавление при транспортной аварии или при длительной задержке авиарейса. Характерной для эскимосской этики чертой можно считать стремление принести подобную жертву не демонстративно, а наоборот, по возможности незаметно, как бы случайно, так, чтобы приносимый в качестве ахкышака предмет попал бы в укромное место и как будто затерялся.

Здесь нет необходимости подробно описывать все детали и вариации сохраняющейся по сей день эскимосской и чукотской (нередко они трудно различимы) похоронной и поминальной обрядности. В труде Д.А. Опарина имеется много примеров ее вариативности. В целом можно выделить общую для чукотско-эскимосской культуры сдержанность, скромность, нежелание выделяться, стремление ограничить круг участников наиболее близкими друзьями и родственниками. На протяжении всего периода полевых наблюдений, с середины XX века и до начала века нынешне-

го, можно было фиксировать постепенное отмирание традиционных форм обрядности и структуры захоронений, от труположения в скальной осыпи и до сооружения полноценной могилы общерусского образца.

Надо сказать, что во многих культурах, более или менее знакомых автору, преобладает иная этика – стремление сделать обряд или церемониал как можно более ярким, пышным, заметным, шумным и многолюдным, чтобы он запомнился в кругу данной общины. Существенно, на наш взгляд, то обстоятельство, что такая тенденция чаще всего коррелирует с уровнем этнополитического национального самоутверждения в данном обществе.

При этом в большинстве случаев наши информаторы в разных частях света (Индия, Япония, Кавказ и др.) отмечали, что такая нарочитая демонстративность – явление относительно позднее и что в старину все делалось неизмеримо менее публично и более скромно.

При множестве различий в деталях обрядности, жертвенно поминальное поведение айнов имеет немало сходных черт с эскимосской моделью. И тут и там можно отметить потерю системности, четкой оформленности, переход от *эмных* проявлений в культуре к ее все более и более *этным* формам реализации. В старой айнской культуре, существовавшей в виде ненарушенной системы максимум до середины XIX века, преимущественно в глубинных и северных районах острова, менее затронутых колониальной эксплуатацией, имелась разветвленная грамматика обрядового поведения, распределенная по множеству статусных ролей. Ныне она почти исчезла из народной памяти, вместе с исчезновением практики охоты на крупных животных – медведей, китов, ластоногих.

То же или почти то же можно сказать и об эскимосской культуре, но в ней разрушение системности не отменяло самих форм поведения, они лишь становились менее упорядоченными, допускающими некоторые вольности при общем стремлении к малозаметности. У айнов же чаще отмечается частичный, или якобы временный отказ от исполнения обряда. Так, в ряде семей автору говорили, что центральный для айнской поминальной обрядности ритуал «ицярупа» – ежегодное умилоствление предков – уже несколько лет не проводился и откладывался из-за болезни старшего дальнего родственника, обычно ранее руководившего обрядом, и боязни членов семьи что-нибудь сделать не так, как надо, и тем самым разгневать предков.

Обрядность как айнов, так и эскимосов-юпиков существовала в виде целостной и разветвленной системы примерно до 70-х годов XIX века. После этого она и тут и там подверглась довольно быстрым процессам обеднения и разложения. Отчасти – это отражение начала общемировых процессов модернизации и может быть наблюдается на примере многих этносов в разных уголках земного шара. Но конкретно в Японии оно совпало с правительственным решением об интенсивной колонизации. Это привело к ускоренному разрушению традиционной туземной экономики, гораздо более резкому, чем на Чукотке. Для Чукотки в некоторой мере ту же роль сыграло общемировое развитие коммерческого китобойного промысла, но он пришел в упадок в связи с падением спроса на ворвань и китовый ус в начале XX века.

Последний китовый праздник («пол;я») отмечался на Чукотке, видимо, в 30-е годы XX века. Примерно тогда же или чуть раньше прошли и последние медвежьи праздники на Хоккайдо. О них имеются кинематографические свидетельства, но очень плохого качества.

На рубеже века нынешнего группа энтузиастов при участии нескольких знатоков из числа старейших айнов организовала постановочные съемки медвежьего праздника с соблюдением всех деталей обряда, собравшие массу зрителей, но все осознавали, что это именно постановка, а не реальное коммуникативное действие. Для сравнения отметим, что упоминавшийся выше праздник пеки у индейцев ваура тоже вполне целенаправленно фиксировался, но именно как реальный, а не постановочный.

Учитывая, что стержнем жизнеобеспечения как айнов, так и эскимосов-юпиков искони были, а у юпиков отчасти и остаются, в разных пропорциях, морской зверобойный промысел и прибрежно-речное рыболовство, неудивительно, что среди немногих сохраняющихся коллективных (групповых, клановых) обрядов центральное место занимает обряд спуска на воду заново построенной или сезонно обновленной лодки (байдары, вельбота и пр.). У юпиков и береговых чукчей он проходит более по деловому и менее публично, но все же *аньялик* (капитан байдарной команды) обязательно рисует на носу лодки изображение касатки, которое затем закрашивается и поверх него уже пишется официальный регистрационный номер судна.

У айнов лодки уже реальных промысловых функций почти или вовсе не имеют, используются в основном для развлечения туристов, и нередко спуск их превращается в широко анонсируемую эколого-политическую демонстрацию, например против постройки плотины. Магический обряд рисования глаз на носу лодки при этом исполняется очень торжественно.

Хотя вариативность присуща айнской обрядности не менее, чем эскимосской, все же каждая конкретная айнская семья гораздо больше уделяет внимание правильному, с ее точки зрения, оформлению того или иного обряда. Нам представляется, что это связано с наличием более жесткой, чем у эскимосов, генеалогической линейности. Хотя клановая структура айнского общества недостаточно изучена, и сейчас, очевидно, находится в состоянии распада, тем не менее, определенный линидж или патронимия (не будем называть их достаточно расплывчатым словом «род»), обладает наследуемой конфигурацией значков-зарубок, именуемых «экась-этохпа», что буквально переводится как святые надрезы предков.

Экась-этохпа – это по существу то же самое, что «тамги» у центрально-азиатских кочевников. Они ставятся на самых разных, но преимущественно сакральных предметах и обозначают их жестко привязанную родовую принадлежность. Такой же жесткой привязанностью отмечены и отдельные черты обрядности и вообще многие формы родового символического достояния. Подобной жесткости и в помине нет в эскимосских «кланах», описанных И.И. Крупником и М.А. Членовым, под названием локусов (*Krupnik, Chlenov* 2013).

Там, где у автора была возможность осмотреть семейные алтари айнов, обычно запрятанные в задней части дома, становилось понятно, что обряды и моления на них давно не совершались. Это не отрицали и сами хозяева дома, объясняя такое нерадение все той же боязнью совершить по незнанию какую-либо ошибку.

Зато в передней части дома на видных и почетных местах обычно находятся буддийские алтари «буцудан» и синтоистские божницы «каמידана», устроенные по общепонскому образцу. Таким образом, айны исповедуют даже не синто-буддийское двоеверие, присущее 70–80% японцев, а троeverие, включая в этот комплекс и свои традиционные культы. Однако, напрашивается предположение, что айны, храня свои исконно семейные святыни очень закрыто и бережно, в то же время выставляя-

ют напоказ и даже заново искусственно создают общеайнские и местные, не обладающие подлинной сакральностью ритуалы на потребу туристам (Арутюнов 1970).

В отношении кладбищенской обрядности айнов можно провести близкие аналогии с домашней. Автору удалось посетить лишь три-четыре айнских кладбища, традиционно располагающихся в лесу, на определенном удалении от поселка. Почти все захоронения относились к середине или первой половине XX века. Четко различались мужские могилы, оформленные надгробиями в виде копьевидного столба, и женские, с раздвоенным или Т-образно завершающимся столбом. Кладбища выглядели полузаброшенными и почти не посещаемыми. В новейшее время у айнов преобладает современная японская похоронная обрядность, с кремацией и прихрамовым захоронением.

В отличие от айнов, у юпиков двоеверия нет, племенная и семейная обрядность сохраняется в вариативной и полуразрушенной форме, но нет и намека на то, чтобы обрядность стала предметом коммерции или как-то выставлялась напоказ. Более того, небольшие поселковые сообщества, перешедшие в протестантские и сектантские конфессии, часто настаивают на полном отказе даже от таких микро-ритуалов, как ахкышак.

В области материальной культуры во всем мире этническая специфика плотнее всего сохраняется в пищевых навыках и особенностях. Эту закономерность можно проследить и у рассматриваемых в данной статье этносов. Эскимосской пище уделялось немало внимания разными исследователями начиная со времен первичных контактов, но недавно появилась (представлена на XI РКАЭН в Екатеринбурге) работа В.В. Голбцевой (в настоящее время находится в печати), специально посвященная праздничной и обрядовой пище чукчей и эскимосов.

Эскимосская пища очень своеобразна, в ее приготовлении ферментация играет ведущую роль, получаемые блюда нередко обладают интенсивным и непривычным для иноэтничных потребителей вкусом и запахом.

В современном, достаточно резко меняющемся под влиянием урбанизации и даже частичной глобализации эскимосском быту, грань между традиционной и этнически нейтральной пищей настолько велика, что отражается даже на способе ее потребления. Этнически нейтральные блюда (макароны, каши, бутерброды, печенье и сухари к чаю и т.д.) сегодня принято есть за столом с применением посуды и приборов, но традиционную пищу, в связи с ее специфичностью, нередко едят на кухне или в отдельном помещении, сидя на полу, разостлав клеенку, обходясь без обычного посудного набора. Конечно, есть много ситуаций смешанной сервировки и набора блюд, а также форм их потребления.

Среди наиболее характерных и популярных форм традиционной пищи эскимосов можно отметить «тухтак» (по-чукотски «копальхен») – квашеное моржовое мясо, еще недавно основной предмет питания, главным образом зимой, хотя сейчас его потребление сильно сокращается; «мантак» – пласты китовой кожи с двухсантиметровым слоем подкожного жира, который едят и сырым, и лежалым, и варёным, с нерпичьим жиром, или вовсе без приправы в большом количестве, в последние годы его потребление, как и многих других продуктов, расширилось в связи с появлением холодильников. Непременным компонентом праздничной пищи является «кивик» или «квек», заготовленная в оленьем желудке колбаса из рубленного оленьего мяса и жира, заимствованная у чукчей и обычно у них и покупаемая, и ряд других, преимущественно мясных продуктов.

Большое место в питании занимают различные дикорастущие травы и корни, дикие листовые овощи, в том числе молодые листья ивы, различные ягоды, в основном брусника и шикша (водяника). Все эти растительные виды пищи в большом количестве заготавливаются впрок в пузырях, а сейчас и в банках, залитые растопленным жиром. В наши дни ягоды также часто заливают сгущённым молоком.

Надо отметить, что если пришлое население с сильным предубеждением относится к мясным ферментированным продуктам и тому подобным блюдам, то многие формы иной чукотско-эскимосской пищи оно даже широко заимствует. Это относится к собираемым на морском берегу съедобным водорослям, к ягодам и диким листовым овощам или к употребляемым в свежем виде донным полипам «упа» (асцидиям). Подледный лов асцидии с помощью драг-уполовок стал в последние годы распространённым занятием жителей многих смешанных поселков.

С другой стороны, заимствуемые у русских виды пищи существенно обогащают питание урбанизированных чукчей и эскимосов, например ранее пренебрегаемые и негативно расцениваемые грибы сегодня все более и более охотно употребляются в пищу местными жителями (устное сообщение Светланы Яминой, университет Аляски, Фербенкс).

Совершенно иную картину мы наблюдаем у айнов. Весьма богатая и разнообразная традиционная айнская пища, основанная на рыбной ловле, охоте и собирательстве дикоросов в наши дни практически забыта. Огромное количество блюд, таких как заливное, рыбные и мясные супы, квашеные рыбы головы, печеная на вертеле рыба, мясо китов и тюленей, медвежатина канули в небытие. Повсеместно повседневное питание практически не отличается от общепонского. Из блюд, демонстративно подаваемых как традиционные айнские, автору удалось встретить только лепешки и оладьи из двух сортов проса, ранее весьма характерных для кухни прибрежных айнов. Впрочем, именно у берегового населения процесс замещения традиционной пищи привозными японскими продуктами, в основном рисом и соевой пастой *мисо*, начался ещё в XVII веке. Современное питание айнов, как и японцев, состоит в значительной мере из продуктов, подвергшихся фабричной обработке.

Мы рассмотрели выше ряд сфер культуры, в которых, при постепенной облитерации (схождении на нет) этнической специфики она удерживается наиболее долго и устойчиво. Эрозия начинается с тех сфер, где этнофоры взаимодействуют между собой как взаимонезависимые индивиды и это, прежде всего, естественный родной язык, как наиболее общее средство межличностной коммуникации. Язык удерживается там, где дольше всего сохраняет свою значимость традиционная система хозяйства.

И у айнов, и у эскимосов это терминология, связанная с охотой, в том числе морской, с рыбной ловлей, с собирательством. Особые термины и обороты связаны с различными видами, возрастными и половыми категориями, индивидуальными особенностями облика (масти) важнейших промысловых животных, вариантами состояния воды, льда и других элементов природной среды, разновидностями и фенологическими фазами утилизируемых растений и тому подобной лексикой. Естественно, что такая лексика хорошо представлена в фольклоре, на базе которого в значительной мере построен и учебный материал.

Такая лексика отсутствует в языке пришлого большинства и поэтому даже при переходе на грамматику языка доминирующего этноса сохраняется в разговорной речи, более того, усваивается и пришлым населением по мере его акклиматизации в

местных природных условиях. У народов, у которых распространено оленеводство, столь же дробная терминология сохраняется и в отношении мастей оленей и состояний снега, но к айнам и эскимосам это уже не имеет отношения.

Сфера, подвергающаяся размыву достаточно быстро вслед за языковой, это сфера брачно-семейных, межличностных, гендерных и эмоциональных взаимоотношений. Здесь особенно велико воздействие внешних, социально – экономических, колонизационных и других эродирующих факторов. При этом эрозия происходит как бы в двух направлениях одновременно, с одной стороны люмпенизация и маргинализация наименее благополучных страт искажающе воздействует на традиционные моральные нормы и институты, а с другой стороны, в стратах с возрастающим уровнем образования, благосостояния и вписанности в доминирующее общество, все более укореняются мейнстримные схемы и стереотипы, характерные для большинства пришлого населения.

Высокую степень устойчивости обнаруживают пищевые и диетарные навыки. Отход от традиционных каналов жизнеобеспечения, естественно не может не оказывать на них значительного влияния, но там, где сохраняется пользовательская связь с ландшафтом и местными ресурсами, в том числе флорой и фауной, многие компоненты пищевого поведения, характерные для туземных обществ, не только продолжают сохранять свое витальное, статусное и демонстративное значение, но и активно заимствуются доминирующим населением. Там же, где отрыв от традиционного жизнеобеспечения происходит резко и всесторонне, уступая место потребительским/покупательским формам бытового снабжения, от традиционной кухни остаются лишь некоторые символические реликты.

И, наконец, сфера, где этническая специфика сохраняется дольше и устойчивее, чем во всех остальных областях, это общение с усопшими родичами, предками, духами мест, сфер деятельности и тому подобными сверхъестественными персонажами. Иными словами магическое и мифологическое мышление оказывается наиболее сохранным, устойчивым к воздействию размывающих факторов, консервирующим в форме стабильных реликтов этническое наследие давно прошедших состояний.

Другой существенный вывод, который можно сделать на основе сопоставления двух популяций, довольно близко сходных в своем первоначальном состоянии, но подвергавшихся существенно разному воздействию в ходе колонизации и аккультурации, состоит в различии результатов последней, в зависимости от установок доминирующего социума.

Так, в случае айнов, до тех пор пока существовало княжество Мацумаэ, с его ярко выраженным пренебрежительным, и даже презрительным отношением к айнам, как представителям северных «варваров», айнская самобытная культура и образ жизни в значительной степени сохранились не только во внутренних районах острова Хоккайдо, но даже в областях воздействия «тигё» и «басё», то есть торговых и промысловых японских факторий. Но как только на смену факториям пришла американизированная «цивилизованная» интенсивная колонизация, прежнее феодальное отношение к туземцам, как к дикарям и полуживотным, сменилось установкой современного государства на гомогенизацию населения, которая очень быстро привела к полному растворению этнической специфики меньшинства в культуре доминирующего этноса.

В случае азиатских эскимосов, наоборот, пришлое население никогда не рассматривало Чукотку как место постоянного обитания. И, невзирая на постулируемые коммунистической пропагандой лозунги равноправия братских наций, дискримина-

ция коренного населения пришельцами имела место постоянно. Чукчи и эскимосы в течение всего XX века испытывали гнет патернализма и потерю функций хозяев в своих родных пределах, и, несмотря на жесткое давление, происходившее на протяжении почти всего столетия, а может быть именно по его причине, стремление, иногда даже бессознательное, сохранить и укрепить барьеры обособления и закрытости в своем кругу, хотя бы на некоторое время предохранило местное общество от окончательного растворения в инородной среде.

Литература

- Арутюнов 1970 – Арутюнов С.А. Свята на продаж // Всесвит, 1970. № 3. С. 108–111.
- Арутюнов 2007 – Арутюнов С.А. Этнос без этничности: айны сегодня // Этнографическое обозрение, 2007. № 2. С. 132–137.
- Арутюнов 2016 – Арутюнов С.А. Этность, эмность и проблемность гетеризма // Этнографическое обозрение, 2016. № 4. С. 92–94.
- Батьянова 2016 – Батьянова Е.П. О «товариществе по жене» и других брачных традициях чукчей // Этнографическое обозрение, 2016. № 4. С. 94–99.
- Бутовская 2007 – Бутовская М.Л. Современные полевые исследования российских антропологов в Объединенной Республике Танзания // Этнографическое обозрение, 2007. № 7. С. 17–20.
- Верещака 2013 – Верещака Е.А. Обмен женами в традиционной культуре чукчей // Алгебра родства Вып. 14. СПб: МАЭ РАН, 2013. С. 132–137.
- Головнев 2006 – Головнев А.В. Исторический опыт межэтнического взаимодействия на севере Евразии / Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Книга 1 / Ред А.П. Деревянко, В.И. Молодин, В.А. Тишков. М.: Наука, 2006. С. 312–321.
- Головнев 2015 – Головнев А.В. Чукотский дневник: размышления о движении // Уральский исторический вестник, 2015. № 2 (47). С. 6–16.
- Грей 2016 – Грей П.А. Современное состояние оленеводства на Чукотке // Этнографическое обозрение, 2016. № 2. С. 44–55.
- Давыдова 2015 – Давыдова Е.А. Властные отношения в семейно-родственных коллективах оленных чукчей (по материалам XIX – первой половины XX вв.). Автореф. канд. дисс. СПб., 2015.
- Давыдова 2016 – Давыдова Е.А. «Товарищество по жене» у чукчей: пример создания родственности // Этнографическое обозрение, 2016. № 4. С. 75–87.
- Истомин 2015 – Истомин К.В. Кочевая мобильность коми-ижемских оленеводов: снеговая революция и рыночная реставрация // Уральский исторический вестник, 2015. № 2 (47). С. 90–97.
- Мартынова 2015 – Мартынова Е.П. Ямальские ненцы и индустриальное развитие: новации в оленеводстве и рыболовстве // Уральский исторический вестник, 2015. № 2(47). С. 90–97.
- Матусовский 2015 – Матусовский А.А. Праздник пеки у индейцев ваура // Этнографическое обозрение, 2015. № 3. С. 92–110.
- Опарин 2015 – Опарин Д.А. Вариативность современного ритуального пространства Нового Чаплино и Сиреников, Чукотка. Дисс. на соиск. уч. степ. к.и.н. М., 2015.
- Хаховская 2016 – Хаховская Л.Н. «Товарищество по жене» как феномен этнической истории чукчей // Этнографическое обозрение, 2016. № 4. С. 88–91.
- Швайцер 2016 – Швайцер П. Коренные народы и урбанизация на Аляске и на канадском Севере // Этнографическое обозрение, 2016. № 1. С. 10–22.
- Штернберг 1933 – Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933.
- Krupnik, Chlenov 2013 – Krupnik I., Chlenov M. Yupik Transitions. Fairbanks: Alaska Univ. Press, 2013.
- Turnbull 1972 – Turnbull, Colin M. The Mountain People. New-York: Columbia Univ. Press, 1972.

References

- Arutyunov S.A.* Svyata na prodazh. Vsesvit, 1970. No. 3. Pp. 108 – 111.
- Arutyunov S.A.* Etnos bez etnichnosti: ajny segodnya. Etnograficheskoe obozrenie, 2007. No. 2. Pp. 132–137.
- Arutyunov S.A.* Etnost, emnost i problemnost geterizma. Etnograficheskoe obozrenie, 2016. No. 4. Pp. 92–94.
- Batyanova E.P.* O «tovarishchestve po zhene» i drugih brachnyh traditsiyah chukchej. Etnograficheskoe obozrenie, 2016. No. 4. Pp. 94–99.
- Butovskaya M.L.* Sovremennye polevye issledovaniya rossijskih antropologov v Obedinennoj Respublike Tanzaniya. Etnograficheskoe obozrenie, 2007. No. 7. Pp. 17–20.
- Vereshchaka E.A.* Obmen zhenami v traditsionnoj kulture chukchej. Algebra rodstva. St. Petersburg: MAEH RAN, 2013. Vol. 14. Pp. 132–137.
- Golovnev A.V.* Istoricheskij opyt mezhehtnicheeskogo zaimodejstviya na severe Evrazii / Etnokulturnoe vzaimodejstvie v Evrazii. Vol. 1. A.P. Derevyanko, V.I. Molodin, V.A. Tishkov (eds.). Moscow: Nauka, 2006.
- Golovnev A.V.* Chukotskij dnevnik: razmyshleniya o dvizhenii. Uralskij istoricheskij vestnik, 2015. No. 2 (47). Pp. 6–16.
- Grej P.A.* Sovremennoe sostoyanie olenevodstva na Chukotke. Etnograficheskoe obozrenie, 2016. No. 2. Pp. 44–55
- Davydova E.A.* Vlastnye otnosheniya v semejno-rodstvennyh kolektivah olennyh chukchej (po materialam XIX – pervoj poloviny XX vv.). Avtoref.na soisk. kand. diss. St. Petersburg, 2015.
- Davydova E.A.* «Tovarishchestvo po zhene» u chukchej: primer sozdaniya rodstvennosti. Etnograficheskoe obozrenie, 2016. No. 4. Pp. 75–87.
- Istomin K.V.* Kochevaya mobilnost komi-izhemskih olenevodov: snegohodnaya revolyuciya i rynochnaya restavraciya. Uralskij istoricheskij vestnik, 2015. No. 2 (47). Pp. 90–97.
- Martynova E.P.* Yamalskie nency i industrialnoe razvitie: novacii v olenevodstve i rybolovstve. Uralskij istoricheskij vestnik, 2015. No. 2 (47). Pp. 90–97.
- Matusovskij A.A.* Prazdnik peki u indejcev vaura. Etnograficheskoe obozrenie, 2015. No. 3. Pp. 92–110.
- Oparin D.A.* Variativnost sovremennogo ritualnogo prostranstva Novogo CHaplino i Sirenikov, Chukotka. Kand. diss. Moscow, 2015.
- Hahovskaya L.N.* «Tovarishchestvo po zhene» kak fenomen etnicheskoy istorii chukchej. Etnograficheskoe obozrenie, 2016. No. 4. Pp. 88–91.
- Shvajcer P.* Korennye narody i urbanizaciya na Alyaske i na kanadskom Severe. Etnograficheskoe obozrenie, 2016. No. 1. Pp. 10–22.
- Shternberg L.Ya.* Gilyaki, orochi, goldy, negidalcy, ajny. Habarovsk: Dalgiz, 1933.
- Krupnik I., Chlenov M.* Yupik Transitions. Fairbanks: Alaska Univ. Press, 2013.
- Turnbull, Colin M.* The Mountain People. New-York: Columbia Univ. Press, 1972

S.A. Arutiunov. Etnichnost skhodiaschaia na net (Ethnicity Obliterated).

Traits of similarity and difference are compared in the context of acculturation and assimilation processes among Siberian Yupik and Ainu populations, in Chukotka district of Eastern Siberia and Hokkaido, Japan, respectively. Changes in the spoken language, family structure, food habits, and ancestor worship are primarily analyzed.

Key words: *ethnicity, assimilation, acculturation, Yupik Eskimo, Ainu.*

КАВКАЗСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 394.2+ 398.332.416

© В.Л. Бигуаа

АБХАЗСКОЕ РОЖДЕСТВО: ОБРЯДОВАЯ ПРАКТИКА И
АРХАИЧЕСКИЕ КОРНИ ПРАЗДЕСТВА

Несмотря на то, что абхазы – это один из тех народов, в духовную жизнь которых христианство проникло еще во времена его возникновения, а в качестве государственной религии в самом начале раннего средневековья, они по сей день не расстаются со своими древними культами. Одним из них является традиционное Рождество, которое отмечается в день рождения Христа-спасителя. На основе полевых этнографических исследований в данной работе дается описание ритуальной практики культа. В работе делается также попытка выяснения генезиса тех или иных элементов обрядового действия и, конечно же, самого культа как такового.

Ключевые слова: *Рождество, традиция, обряд, ритуал, огонь, жертва, моление, молельщик, культ, сакральность, солнце, бог, божество, торжество.*

В абхазском быту Рождество является одним из наиболее значительных и ярких праздников. При этом в условиях присущего абхазскому быту явлению, когда идеология и обрядность православного христианства «мирно» уживалась с мифологией и культовой практикой традиционных верований, Рождество обладало характеристическими чертами обеих мировоззренческих систем (и в том, и в другом случае у праздника одно название К'ирса – *Къырса*, происходящее от греческого имени Иисупителя и Спасителя мира).

Празднование христианского Рождества полностью укладывается в канонические рамки. Православные абхазы, проживающие в городах, за редким исключением, принимают участие в рождественской службе, начинающейся в полночь на праздничный день в церкви. В церковь ходят и сельские жители, но, естественно, только там, где она действует. После основной части службы, все они спешно возвращаются к себе домой, чтобы отдохнуть, а затем достойно встретить Рождество, но уже по-абхазски – *аҭсыуала*.

Специфика обрядовой практики делает невозможной отправления Рождества горожанами, которые живут в «неудобных» высотных домах; не отмечают праздник и те абхазы, которые в силу своего социального положения отошли от «старины». Отрицание традиционного мироощущения абхазского народа возникло как продукт известных перегибов, имевшихся в советской политической системе и инертно сохраняется и в современных реалиях его жизни. В целом же политеистическое Рождество воспринимается всеми как сугубо народное, абхазское, независимо от официального вероисповедания – православия или ислама.

Бигуаа Валерий Левардович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии; Эл. адрес valera.biguaa@yandex.com.

Подготовка к Рождеству

Обычно к Рождеству начинают готовиться, примерно, за неделю до его празднования. Эти дни называются «преддверием Рождества» – *Қьырса аламтала*. При этом в любой традиционной семье, занимаясь подготовкой к празднеству, придерживаются традиционного половозрастного разделения труда. Женская половина семьи приступает к своим делам, связанным с наведением порядка в доме, во дворе, стиркой, уборкой и другими, считающимися чисто «внутренними делами». Одной из главной обязанностью хозяйки дома считается еще и «заточение» годовалого пехуха под корзину, где все это время она держит его, прикармливая кукурузой и подавая питьевой воды, чтобы он мог «очиститься».

Мужчины занимаются трудоемкими и тяжелыми «внешними делами». Это обеспечение семьи праздничной мукой и другими продуктами, ширококомасштабная чистка скотного двора и т.д. Важной мужской обязанностью была заготовка достаточного количества дров. Обычно к ней приступали в середине осени, когда начинается «период спячки растительного мира» – *ашааңыцааң аныцаоу*. Лес валили, затем стволы просушивали, обрубали ветви и т.д., на что уходило примерно месяц-полтора, после чего доставляли на арбе или волоком в деловой двор дома.

Можно сказать, что заготовка дров в определенной степени носила ритуализированный характер. Дело в том, что в народе весь этот период времени, включая и день празднества, назывался еще и «периодом декабрьского огня» – *қьырса-мца анеиқзырйо аамта*, так как днем и ночью в открытом очаге дома непрерывно поддерживался необычайно сильный огонь. Характерно, что еще до наступления советского времени в жизни абхазов, да несколько десятилетий и после этого, праздничные дрова готовили отдельно. Считалось, что если для отопления дома идет любое дерево, то на праздничный огонь только плотная древесина: дуб, бук, граб, акация и другие породы, отдающие необычным жаром. И место для них устраивалось отдельно от обычных дров.

Сильный огонь в очаге, тем более, когда во дворе стоял сырой зимний холод и основное время суток весь мир казался окутанным темнотой, приносил семье не только тепло и свет, но и радость, и веселье, и новую жизненную силу, предвещая надежду и поддержку своей величавостью. Бывало, что отдельные жители села умудрялись сжигать и старые деревья, оставшие от лесного массива – там же, на месте. Пламя, образуемое от горения высокого дерева, освещало всю округу, рассеивая длинную ночную тьму, и создавало неопишемую красоту¹.

В самые долгие ночи года в жилом доме огонь присутствовал не только в том помещении, где располагался очаг, но и во всех других комнатах, но это уже в виде свечей, если даже никто в них не находился, чтобы злым силам не было места прятаться.

В течение этого времени, какие бы ни были конфликты внутри семьи, или в общественном быту не допускались. То есть сдержанность, тактичность, вежливость и другие нормы поведения, характерные для традиционных взаимоотношений абхазов, в ожидании Рождества соблюдались с еще большей подчеркнутостью. Напротив, сидя у очага, в котором горел рождественский огонь, взрослые члены семьи проводили время допоздна, время от времени вспоминая отдельные моменты уходящего года, обсуждая планы в наступающем году. Глава семьи – отец семейства, или дед, затягивал бытовые рассказы или забавные сказки. Молодые, стоя позади, слушали их. В больших многопоколенных, многодетных семьях еще играли на музыкальных инструментах, пели, танцевали, весело и шумно коротали ночи допоздна.

В такие веселые дни темный цвет в одеянии людей считался нежелательным. Напротив, каждый старался обновить к празднику хоть какой-нибудь элемент формы одежды, особенно детям. Одеждой членов семьи занимались старшие домочадцы, чаще пожилые. До массового распространения фабричного производства, трудоспособные бабушки пряли детям теплые шерстяные носки, ткали полотна на рубахи или штанишки, деды шили сыромятную обувь, более состоятельные – и из сафьяна. Особой изысканностью отличалось также семейная пища, особенно во время ужина.

И в предпраздничные времена ужин начинался после наступления темноты, как только собиралась вся семья, но за время предрождественских дней мать семейства кормила своих домочадцев изысканными продуктами питания. Таковыми считались хранившиеся обычно впрок так называемые «плотные», «теплые» блюда, необходимые в зимние холодные времена. Это копченое мясо – *ажьџаа* (просоленное мясо, которое подверглось копчению над открытым очагом), абхазская колбаса – *атубар* (фарш из просоленных внутренних частей и курдючного сала барана, пропитанный толченым чесноком, завернутый в тщательно очищенные и промытые кишки, туго завязанные ими же так, чтобы из него получилось несколько изделий в виде колбас, нанизанных в деревянные шампуры, при помощи которых вешают высоко над очагом для копчения), *акџьрма* (смесь просоленных и слегка поваренных почек, легких, сердца, печени других, тщательно почищенных, промытых внутренних частей крупного рогатого скота, в собственном жире, хранящаяся в глиняных сосудах), а также мед, твердые и жидкие молочные продукты – сыр, *ачаџыр* (своеобразная просоленная сметана, изготовленная в бурдюке путем систематического и тщательного взбалтывания смеси коровьего и буйволиного молока, простокваши и размельченного сычужного сыра в определенных долях) и другие кушанья, отличающиеся высокой калорийностью. На столе мог быть также кабачок различных сортов, каштан и прочие лакомства, богатые витаминами, недостающими организму человека в зимнее время. Непременным атрибутом застолья было ароматное черное вино*. Словом, семья должна была быть сытой. Сытость давала гарантию того, что в новом году она будет жить в достатке. Об этом говорит и поговорка: «Как встретишь год, так и проведешь его» – *ашьџэс ушаџыло еиџи цухьуџоит (утьысуеит)*.

В рождественский период времени отличался и корм домашних животных без исключения. К вечеру, например, в ясли крупному рогатому скоту и лошадям клали не только дополнительные порции сена или чалы (высушенные стволы и стебли кукурузы), но и початки кукурузы; дойным коровам к ним добавляли еще и сою. А мелкий рогатый скот пасли днем, исключительно вечнозелеными листьями растений, вьющихся высоко на старых деревьях, которые специально для этого валили.

Наиболее насыщенным днем подготовительного периода являлся канун Рождества. В этот день все, что необходимо для проведения праздника, должно было быть на своем месте, как бы «в стартовом положении» – начиная от материалов, из которых готовят всю мучную пищу, и кончая жертвенным животным. В этой связи еще в начале XX столетия Н. С. Джанашиа писал: «Абхаз считает за позор, если он в этот день (в день Рождества. – В. Б.) не зарежет козла или какое-либо другое животное» (Джанашиа 1960: 52).

И в настоящее время данная традиция не теряет своего бывшего значения. Во всяком случае, наличие мяса в абхазском доме, хотя бы покупного, считается обязательным.

Важным было, чтобы трудоспособные члены семьи поступали так, чтобы в день праздника они могли заниматься только собственно праздничными делами

* В абхазском языке красные вина обозначаются как черные.

Обрядовая практика традиционного Рождества

Еще до советизации страны, даже и в первые времена ее существования, Рождеству придавалось большое значение. Для встречи рождественского дня каждый хозяин дома должен был проснуться рано, как забрезжит свет, чтобы быть очевидцем «вставания солнца» – *амра агыламта*. Затем вставала и его жена, которой предстояло отправление специального обряда *агэныхэа*. Первым элементом праздничного ритуала было благодарение бога: «Создатель наш, Великий Бог, благодарю за возможность, данную мне тобою, встретить сегодняшний праздник вместе со своей семьей в целостности и сохранности» – *хазшаз Анцэа ду ухышьргэыйца сакэыхшоуп та-ацэала, цстбара хамамкэа анцэаду ухышьргэыйца сакэыхшоуп таацэала, цстбара хамамкэа иахьатэи аныхэа хаңылартэ хэхьыкойаз азы*.

Поблагодарив бога, каждый приступал к своим делам. Хозяин, совершив ритуальное омовение лица и рук, выходил во двор, обходил свое хозяйство, заносил в дом необходимое количество дров на поддержание огня. Жена тоже делала ритуальное омовение и приступала к приготовлению обрядовой пищи. Затем глава семейства, к тому же более свободный от дел, будил всех домочадцев, чтобы поздравить их с Рождеством и вместе встретить восход солнца: «Дай вам бог встретить рассвет праздничного дня и в будущем году, и в последующем году вот так, как сегодня, здоровыми и невредимыми» – *еангы цахьгы абас, иахьа еиңи, шэбга-шэеизыда аныхэашара анцэа шэаңгалалаит*. Обнимала и целовала в щечку каждого домочадца и мать семейства со словами праздничного благопожелания.

Сегодня ритуальная встреча солнца соблюдается, но ограничивается в основном обрядовым действием *агэныхэа*, которое, как утверждают информанты, не отличается от действия прошлых времен. Суть его в следующем.

К утру на каждого члена семьи хозяйка дома печет по одному одноименному с самим обрядом пирогу, начиненному сычужным сыром, а на вид напоминающему человеческое сердце. Если погодные условия позволяют, то обряд проводится во дворе, нет – под навесом или на балконе дома. И, каждый из домочадцев, стоя и держа правой рукой пирог, повернувшись лицом к восходящему солнцу, произносит молитву: «Всевышний – создатель наш, дай мне тепло твоих глаз, не обделяй меня теплом созданного тобой солнца, чтоб я никогда не жаловался на свое сердце, дай мне доброго здоровья, силу и долгих лет жизни!» – *хазшаз Анцэаду, улыңха сыт, умра аңхара сыгу-мырхан, сгэы сумырхьын, агэыбзера сыт, агэамч сыт, аңсынйры сыт!*

Поскольку пирог этот носит персональный характер, каждый должен съесть его самостоятельно и с удовольствием, не делясь при этом ни с кем, причем, не отворачиваясь от солнца, даже на миг. Об оставлении на потом, тем более о выбрасывании его остатков, не может быть и речи: «грешно, обряд теряет свой магический смысл, магическую силу» – *ңасым, амч аузом!*

Сразу после завершения данного обряда семья приступает к своим непосредственным обязанностям, связанным с устройством самого праздника. Хозяин дома выводит из скотника козленка, обычно годовалого, производит символическое омовение его морды и ножек, и правой рукой беря его за рога, встает вместе с ним с обнаженной головой на самом красивом и открытом уголке двора. Обращаясь лицом к востоку, он приносит жертву богу со словами его задабривания и благопожелания: «Создатель наш, Великий Бог, да обойти мне твою золотую пятую! Дай мне и моей семье тепло твоих очей, тепло твоего сердца, благодать созданного тобою солнца!

Береги всех нас от несчастного случая, где бы мы не находились – в доме, в лесу, в пути, на дереве, в воде и в других местах! Сегодня мы встречаем тебя целыми, невредимыми, приносим тебе то, чем располагаем. А в следующем году постараемся встретить тебя еще лучше!» – *ҳазшаз Анцәаду, ухьышьыргьыџа сакәыхиоуп! аацәала улыџа ҳат, угәыџа ҳат, умра аҟхара ҳахумбаан! Уаххылаџи – аҟны ҳаҟоума, абнаҟы ҳаҟоума, амҟа ҳақәума, аџла ҳақәума, ҳахьча! Иахьа ҳауҟылоит зегьы ҳаиб-гаҳаизшәыда иҳалшо ала. Ҷааны еиҳагьы егьны ҳауҟылоит ҳәа ҳгәы иҟоуп!*

Затем он как семейный жрец вместе с жертвенным животным три раза поворачивается кругом против движения солнца. Произнося хоровой «аминь», все его домочадцы, смиренно стоящие за ним, также без головных уборов, совершают те же самые полные повороты. Закалывание жертвенного животного производится исключительно самим молельщиком собственноручно, положив его головой на восток так, чтобы лицевая сторона его была обращена на солнце. С окончанием же всей этой процедуры, молодыми домочадцами стремительно производится свежевание убитого животного. Они же разделявают тушу строго по частям и кладут в котел для варки, если погода позволяет, то во дворе, нет – над очагом дома. Хозяйка дома режет петуха, которого в течение недели держала взаперти, произнося также просительные слова, адресованные Богу. Затем петуха жарит на вертеле, готовит разного рода мучные блюда, среди которых центральное место занимает крутая каша из кукурузной муки – *абыста*. Конечно же, во всех этих делах ей помогают молодые женщины – невестка, дочери и др.

К полудню все эти приготовления должны быть закончены, поскольку вторая, основная очередь моления произносится в тот момент, когда поднимается солнце на максимальную высоту, тем более в такой короткий день.

Повторную молитву семейный жрец произносил именно там, где просил Бога в первый раз. Не отличалась от первой и его молитвенная речь, если не брать в расчет то, что до этого он показал ему, Богу, жертвенного животного в живом виде, а сейчас – его сердце и печень. То есть и здесь, в день рождественского праздника, как в молитвенной формуле, так и ритуальном действе, наблюдается трафаретность, характерная для подобных традиционных праздников: становление молельщика и его домочадцев лицом к солнцу, повороты правым плечом, торжественное одобрение молитвенной речи жреца всеми присутствующими на нем и т. д. и т. п.²

Атрибутивным элементом «моления сердцем и печенью» жертвенного животного является восковая свеча, которую жрец зажигает перед началом моления, а после моления прикрепляет к помосту, если его нет, то к дереву, под которым оно справляется. Заметим еще, что обычно свечу тушат большим и указательным пальцами до ее полного догорания, то есть оставляя, примерно ее четвертую часть³.

Рождественское «установление стола» – *аишдаргылара*

Как только завершится моление, хозяйка дома «ставит стол» «находящимся на том берегу» (на том свете) – *нырцәы иҟоу* родственникам. Так же, как и в былые времена, данный блок обрядности занимает столько времени, сколько и обычный обеденный перерыв.

На стол, предназначенный покойным родственникам, ставится все, что приготовлено в честь Рождества, за исключением козьего мяса. По представлению абхазов,

коза как будто божественное животное, но с другой стороны, она считается произведением нечистых сил, видимо, за ее «чрезмерную хитрость и шаловливость» – *ацма гызмалуп, алешига бааңсуп*.

Так или иначе, козье мясо на черный стол не кладется. Здесь приемлемо только куриное и говяжье мясо, которое для данного стола покупается специально. Еще более приемлемым мясом для поминального стола считается баранина. Но в условиях современной хозяйственной жизни абхазов достать ее нелегко. Рядом с мясом на стол ставится «центральная доля» – *агэыхэ*, главным образом, вышеназванная абыста, а также пирог с сычужным сыром – *ачашиэ*, крутая каша, приправленная кисломолочным сыром – *аилаць*, вареник в виде полукруга – *ачааџа*, крутая каша из поджаренной в масле пшеничной муки с медом – *ахалуа*. К категории «тех, с чем его едят» – *ацџа* относится индюшати́на в ореховой подливке – *ашишиџеиџачаџа*. Далее: сушенное инжировое желе – *алахарџа*, низки чищенного от скорлупы ореха в виноградном желе – *ацџынциьыхэа*, высушенные низки яблочных нарезок – *аџџарџа* и прочие лакомства. Конечно же, среди них и кувшинчик с черным вином, без которого не обходится ни одно абхазское застолье.

Глава семьи встает лицом к входной двери, которая к этому времени должна быть открыта, и «приглашает покойников» за стол: «Заходите, родные мои, в дом, не бойтесь, помойте руки. Мы накрыли на стол по силе своей возможности, ешьте и пейте не спеша столько, сколько ваша душа желает!» – *шэыџнал, шџара рыцџаџџа, шэыџнал, акы шџацџымшиџака шџанапџџа зџзџаны, шџџџџа. Ихџалиџоз ала шџџџџы џарџхиџеит, шџџџџы иахџынзџаџаху, шџџџџыцџаџыџџџџа, џрышиџџџџџџ!*

Хозяйка дома «поливает им на руки воды», подает полотенце, отодвигает стулья от стола на необходимое расстояние и «усаживает гостей». Затем отламывает по несколько кусков от каждого блюда и кладет их «каждому гостю» на тарелки, наливает в стаканы вино. В ряде случаев, «гостей с того света» обслуживает сам глава семьи. С истечением определенного времени, он, или она, слегка покачивает стол, в знак окончания «обеда усопших». После «ухода посетителей» те куски пищи, которые были отломаны от каждого блюда, выбрасываются во двор для тех, кому некуда обратиться за едой (имеются в виду те чужие покойники, которые не имеют живых родственников).

Праздничное застолье

Застолье начинается сразу после окончания *ашиџаргылара*. Начало всех начал – это омовение рук: глава семьи, старший брат, затем младшие, точно так же с соблюдением возрастной иерархии. Церемониал этот больше соблюдается в быту сельских семей, особенно в отдаленных от городской «цивилизации» со своим полиэтническим лицом. За стол садятся также по установленному традицией порядку: сначала – старший, затем младший, и так далее. Исключение самая младшая женщина в семье – невестка, дочь, которые обязаны обслуживать пирующих домочадцев. И трапеза проходит с соблюдением традиционных устоев: к еде приступают, тосты произносят также под началом главы семьи, и когда он говорит, молодые встают и слушают его. Словом, абхазский застольный этикет жив, как и в любом другом случае, если не в полном объеме, то в значительной своей части. Но здесь, за праздничным столом, традиционного этикета придерживаются заметно подчеркнуто, хотя в несколько деланной окраске.

Комментарии и интерпретация полевого материала

Очевидно, что сегодня описанная выше обрядовая практика традиционного абхазского Рождества имеет тенденцию стать частью истории бытовой культуры абхазов. Даже в Абжуйской (Восточной) Абхазии обществе, где до сих пор традиционное Рождество считается обязательным празднеством, в подавляющем большинстве случаев ограничиваются уже обычаем «ставить стол» покойным родственникам⁴.

Наряду с известным нам уже термином *қырса-мза*, лексика абхазского языка знает еще два наименования декабря: *пхынчкэымза* и *лымда-мза* (Гулиа 1986: 269; Ломтатидзе 1977: 39–45). Первое название месяца не нуждается в комментариях, оно происходит от современного абхазского названия Рождества. *Пхынчкэымза* имеет наибольшее распространение в северо-западной части страны и, скорее всего, это – эпитет, характеризующий поведение месяца. Довольно часто, в декабре бывают не совсем зимние, а по-летнему теплые, солнечные дни. Прямой перевод термина – «месяц молодого лета».

Судя по степени стертости из памяти народа, корни третьего термина *лымды-мза* уходят в далекое прошлое культурного развития народа. Тем не менее, природа его звучания как нельзя лучше характеризует первый месяц зимы со своими природными явлениями.

В качестве аргументации данного тезиса приведу наиболее известные примеры из традиций народов мира.

Как известно, 22 декабря – это тот день, когда солнце находится на самом отдаленном от нас расстоянии. Даже в полдень оно поднимается над горизонтом на минимальную высоту. Естественно, поэтому на него приходится самый короткий день и, наоборот, – самая долгая ночь года. В этот день наступает астрономическая зима. Смена такого природного явления не могла не волновать древнего абхаза, как и любого другого древнего человека. Боязнь потери источника света и тепла заставляла его молиться за Солнце, за возвращение его целым и невредимым. Он хорошо знал, что без здорового солнца, дающего достаточное количество тепла и света, он не может восстановить себе необходимую энергию и привычный ритм жизни. И, таким образом, начало времени увеличения светового дня воспринималось им как рождение Солнца, как праздник.

Далеким предкам абхазского народа не могли быть исключением. Именно в тот период времени, когда солнце пребывало далеко на юге и давало минимальное количество тепла и света, они делали все, что от них зависело, чтобы содействовать его возвращению в целостности и сохранности, ибо возобновление жизнедеятельности главного небесного светила знаменовало начало новой жизни, обновление природы. Первым способом такого содействия было моление верховному божеству, задабривая его торжественными, хвалебными словами и, самое главное, молением и жертвоприношением – *аныхэара*, *аныхэагатэ*. Первая, основная жертва – холощенный козел – *ашьтэа*.

Место холощенного козла в религиозной жизни абхазов хорошо известно этнологии.

И в наше время, за исключением земледельческих праздников, ни один религиозный праздник не обходится без случая «показа земле крови» – *адгыл ашьа арбара*. Козел был одновременно и тотемом, и зооморфной эмблемой бога не только у абхазов, но и у многих народов Древнего Востока (Гулиа 1986б: 283–292). Думается, и обычай резать петуха в рождественский день не случаен. В мифологии петух как символ света связывается с солнцем (Соколов 1982: 309–310).

А другая жертва, приносящаяся божеству уже из числа мучных приготовлений, типа слоеного пирога – *ачаиэ* имеет вообще четко очерченную форму солнца. Не лишена магического воздействия на солнце и та же *агэныхэа*. Надо полагать, что древний абхаз, через моление божеству за свое собственное сердце, способствовал беспрепятственному возвращению солнца.

Другим основным атрибутом традиционного Рождества был огонь – «одна из основных стихий, символ Духа и Бога, торжества света и жизни над мраком и смертью, символ всеобщего очищения; символ домашнего богатства, обновления и рождения в новом воплощении». (См. об этом: Холл 1999; Шейнина 2001). В случае же предрождественского ожидания огонь – это та магическая сила, которая изображает и призывает свет солнца, которое после самой долгой ночи в году должно было подняться все выше и выше. Это, с одной стороны. С другой стороны, при помощи «большого огня» абхазы разогревал «застрявшее солнце». Ведь, не только у абхазов, но и «в первобытной философии мира» солнце, как и другие тела, «одарено жизнью и по природе принадлежит к существам человеческим» (Тейлор 1939: 208).

Народ верил в то, что сила огня передается и солнцу. Ту же самую функцию выполняла и восковая свеча, тем более, что из неё исходит приятный аромат, способный пропитать космос, небесную силу. Как говорилось выше, огонь имел еще и «внутреннее» значение. Огонь, и исходивший из него свет, очищал и охранял его, его семью, а также и само жилище, в котором он проживал вместе с нею, от нечистых сил.

Непременным условием абхазского традиционного Рождества был и вышеуказанный поминальный стол, предназначенный ушедшим в иной мир родственникам.

Поминание духа умерших родственников происходило не только в торжественные моменты жизни, но и во время прямой опасности для живых. Безусловно, таким опасным периодом времени был и день зимнего солнцестояния, когда главный источник света и тепла стоял на грани жизни и смерти. Естественно, в такой критический момент для жизни надо было позвать их на помощь. Наиболее верной формой призыва покойников о помощи было угощение. С другой стороны, принято думать о том, что души умерших родственников продолжают существовать, пока живые помнят о них. По представлению абхазов, да и не только абхазов, души умерших – сила, охраняющая семью от всяких невзгод, и сами нуждались в поддержке со стороны живых, поэтому и во время праздничных дней их не обделяли вниманием, тем более тогда, когда стояли долгие холодные ночи. Поэтому их грели огнем, дополнительно освещали еще и восковыми свечами. Более того, и судьба солнца зависела и от духа умерших родственников, поскольку в тот период большую часть времени оно проводило в подземелье, являвшемся постоянным местом пребывания последних. Третий и решающий фактор всего этого движения – «атавистический страх», о котором писал еще Юлиус Липс (Липс 1954: 386) (родители всегда боятся появления у потомков каких-либо признаков дефекта, свойственного некоему далекому предку).

И последнее. Абхазское традиционное название декабря месяца, равно и самого праздника – *лымд/ламда*. Месяц получил название от одноименного праздника. За аналогичными примерами далеко ходить не надо. Они рядом, в народном календаре абхазов: *амшапы* (пасха) – *миапымза* (пасхальный месяц, апрель), *нанхэа* (культ матери земли) – *нанхэамза* (месяц культа матери земли, август), *ажьырныхэа* (культ божества кузни и кузнечного дела) – *ажьырныхэамза* (месяц культа кузни и кузнечного дела, январь), *жэабран* (культ божества крупного рогатого скота) – *жэабран-*

мза (месяц культа божества крупного рогатого скота, февраль), *хэажэқыра* (культ плодородия) – *хэажэқырамза* (месяц культа плодородия, март).

Если отделить от термина «лымд/ лымда» звук «м», играющий здесь роль элемента отрицания, то остается «лада» – юг. «Во время усталости солнца», «когда солнце застревает» – *амраангыламта, амрааңсамта* – древний абхаз не мог не держать место его пребывания – «юг» в табу, так как незнакомая, дальняя земля, так близкая ко дну мира, представляла собой неподдающуюся разгадке тайну, а тайна – опасность. Еще бы! Солнце находится почти там, где горизонт сливается с небом. Говоря словами великого этнолога Эдуарда Тэйлора, это как раз тот момент, когда налицо «сцена великой драмы природы»: столкновение двух противоположностей – света и тьмы (Тэйлор 1939: 229).

Итак, исследуемый в настоящей работе праздник *Лымдныхэа*, опаленный дыханием древних традиций и известный ныне под абхазским именем Спасителя мира, *Қырыса*, посвящен рождению непобедимого Солнца, точно также, как это было у народов Ближнего Востока и сопредельных с ним областей, с чьими цивилизациями соприкасалась культурная жизнь далеких предков абхазского народа. Он проводился и сегодня проводится в один день с христианским Рождеством, совмещаясь с ним в подлинном мире.

Примечания

- ¹ Обрядовое разжигание старых деревьев на территории подсобного хозяйства я видел в детстве, когда воспитывался в доме родителей моей матери. Вообще мой дед, Воу Бирам, проживавший в урочище Мрамба, с. Отап, был глубоко набожным. К тому же, он как ревностный последователь традиционной религии всегда и при любых обстоятельствах почитал огонь, тем более праздничный. Помню, как он и его сын, Кыпса (мой дядя), при помощи волов, запряженных в ярмо, из ближайших лесов волокли толстые бревна, которые в период Рождества днем и ночью горели в открытом очаге.
- ² В настоящее время редко кто может дать ясную картину ритуальной практики традиционной формы проведения Рождества. На вопрос, была ли зарыта в земле кувшин с вином, который был предназначен празднеству, дают неоднозначный ответ. Но некоторые респонденты склоняются к тому, что, все же, отправление культа осуществлялось у кувшина, который назывался *бырсацадшыа* (рождественский кувшин). Правда, относительно функционального назначения кувшина возникают некоторые сомнения, но и я помню, как мой дед, открывал кувшин с вином в честь дня Рождества. Но точно не могу утверждать, что этот кувшин был посвящен именно празднеству или нет, хотя моление боже-ству справлял непосредственно у кувшина.
- ³ Инф. Кутелиа Жора Цаквович, 72 года, с. Арасадзыхь, 30 мая 2014 г.; Чагуаапха Эва шамильевна, г. Сухум, 3 мая 2014 г.; 67-летней Тарпха Рена Григорьевна, 67 л., в с. Араду, 28 мая 2014 г.; Кобахиапха Светлана Варгановна, 57 л., с. Лыхны, 28 августа 2014 г.; Кобахиа Геннадий Мизанович, 58 л., с. Лыхны, 28 августа 2014 г.; Кобахиа Лев Григорьевич, 76 л., с. Лыхны, 28 августа 2014 г. Бигуаа Виктор Игнатьевич, 73 г., с. Лыхны, 2 ноября 2014 г.
- ⁴ Ностальгически вспоминаю как мой дед, Воу Бирам, проживавший в селе Утап, ревностно и торжественно с жертвоприношением справлял традиционные праздники, в том числе и Рождество. Неоднократно я видел, с каким приподнятым настроением и жертвоприношением Рождество отмечали двоюродный брат моего отца, Бигуаа Леуа, и муж моей тети, Гуарзалиа Сардиан, проживавшие по соседству с нами в с. Тхина.

Источники и литература

- Гулиа 1986а – Гулиа Д.И. История Абхазии / Собрание сочинений. Сухуми, 1986. Т. 6.
Гулиа 1986б – Гулиа Д.И. Культ козла у абхазов / Собрание сочинений. Сухуми, 1986. Т. 6.
Джанашия 1960 – Джанашия Н.С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960.

- Лунс* 1954 – *Лунс Ю.* Происхождение вещей. М.: Иностранная литература, 1954.
- Ломтатидзе* 1977 – *Ломтатидзе К.В.* О древних названиях месяцев в абхазском и абазинском языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1977. [Вып.] II.
- Соколов* 1982 – *Соколов М.Н.* Петух / Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 310.
- Тейлор* 1939 – *Тейлор Э.* Первобытная культура. М., 1939.
- Холл* 1999 – *Холл Дж.* Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1999.
- Шейнина* 2001 – *Шейнина Е.Я.* Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: АСТ, Торсинг, 2001.
- Энциклопедический словарь 1907 – Энциклопедический словарь Брокгауза А.Ф. и Ефрона И.А. СПб., 1907. Т. 82.

References

- Gulia D.I.* Istoriia Abkhazii. Sbranie sochinenii. Sukhumi, 1986. Vol. 6.
- Gulia D. I.* Kult kozla u abkhazov. Sbranie sochinenii. Sukhumi, 1986. Vol. 6.
- Dzhanashvili N.S.* Stati po etnografii Abkhazii. Sukhumi, 1960.
- Lips Iu.* Proiskhozhdenie veshchei. Moscow, 1954.
- Lomtadze K.V.* O drevnikh nazvaniyakh mesiatsev v abkhazskom i abazinskom iazykakh // Ezhegodnik iberiisko-kavkazskogo iazykoznaniiia. Tbilisi, 1977. Vol. II.
- Sokolov M.N.* Petukh. Mify narodov mira. Moscow, 1982. Vol. 2.
- Tardzhman-ipa G.G.* Pishcha i domashniaia utvar, zastolnyi etiket. Abkhazy. Moscow, 2012.
- Teilor E.* Pervobytnaia kultura. Moscow, 1939.
- Frezer Dzh.* Zolotaia vetv. Moscow, 1983.
- Kholl Dzh.* Slovar siuzhetov i simvolov v iskusstve. Moscow, 1999.
- Sheinina E.Ia.* Entsiklopediia simvolov, znakov, emblem. Moscow, 2001.
- Entsiklopedicheskii slovar Brokgauza A.F. i Efrona I.A. St. Petersburg, 1890–1907. Vol. 82.

V.L. Biguaa. Abkhaz Christmas: Ritual Practice and the archaic roots of the Festival.

Abstract: Despite the fact that the Abkhazians are one of those people, in the spiritual life which Christianity had penetrated in the days of its origin, but as a state religion in the beginning of the early Middle ages, to this day not parting with their ancient cults. One of them is a traditional Christmas which is celebrated on the day of the Nativity of Christ the Savior. On the basis of the field ethnographic researches in this paper describes the ritual practices of the cult. The work is also the experience of clarify the Genesis of certain elements of the ritual ceremonies and, of course, the cult as a whole as such.

Key words: *Christmas, tradition, rite, ritual, fire sacrifice, prayer, the working prayer, worship, the sacredness, the sun God, a deity, a celebration.*

© Р.Ш. Зельницкая (Шларба)

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ШЕЛКОВОДСТВА В ЗАКАВКАЗЬЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Распространение шелководства на Кавказе связано с открытием Северокавказского участка Великого шелкового пути. Несмотря на устоявшееся мнение об исключительно китайском происхождении Азиатского шелка, большинство образцов тканей найденных на Кавказе и Закавказье имеют не китайское происхождение. Существуют свидетельства о закреплении в Закавказье практики шелководства и шелкопрядения, однако время возникновения этой практики установить невозможно. Тем не менее, в абхазской устной культуре зафиксированы ряд поверий, в основном негативного характера, связанных с шелководством. Данный факт говорит о знакомстве абхазов с шелководством, а также о неоднозначном отношении к нему.

Ключевые слова: Шелковый путь, Закавказье, шелководство, приметы.

За последние сто с лишним лет по истории распространения шелка и шелководства в Закавказье был написан ряд статей и монографий, которые освещали отдельные аспекты этой темы. Однако до настоящего времени не было попыток свести все известные данные о шелке и шелководстве в Закавказье вместе. Данная статья является скромной попыткой восполнить пробел существующий в научной литературе на эту тему.

Шелководство было весьма распространенным хозяйственным занятием во многих уголках Кавказа. Распространение здесь этой отрасли было связано с открытием северокавказского участка Великого Шелкового пути (ВШП), который превратил регион в составную часть этого уникального трансконтинентального трафика. Этот путь был действительно Великим. На протяжении тысячелетия он соединял китайскую цивилизацию с европейским миром, транслируя рожденные в этих частях ойкумены материальные и духовные достижения. Это был трудный, тяжелый и опасный торговый путь. Протяженность его основной – сухопутной – трассы составляла 1/5 длины окружности экватора. Полный опасностей путь каравана в оба конца занимал в среднем восемь-девять лет, и проходил он в достаточно сложных природно-климатических условиях, пересекая пустыни, труднопреодолимые горные перевалы, водные пространства (*Иерусалимская* 2012: 860).

С открытия шелкового пути, провозимый по нему шелк стал драгоценным товаром. Он был предметом мировой торговли, который познакомил два разных мира – Запад и Восток. Шелк вызывал восхищение, им хотели обладать. Причина такой популярности шелка можно объяснить его природными техническими характеристиками – исключительной прочностью шелковых нитей, а также тому отблеску, которым обладают шелковые ткани (*Лубо-Лесниченко* 1994: 5). Благодаря торговле по Великому шелковому пути, Китай познакомил мир с чудесным изобретением человечества того времени.

Важно отметить, что по ВШП происходило распространение не только готового продукта, тканей, но и происходило распространение культуры шелководства на Запад.

С первых лет функционирования ВШП между державами того времени начались соперничество и борьба за установление контроля над магистралью. Это постоянно сталкивало в военных конфликтах Рим, позже Византию с мощными ближневосточными государствами (в первых веках н.э. это Парфия, с III века и до середины VII века – Сасанидский Иран, позже – Арабский халифат).

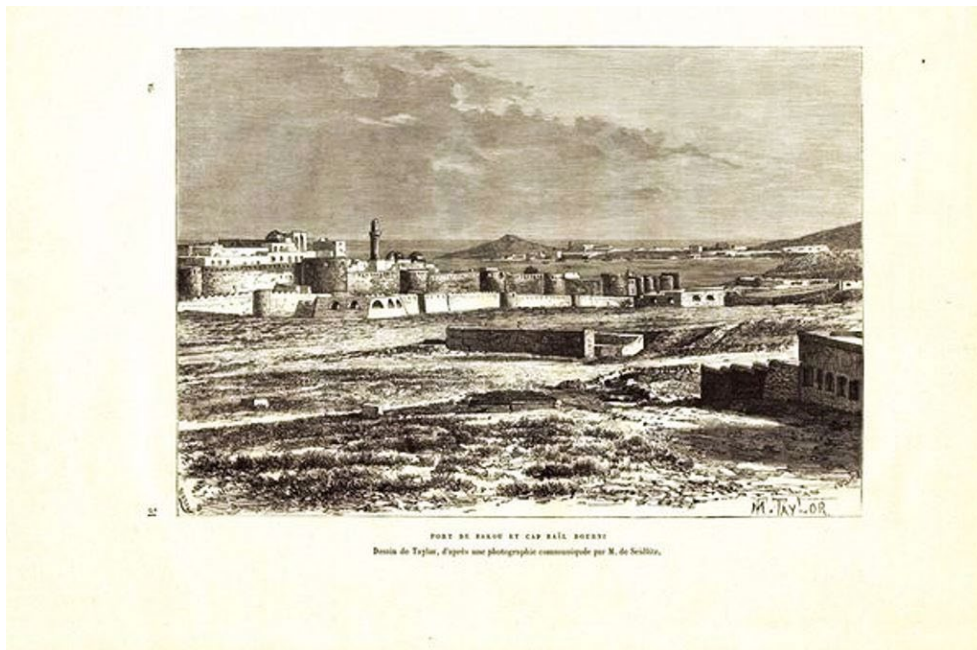

Рис. 1. Зарабадская школа шелководства

«Кавказская» история ВШП началась как следствие усиления Ирана. Пользуясь выгодным географическим расположением своей державы, Сасаниды перекупали, либо облагали высокими пошлинами перевозимые через свою территорию товары, значительно при этом обогащаясь. Более того, Иран имел возможность препятствовать свободной прямой торговле между Средиземноморьем и Востоком и даже блокировать на этом пути транзитную торговлю шелком. Данная ситуация сделала необходимым открытие обходных ответвлений, поиска новых маршрутов и ответвлений Главной трассы.

Одно из таких ответвлений пролегло по территории Кавказа. Е.И. Лубо-Лесниченко сделал подробную реконструкцию маршрута: «новый путь, проложенный тюрко-согдийскими и византийскими посольствами, шел по сведениям Менандра, из городов Согда и ставки тюркского кагана через р. Оих (Сыр-Дарья), мимо известного «великого и широкого озера» (Аральское море), далее через «трудные места» до р. Иха (Эмба), Даиха (Урал) и разными болотами до владений гуннского вождя Аттилы (Волга). Достигнув Алании «по Даринской дороге», путь шел до р. Фазиса (Рион) и оканчивался в Трапезунде» (Лубо-Лесниченко 1985).

Кавказское ответвление, названное А.А. Иерусалимской Северо-Кавказским шелковым путем, возникло в раннем средневековье. Великий Шелковый путь на Кавказе это, прежде всего, три ответвления торгового пути, проложенного Юстинианом

Великим (483–565) в обход Ирана из-за его войны с Византийской империей. Эти ответвления шли через три перевала Главного Кавказского хребта: Санчар, Клухор и Накра. Ответвление шедшее до Цибилуума, далее минуя Шапки и в сторону Себастополиса проходило по Даринскому пути (через Клухор) (Воронов 2006: 12–245).

Путь этот возник неслучайно. Перевалы через кавказский хребет были хорошо известны византийцами. О них пишут Прокопий Кесарийский (490/507 – после 565) и Менандр (VI в.), хотя они не связывают эти перевалы с ВШП. «Для Прокопия Кесарийского это была военно-стратегическая дорога, а для Менандра – дорога посылств. Кроме того, по предположению Иерусалимской данная дорога использовалась для распространения христианства¹. Это выражалось в массовом ввозе культовых предметов для церкви Хазарии, а вместе с ними “транзитом” проникали и шелковые ткани» (*Иерусалимская* 1982: 53).

Таким образом, Абхазия была важным участком Кавказского Шелкового пути, благодаря существовавшим на ее территории крупнейшим перевалочным портам Фазис, Диоскуриада, Питиунт, Анакопия. Эти прибрежные центры располагались в устьях главных рек Аписилии и Лазики (Рион, Ингур, Кодор, Бзыбь), по которым можно было добраться до перевалов Северо-Западного Кавказа. Товары в устья этих рек доставлялись по так называемому Черноморскому морскому пути, шедшему из Средиземного моря в Черное (*Иерусалимская* 1967).

Археологические материалы подтверждают существование Западнокавказских ответвлений ВШП. Так, в материалах из урочища Мощевая Балка присутствуют сирийские, согдийские и китайские шелка. В одном из женских апсильских захоронений Цибилуумского могильника, т.е. на трассе Даринского пути, которым шел Зимарх, а позднее и Лев Исавр (717–741), найдена золотоподобная латунь и бусина с китайскими иероглифами («император») времен династии Суй (581–618)². Именно на основании данных об импорте бус и шелков, с одной стороны, из Китая и Средней Азии, а с другой стороны, из Сирии, четко рисуется кавказский отрезок Великого Шелкового пути.

Еще одно подтверждение о прохождении по территории современной Абхазии Великого шелкового пути мы находим в современном абхазском языке. Так, например, в абхазском языке имеется древнее название верблюда – «*амахе*», хотя это животное в Абхазии не водилось. Слово состоит из двух частей: *амаха* – «лука» и *аеы* – «лошадь», т.е. дословно – «лошадь с лукой», что вполне может напоминать своими выступами два верблюжьих горба. Возможно, шелк доставляли на верблюдах к кавказским перевальным путям, а затем перекладывали на абхазских выючных лошадей.

Таким образом, можно предположить, что шелк дошел до территории Абхазии именно благодаря Великому шелковому пути. Однако сведений о занятии шелководством на Кавказе и в Закавказье в эпоху Раннего Средневековья нет. Примечательно, что в большинстве работ по истории распространения шелководства долгое время бытовало представление о Китае, как единственном регионе изобретения шелководства, а также о том, что китайцы хранили шелководство в секрете. Так, Н.В. Пигулевская об этом писала: «Шелк с древнейших времен производился в Китае, и способ его приготовления оберегался как величайшая тайна» (*Пигулевская* 1951: 184). Данное утверждение опровергает Лубо-Лесниченко, который утверждает, что эта точка зрения не соответствует фактам. Он пишет: «В дошедших до нас законах эпохи Хань предписывается не вывозить из империи главным образом оружие и железо. Что же касается грены или тутовых деревьев, то они в указах не упоминаются. Наоборот, экспорт шел-

Рис. 2. Плантация тутовых деревьев в Гурии.

ководства всячески поощрялся. <...> Образцовые чиновники в соответствии со своим конфуцианским мировоззрением видели свою задачу в том, чтобы научить “варваров” земледелию и шелководству и тем самым поднять их до уровня “цивилизованных” людей» (Лубо-Лесниченко 1994: 173–174). Процесс распространения шелководства на Запад, по мнению Лубо-Лесниченко начался в эпоху Хань (206

до н.э. – 220 н.э.). Более того, есть предположения что «еще в 2500 древние индийцы ткали шелк из коконов бабочки дикого шелкопряда. В отличие от китайцев индийцы собирали пустые коконы, оставшиеся после превращения червей, покинувших коконы» (Хэнсон 2014: 43), то есть, значительная часть шелка на Кавказ могла поступать из Юго-Восточной Азии, чем и объясняется его несхожесть с китайскими образцами. Ссылаясь на Анну Марию Матезиус, которая изучила более тысячи образцов шелковых тканей, В. Хэнсон пишет, что на Западе уже во II в. н.э. под «китайским» распространялся сотканный на территории Византии шелк (Хэнсон 2014: 44).

Исходя из этого, не удивительно, что, несмотря на то, что Китай, будучи одним из основоположников шелководства, способствовал его распространению, большинство шелковых тканей, найденных на Кавказе – некитайского происхождения. При этом, как было показано выше, есть достаточно свидетельств о ранней известности шелка в регионе.

Более подробные сведения о шелководстве на Кавказе дают источники позапрошлого века. Так, известна шелковая одежда местного производства, датированная первой половиной XIX века, что может являться косвенным свидетельством того, что Закавказье и, в частности, Абхазия, стало еще одним очагом шелководства, хотя точно определить время, когда это произошло, невозможно. На основании статей из газеты «Кавказ», которая выходила в Тифлисе на протяжении XIX века, можно проследить состояние шелководства в Закавказье. В статье Ахилла Гильяра «Царь Абад и шелковичная промышленность Ширвана», опубликованной в № 89 за 1855 год, мы читаем о создании шелкомотальной школы имени Царя Абадского в г. Нух. Автор статьи обращает внимание на те ошибки, которые допускаются работниками мастерских (неграмотная размотка коконов) и на недостаточно качественные станки, имевшиеся в Царь-Абадской школе (Гильяр 1855).

Несмотря на то, что кавказский шелк считался качественным и даже вывозился за границу, свирепствовавшая эпизоотия во многих местах к концу XIX века погубила тутовый шелкопряд. Благодаря усилию французов³, которые смогли сохранить тутовых червей, на Кавказе происходит воссоздание шелководства. В конце XIX века на Кавказ был завезен самый распространенный шелковичный червь японской породы.

Об этой ситуации писал в А. Натроев в газете «Кавказ» в статье «Шелковичный червь в Закавказье» (Натроев 1895).

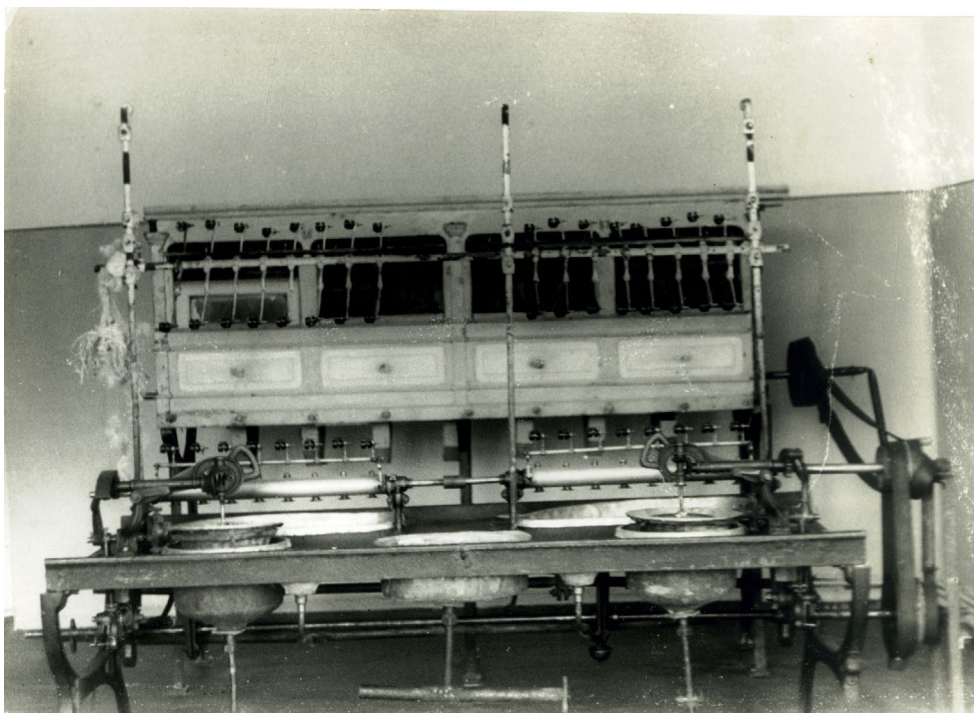

Рис. 3. Станок из школы шелководства в Нухе.

Таким образом, развитие шелководства получила новую жизнь в конце XIX – начале XX века. Известно, что шелководство, по крайней мере, в XIX в., было частью сырьевой базы ткацкого ремесла наряду с продукцией животноводства (овечья шерсть) и земледелия (лен, конопля, хлопок). По данным 1914 г., Кутаисская губерния, куда входила Восточная часть Абхазии, занимала пятое место по разведению шелковичного червя, а вслед за этим, по шелкопрядильной промышленности. По сообщению Н.Н. Шаврова: «Около 2 тыс. пудов (1899 г. – 2039 пудов) вывозится через Батум в Марсель и Милан; около 5 тыс. отправляется для размотки в Москву, остальное количество разматывается вручную и потребляется на месте, для производства местных тканей»⁴. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона утверждала, что: «в начале XX века личинки шелковичного червя, в подавляющем количестве получались из-за границы: из Брусского вилайета и частью из Франции и Италии. Но стоит заметить, что по этим данным около 15-20% приготавливалось местными жителями» (Ганешин 1903). На территории современной Абхазии это производство носило исключительно кустарный характер, так как, во-первых не было заводов, во-вторых большую часть абхазского населения проживало в деревнях, и разведением занимались исключительно женщины, дома. Несмотря на сложности в Закавказье была очень развита ручная крутка. «Кроме того в 1900 г. производство шелковых тканей, имевшее раньше ручной, кустарный характер, с раздачей готовых основ и материалов для домашнего производства ныне быстро меняет свой характер. Только на Кавказе оно сохраняет свой старый тип» (Ганешин 1903). Опираясь на сообщения газет

XIX в., можно сделать вывод, что шелководство на Кавказе практиковалось не только на специальных фабриках, но и в домашних условиях⁵, как, например, в Кахетии, где оно носило «первобытный характер» (Письма из Кахетии 1894).

Шелководство получило распространение и в Абхазии. В материальной культуре абхазов, особенно в одежде, использовали шелковые ткани и нити. Из льняных и шелковых ниток женщины на специальном станке *акада* выделывали разноцветные внутренние пояса, продевавшие для стягивания брюк *ахуымджьар*. Кроме того, женщины вышивали и обувь из сафьяна, шелком и золотом (*Эшба* 1891: 260–262.) Сохранился текст песни, в которой воспевают молодого парня, который был одет в вышитой шелком обуви: «*Шьыгрын еймаа чырпа-чырпо*». Женщины часто обшивали не только себя, но и своих близких. Они не только шили одежду из готовой купленной ткани, но и сами изготавливали шелковые ткани для платья и головных платков.

Важно отметить, что, хотя на территории Абхазии, судя по косвенным данным, с определенного времени было развито шелководство, тем не менее, как шелковые нити, так и шелковые ткани были достаточно редки и поэтому дороги. В связи с этим пользоваться шелковыми нитками, а тем более, шить одежду из шелка, могли себе позволить только представители привилегированного класса, и само обладание вещами из шелка было знаком достатка и высокого социального статуса.

Кроме сугубо бытового использования, шелк получил в абхазской культуре также и ритуальное значение.

Так, шелковые ткани использовали во время проведения различных ритуалов или обрядовых действий. Г.Ф. Чурсин упоминает шелковую ткань во время проведения обряда примирения кровников. Он, в частности, пишет: «Примирение кровников, как и у других народов Кавказа, совершалось в торжественной обстановке и сопровождалось установленными для этого обрядами. Обычно в этом случае выполнялся обряд усыновления, который заключался в торжественной церемонии, во время которой усыновляемый прикасался губами к покрытой шелковым или каким-либо другим платком груди матери, жены или сестры того лица, семейство которого усыновляло его» (*Чурсин* 1917: 11). Н.С. Джанашия пишет, что: «При поселении на новом месте иногда приносят умиловительную жертву “владыке” этого места». Н. Джанашия описывает ритуал жертвоприношения: зарезали барана, испекли чурек и принесли жертву; земле в дар принесли шелковую материю, мелкие серебряные и медные монеты; приношения эти забрали молельщицы» (*Джанашия* 1917: 160).

В то же время в абхазской культуре с шелководством и предметами из шелка связан комплекс табуаций. По свидетельству Чурсина: «Кузнецы, как жрецы бога Шешу и кузни, должны соблюдать некоторые запреты и подвергаться определенным ограничениям, связанным с их служением кузне. Кузнец или вообще человек, имеющий кузню, не должен заниматься шелководством. Очевидно, бог кузнечного дела, как и некоторые другие боги, например, Афы, не выносит этого сравнительно недавно появившегося в Абхазии занятия» (*Чурсин* 1957: 71). А.А. Миллер, побывавший в Абхазии, отмечает: «Что касается шелководства, то оно никогда не прививалось в Абхазии в силу суеверия, заключающегося в том, что селения, занимающиеся шелководством, наказываются бездождем» (*Миллер* 1910: 80). Изучив наблюдения Чурсина и Миллера, следует сказать, что абхазы противились разведению шелковичных червей, считая, что они «виновны» в наступившей засухе. Некоторые выбрасывали в речку коконы, для того чтобы вызывать дождь⁶.

Разведение шелковичных червей, по мнению самурзаканцев⁷, неприятно св. Георгию, и только, умилив его и испросив его разрешение, можно заниматься этим не особенно благочестивым делом. По этой причине те, кто занимается шелководством, приносят к Илорской церкви пучки шелковых ниток в жертву св. Георгию, тем самым получая его благословение.

Несмотря на то, что боги противились разведению шелкопряда, в Абхазии XIX – начала XX века его разводили. Для того чтобы все проходило благополучно, в народе совершали жертвоприношение придуманному богу. Джанашия записал этот обряд так: «ему в определенное время устраивались соответствующие моления. В жертву ему приносили “кваквары” в том помещении, где находятся шелковичные черви, причем молящаяся, по сообщению Великий бог Аканч! Принося жертву по примеру наших отцов, просим дать нам хороший урожай коконов» (Джанашия 1917: 160).

Новый этап разведения тутового шелкопряда в Абхазии наступил в советский период, когда власти пытались интенсифицировать шелководческую отрасль хозяйства. Важно отметить, что к этому времени во многих селах к шелкопряду продолжали относиться с некоторой тревогой. Более того, многие суеверные родители вообще отказывались от выращивания шелкопряда, которое навязывалось местными властями. Дело иногда доходило до трагических событий. Например, в селе Джгерда старожилы вспоминают: «Комсомолка Ашуба по заданию правления домой принесла червяки тутового шелкопряда. Суеверная мама начала сильно возмущаться со словами: “унеси туда, откуда принесла. Я не позволю у себя дома присутствие этого шелкопряда”. Она не могла вернуть обратно, как же она же комсомолка. Это означало бы что, во-первых, не смогла оправдать доверие партии. Во вторых, она попортила колхозное, и соответственно государственное имущество. Вышла из дома, и через несколько часов нашли повесившуюся на дереве» (ПМА 3: Абдул-оглы).

Таким образом, имеющийся материал показывает, что благодаря тому, что народы Кавказа были с раннего Средневековья включены в систему торговых связей между Востоком и Средиземноморьем, они были знакомы не только с изделиями из шелка, но и освоили, на определенном уровне, саму технологию шелководства. При этом, вопрос, откуда именно на Кавказ пришла сама культура шелководства, до сих пор остается открытым.

Примечания

- ¹ Определенно, строительство монастырей и храмов является результатом и свидетельством распространения христианства на тех территориях прохождения ВШП.
- ² Дорога, по которой шел Лев Исавр получила два параллельных названия – «Даринская дорога» и «Путь через Апсилию». Позже она в источник будет встречаться как Военно-Сухумская дорога (Воронов 2006).
- ³ Хотя именно Франция является страной, где неосмотрительное усиление шелководства привело к появлению эпизоотии, распространившейся отсюда по всему миру (Шавров 1890: 254).
- ⁴ Шавров 1890: 249.
- ⁵ В Закавказье шелководство делится на фабричное и сельскохозяйственное. К сельскохозяйственному относится разведение тутовых деревьев и воспитание червей, а фабричному – размотка шелка с коконов и переработка сырца в основу и уток (как это делают в Европе). Так было предложено и в России для улучшения качества ткани (Шелководство на Кавказе и за Кавказом 1851).
- ⁶ Скорее всего, причиной возникновения этого поверья является специфическое поведение шелковичных червей, падающих со своих веточек, где они сидят до того, как создать коконы, из-за звука грома. С этим были связаны многочисленные меры предосторожности. Например,

в комнате, где находились столы для выращивания червей, обязательно занавешивали окна плотной тканью, видимо, по причине неразрывной связи грома и молнии.

⁷ Самурзаканцы-жители Самурзакани, одного из исторических областей Абхазии граничащих с Мегрелией по реке Ингур.

Список сокращений:

СА - Советская археология.

СМОМПК - Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.

Литература

- Воронов* 2006 – *Воронов Ю.Н.* Колхида в железном веке // Воронов Ю.Н. Научные труды, Т. I. Сухум: АБИГИ, 2006, С 12–245.
- Ганешин* 1903 – *Ганешин С.* Шелковые ткани // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / Ред. К.К. Арсеньев и Ф.Ф. Петрушевский. СПб: Акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1903. Т. 39 (77). С. 421–426.
- Гильяр* 1855 – *Гильяр, Ахилл* Царь Абад и шелковичная промышленность Ширвана // Кавказ, 1855. № 89.
- Джанашия* 1917 – *Джанашия Н.С.* Абхазский культ и быт. Петроград: Типография Академии наук, 1917.
- Иерусалимская* 1967 – *Иерусалимская А.А.* О Северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье // СА, 1967. № 2. С. 59, 78.
- Иерусалимская* 1982 – *Иерусалимская А.А.* Мешочки для амулетов из могильника Мощевая балка и христианские «ладанки» // Сообщения Государственного Эрмитажа, 1982. Вып. 47. С. 53.
- Иерусалимская* 2012 – *Иерусалимская А.А.* Мощевая балка. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2012.
- Лубо-Лесниченко* 1985 – *Лубо-Лесниченко Е.И.* Великий Шелковый путь // Вопросы истории, 1985. № 9. С. 88–100.
- Лубо-Лесниченко* 1994 – *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на шелковом пути. М.: ИФ «Восточная литература», 1994.
- Миллер* 1910 – *Миллер А.А.* Из поездки по Абхазии в 1907 г. // Материалы по этнографии России. Т. 1. СПб, 1910. С. 80.
- Натроев* 1895 – *Натроев А.* Шелковичный червь в Закавказье // Кавказ, 1895. № 332.
- Пигулевская* 1951 – *Пигулевская Н.В.* Византия на путях в Индию. М.; Л., 1951.
- Письма из Кахетии 1894 – Письма из Кахетии. 7-е и 8-е письма // Кавказ, 1894. № 237, 243.
- Хэнсон* 2014 – *Хэнсон, Валери* Великий шелковый путь. Торговые маршруты через Среднюю Азию. Китай-Согдиана-Персия-Левант. Пер. с англ. С.А. Белоусова. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014.
- ПМА Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Абхазия, Очамчырский район, с. Джгерда, август 2012 г. (Информант Риза Абдул-оглы, 1927 г.р).
- Чурсин* 1957 – *Чурсин Г.Ф.* Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми: Абхазское государственное издательство, 1957.
- Шавров* 1890 – *Шавров Н.Н.* Добывание, обработка и условия сбыта шелка. Санкт-Петербург, 1890.
- Шелководство на Кавказе и за Кавказом 1851 – Шелководство на Кавказе и за Кавказом // Кавказ, 1851. № 53–54.
- Эшба* 1891 – *Эшба Ф.Х.* Местечко Очамчыры // СМОМПК. Вып 2 – Тифлис, 1891. С. 260–262.

References

Chursin G.F. Materialy po etnografii Abkhazii. Sukhumi: Abkhazskoe gosudarstvennoe izdatel-

- stvo, 1957.
- Dzhanashvili N.S.* Abkhazskii kult i byt. Petrograd. Tipografiya Akademii nauk. 1917.
- Eshba F.Kh.* Mestechko Ochamchiry. SMOMPK. Vol. 2. Tiflis, 1891. Pp. 260–262.
- Ganeshin S.* Shelkovye tkani. Entsiklopedicheskii slovar Brokgauza i Efrona. K.K. Arsenev i F.F. Petrushevskii (ed.). Vol. 39 (77). St.-Petersburg: Aktsionernoye obshchestvo Brokgauz-Efron, 1903. Pp. 421–426.
- Giliyar, Ahill* Tsar Abad i shelkovtchnaya promishlennost Shirvana. Kavcaz, 1855. No. 89.
- Henson, Valerie* Velikii shelkoviy put. Torgoviye marshruti cherez Sredniuyu Aziyu. Kitai–Sogdiana–Persiya–Levant. Perevod s engl. S.A. Belousova. Moscow: ZAO Izdatelstvo Tsentrpoligraf, 2014.
- Ierusalimskaia A.A.* Meshochki dlia amuletov iz mogilnika Moshchevaya balka i khristianskiye “ladanki”. Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha, 1982. Vol. 47. Pp. 53.
- Ierusalimskaia A.A.* Moshchevaya balka. St-Petersburg. Izdatelstvo Gosudarstvennogo ermitazha. 2012.
- Ierusalimskaia A.A.* O Severokavkazskom “shelkovom puti” v rannem srednevekov’ye.. SA, 1967. No. 2. Pp. 59, 78.
- Lubo-Lesnichenko E.I.* Kitai na shelkovom puti. Moscow: “Vostochnaya literatura”, 1994.
- Lubo-Lesnichenko E.I.* Velikii Shelkovyi put. Voprosy istorii, 1985. No. 9. Pp. 88–100.
- Miller A.A.* Iz poezdki po Abkhazii v 1907 g.. Materialy po etnografii Rossii. St.-Petersburg, 1910. Vol. 1. Pp. 80.
- Natroyev A.* Shelkovitchnyi cherv na Kavkaze. Kavkaz, 1895. No. 332.
- Pigulevskaia N.V.* Vizantiya na putiah v Indiyu. Moscow; Leningrad, 1951, Pp. 184.
- Pisma iz Kakhetii. 7 i 8 pisma. Kavkaz, 1894. No. 237, 243.
- Polevye materialy avtora Ekspeditsiya v Abkhaziyu, Ochamchyrskii raion s. Dzhgerda avgust 2012 g (Informant Riza Abdul-ogly, 1927 g.r.).
- Shavrov N.N.* Dobyvaniye, obrabotka i usloviya sbyta shelka. St.-Petersburg, 1890.
- Voronov Iu.N.* Kolkhida v zheleznom veke. Nauchnye trudy. Sukhum: ABIGI, 2006. Vol. 1. Pp. 12–245.
- Shelkovodstvo na Kavkaze i v Zakavkaziye. Kavkaz, 1851. No. 53–54.

R.Sh. Zelnitskaya (Shlarba). The spread of sericulture in the Caucasus: historical and ethnographic aspects.

The spreading of sericulture in the Caucasus region is connected with the opening of the North Caucasian branch of the Great Silk Route. In spite of the long-standing view about exceptionally Chinese origin of Asiatic silk the majority of textile samples found in the Caucasus and Transcaucasia is not Chinese by origin. It is evident that the practice of sericulture and filature was established in Transcaucasia, but it is impossible to speak about the time the practice appeared. There is a number of legends in Abkhazic oral tradition, mostly negative ones, connected with sericulture. This fact speaks for the acquaintance of Abkhazs with sericulture and attitude towards acquaintance with it.

Key words: *silk road, Transcaucasia, sericulture, omens*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

УДК 39+ 325.2.001.1

© *Н.А. Белова***МОЛОДЕЖЬ И МИГРАНТЫ В ПРОВИНЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ г. КОСТРОМЫ)**

В статье рассматриваются проблемы взаимоотношений мигрантов, прибывших на заработки в Россию и местной молодежи. Предпринимается попытка выявить основные причины и тенденции подобных отношений в одном из областных городов Центрального федерального округа – г. Костроме. В статье также представлен анализ социально-экономического положения региона и его жителей.

Ключевые слова: *молодежь, мигранты, ЦФО, Кострома, межнациональные отношения.*

Утверждение социального согласия, солидарности, а также формирования общегражданской идентичности при сохранении этнического и религиозного многообразия вопрос сложный и актуальный. Трудности, которые возникают при интеграции мигрантов из других стран в российское общество, проблемы их адаптации, а также негативное восприятие их в первую очередь молодой частью россиян представляет угрозу стабильности РФ.

Молодежь как наиболее динамичная социальная группа в значительной части обладает тем уровнем мобильности, который выгодно отличает их от других групп населения. В то же время перед любым обществом стоит вопрос о необходимости минимизации издержек и потерь, которые несет страна из-за проблем, связанных с социализацией молодых людей и интеграцией их в российское общество.

В нелегких условиях экономического кризиса эта задача перед обществом усложняется. Примером может послужить тот факт, что в Российской Федерации высок уровень безработицы среди молодых людей в возрасте 15–30 лет. Средний возраст безработных в октябре 2014 г. составил 35,8 года. Молодежь до 25 лет среди безработных составляет 24,5%, в том числе в возрасте 15–19 лет – 4,1%, 20–24 года – 20,5%. Высокий уровень безработицы отмечался в возрастной группе 15–19 лет (29,7%) и 20–24 года (12,2%). По сравнению с октябрем 2013 года уровень безработицы в возрасте 15–19 лет увеличился на 10%, в возрасте 20–24 лет – на 0,4% (См. подробнее: ИА REGNUM). В целом же уровень безработицы по стране в апреле 2015 года составлял 6% (Росстат 2016).

Белова Наталья Андреевна – кандидат исторических наук Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Эл. почта: natale4ka@unbox.ru

*Статья публикуется при поддержке РГНФ № 15-31-11109 «Этническое и религиозное многообразие - основа стабильности в развитии российского общества» и РГНФ № 14-01-00387 «Социокультурные стратегии молодежи в российской городской провинции (2000–2015 гг.)»

Относительно Костромской области по официальным данным Федеральной службы государственной статистики по Костромской области уровень безработицы был на пике (17%) в 2014 году, а в 2015 году уровень безработицы стал снижаться и составил 15%, в 2016 году безработица осталась неизменной (в среднем 15%) (Регистрируемая безработица 2016). Вместе с тем анализ статистики по численности безработных по возрастным группам рисует немного иную картину в области, чем в целом по стране (таблица 1).

Исходя из официальных данных, получилось следующее: возрастная группа 30–49 лет является лидером по уровню безработицы – 43,8%. Совокупный уровень безработицы в категории 15–29 лет составил 31,8 % (Статистический ежегодник 2016: 49). Вместе с тем, на наш взгляд это не является опровержением данных, опубликованных на сайте ИА REGNUM, т.к. именно молодежь редко обращается в официальные службы занятости и не встает на биржу труда. По совокупным комментариям молодых людей ясно, что благодаря интернету и вакансиям, размещенных на вебсайтах hh.ru, job.ru и др. можно намного быстрее найти подходящие вакансии. А надобность в постановке на учет и в получении пособия «не велика», поскольку по оценкам молодых «это мизер, который и получать-то стыдно», а потеря стажа и влияние этого фактора на пенсию не так сильно волнует эту группу населения, поскольку «про пенсию, конечно, никто не думает, а ты думаешь? Нам ведь всего по 20 лет, ну хорошо скоро 30 лет. Какая там пенсия?!» (муж., 1989 г.р., ПМА 2016). Ввиду перечисленных факторов, мы считаем, что официальные данные по статистике не отражают в полной мере информацию именно этой возрастной категории.

Таблица 1

**Распределение численности безработных по возрастным группам
(в процентах к итогу)¹⁾**

Безработные – всего	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
	Всего							
	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе в возрасте, лет:								
15–19	12,1	12,3	5,3	3,5	6,6	2,5	4,0	4,5
20–24	9,1	21,0	18,6	14,8	20,7	17,6	14,7	16,8
25–29	10,5	8,2	10,5	14,4	11,7	14,1	10,4	10,5
30–49	48,4	45,5	42,9	39,7	37,7	40,6	48,0	43,8
50–54	10,9	10,9	12,2	16,5	14,7	15,7	15,0	12,6
55–59	7,1	1,4	6,9	8,8	7,3	8,5	6,1	9,5
60–72	1,9	0,7	3,6	2,3	1,3	1,0	1,8	2,3

¹⁾ По материалам выборочных обследований рабочей силы, в среднем за год.

Второй негативный фактор, который может привести к сильному кризису – это материальная неустроенность молодежи. Из-за этой причины могут наступить негативные последствия для государства и всего общества в целом, такие как рост преступности, распространение алкоголизма, наркомании и других форм девиации и, конечно, как один из немаловажных факторов рост ксенофобии и националистических настроений. Помимо этого неустойчивое материальное положение усугубляется жилищной проблемой – большинство из молодых людей вынуждены снимать жилье, выплачивать ипотеку или жить с родителями, теснясь большими семьями в маленьких комнатах. «Мы с мужем и двумя дочками живем в комнате 13 м², в другой такой же комнате живет мой брат с женой и дочкой, в третьей комнате живет свекровь. Вы спросите как мы уживаемся? Отвечу прямо, очень и очень плохо, редкая неделя без конфликтов и скандалов. А купить что-то на материнский капитал невозможно, даже на комнату в общежитии не хватает» (жен., 1979 г.р., ПМА 2016). Иногда потеря заработка может привести к непоправимым последствиям или даже к суициду. «У знакомой муж покончил с собой, потому что его уволили, а она в декрете с ребенком сидит, а на нем ипотека оформлена» (жен., 1982 г.р.). Именно поэтому исследования настроений и желаний молодежи провинции являются наиболее актуальными и востребованными в современной науке, особенно в небольших городах с низким экономическим уровнем развития и невысоким уровнем жизни.

Социально-экономическая характеристика региона

Анализ статистической информации об уровне развития региона показывает, что в области в 2015 году произошел экономический спад. Среди регионов ЦФО по индексу промышленного производства область в 2014 году занимала 7 место, что, вероятно, связано с положительной динамикой инвестиций, объем которых вырос в 2014 г. на 19%. По динамике инвестиционных вложений область занимала 4 место в России. Однако в 2015 году сместилась на 13 место в ЦФО и на 59 в РФ (Послание губернатора 2016), а индекс промышленного производства снизился на 8,5% в соотношении к предыдущему 2014 году и среди регионов ЦФО область заняла уже последнее место (Индекс 2016). В отчетах администрации содержатся данные о повышении средней заработной платы, контроле потребительских цен и других мерах, которые способствовали, по мнению региональных властей, улучшению жизни костромичей (Основные итоги работы 2015).

По результатам независимых исследований, проводимых агентством РИА, в 2015 году область заняла 75 место (из 83, в 2014 г. этот показатель был чуть выше – 71 место) по уровню социально-экономического положения субъектов¹ РФ, что говорит об обратном положении дел, и благосостояние местных жителей нельзя оценить как хорошее (РИА рейтинг субъекты 2016). Также интересным представляется рейтинг качества жизни семей проводимый этим же агентством. По итогам этого исследования Костромская область занимает 75 место (из 83). Остаток свободных денежных средств,

¹ Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ, построенный экспертами Рейтингового агентства «РИА Рейтинг» медиагруппы МИА «Россия сегодня» на основе агрегирования ключевых показателей регионального развития, позволяет дать ответ на вопрос о позициях того или иного региона на экономическом карте России, определить диспропорции в уровне регионального развития (подробнее см.: РИА рейтинг субъекты 2016).

которыми располагает средняя семья из 4 человек (2 взрослых + 2 детей) составляет 10 892 руб., вместе с тем хуже дело обстоит с многодетными семьями (2 взрослых + 3 детей) сумма свободных средств после оплаты и приобретения всего самого необходимого составляет в среднем 3652 руб. Для сравнения в соседний регион – Ярославская область занимает 42 место в рейтинге, и уровень доходов семей в первом случае выше в два раза, а во втором почти в четыре раза. Вместе с тем, другая соседняя область – Ивановская – отнесена экспертами в состав восьми «самых бедных» регионов РФ. Уровень доходов семей в этой области на 21% ниже в семьях с 2 детьми и на 74% ниже для семей 3-мя детьми, чем в Костромской области (РИА Рейтинг семья 2015).

Позиция Костромской области в рейтинге «Качество жизни в регионах РФ» 2015 г. осталась неизменной – 53, в отличие от соседних Ивановской и Ярославской областей. Однако в целом по ЦФО область занимает предпоследнее место в рейтинге, что не может утешать, указанная нами ранее Ивановская область в целом по ряду других показателей на 11 пунктов опережает Костромскую область (РИА Рейтинг качество жизни 2015).

По мнению экспертов РИА Рейтинг, по итогам 2015 года Костромская область вошла в число регионов с высокой долговой нагрузкой, где отношение государственного долга к налоговым и неналоговым доходам бюджета составило 136,7%, что на 15.6 п.п. выше, чем годом ранее и вследствие этого сложно положительной динамики роста благосостояния населения (РИА Рейтинг субъекты 2016). Так, за первый квартал 2015 года начисленная зарплата росла медленнее инфляции, реально располагаемые доходы населения снизились на 1,4%, а количество безработных увеличилось на 2,6%. Кризисные явления, захватившие большинство сфер российской экономики, не могут не сказаться на изменениях доходов населения и сокращении свободных денежных ресурсов. По мнению экспертов агентства: «Скорее всего, в будущем рейтинге лидерам удастся сохранить свои позиции, но в средней части рейтинга и ниже [где и находится Костромская область] возможны самые разные перестановки. Существенное снижение в рейтинге может наблюдаться в регионах, где развит малый и средний бизнес. Регионы, ориентированные на госсектор, и регионы с развитым сельским хозяйством при этом могут улучшить свои показатели» (РИА Рейтинг семья 2015). Таким образом, в 2016 году на фоне нестабильной экономической ситуации вряд ли стоит ожидать существенного улучшения качества жизни. А полюсы рейтинга, скорее всего, не изменятся, то есть сильные и развитые в экономическом плане регионы по-прежнему возглавят рейтинг, дотационные регионы со слабой экономикой вряд ли смогут показать рост позиций (РИА Рейтинг качество жизни 2015).

Теперь хотелось бы обратиться к результатам нашего исследования. В 2014–2015 нами были проведены три опроса местных молодых жителей в возрасте от 18 до 35 лет, имеющих разный уровень образования и являющиеся представителями разных профессий, которые занимаются как тяжелым физическим, так и умственным трудом (кровельщики, нянечки в детском саду, преподаватели ВУЗа, учителя и пр.). Совокупный объем выборки составил около 200 респондентов. Целью всех трех опросов было выяснить, как влияет благосостояние молодых людей на их толерантность и существует ли подобная взаимосвязь. А также как в целом относятся молодые костромичи к представителям других национальностей (не только мигрантам) и выявить другие причины роста настороженного, а подчас и ксенофобного настроения среди молодых жителей провинции.

Результаты нашего опроса показали, что более половины костромичей оценили свое материальное положение, как «в целом нормальное», но в сопутствующих комментариях добавляли: «хотелось бы жить лучше», «на многом приходится экономить». Примерно треть костромичей оценила свое положение как затруднительное и тяжелое, что указывает на наличие серьезных социально-экономических трудностей в регионе и необходимость дальнейшего реформирования. В оценке условий жизни в основном преобладало мнение о неизменности своего материального положения, однако количество костромичей отметивших, что состояние их жизни ухудшилось, составило чуть больше четверти опрошенных респондентов (ПМА 2015).

«Мне тяжело и нелегко живется в Костроме. Я студент, приехал из Макарьева [город Костромской области], найти подработку можно только летом и то не по специальности, а так только на тяжелый физический труд» (муж., 1994 г.р., ПМА 2015). *«В нашем городе молодому специалисту трудно найти хорошую работу без “блата” или связей, если ты на такую устроился, то тебе невероятно повезло!»* (жен., 1986., ПМА 2014). *«Сейчас берусь за любую подработку. Жена в декрете, поэтому хватаемся за “все и вся”. Квартира в ипотеке – тяжело»* (муж., 1981 г.р., ПМА 2016). *«Хочу найти подработку, на зарплату нянечки в детском саду не проживешь. А куда устроишься еще, только уборщицей куда-нибудь, да посудомойкой»* (жен., 1980 г.р., ПМА 2016).

Многие из них настроены на переезд в другие регионы РФ, экономически более развитые, по мнению молодежи. А это примерно половина опрошенных респондентов ответили положительно на этот вопрос, около 10% затруднились с ответом.

В области высокий уровень внутренней миграции, большинство респондентов проживают в городе в среднем 5-6 лет и приехали из разных районов области, костромичи же переезжают в другие города, например Москву или Ярославль. Из-за высокой конкуренции на региональном рынке труда свободные вакансии даже среди малоквалифицированного труда для мигрантов фактически отсутствуют. На такую работу устраиваются как пенсионеры, так и студенты, а также молодые мужчины и женщины, желающие подработать. Нередка такая ситуация, когда при достижении пенсионного возраста человека сокращают с предприятия, где он проработал 30-40 лет, а пенсии для нормального существования не хватает, такие люди очень часто соглашаются на малоквалифицированный тяжелый физический труд. *«Конечно, я стесняюсь иногда встречать своих друзей или знакомых, что на “старости лет” мету улицы, но для меня важнее прибавка к пенсии нам с женой. Она тяжело болеет и лекарства стоят очень дорого, поэтому 20 тыс. для нас существенное облегчение в этом смысле. Да и у детей просить не будешь, им своих поднимать надо, не до нас»* (муж., 1955 г.р., ПМА 2016).

Из-за сложной ситуации на местном рынке труда, в связи с усложнением экономической ситуации и ростом безработицы, особенно в последнее время, иностранные трудовые мигранты, стали все больше восприниматься местными жителями как «нежелательные и потенциальные конкуренты». Именно поэтому по результатам опроса 50% молодежи отрицательно отнеслись к идее найма мигрантов на малоквалифицированный труд. Также хотелось бы привести в качестве примера замечание молодого предпринимателя этого региона: *«Для того, чтобы их [мигрантов] нанять, необходимо кучу всяких документов оформить, договорится со всеми, иначе*

траф большой². Оформление это тоже не бесплатно и платить придется работодателю. К тому же и работники они сомнительные. С ними надо очень жестко, иначе они расслабляются и работать не хотят, да еще и права начинают “качать”. Нашим парням поставил задачу, они выполняют, стоять над ними не надо. Прораб может несколько объектов вести. А с этими [в основном подразумеваются мигранты из Таджикистана, Узбекистана – Н.Б.] надсмотрщик дополнительный нужен, которого они не просто уважали, а боялись! Ну и зачем это надо?!» (муж., 1983 г.р., ПМА 2016).

Еще более негативно была воспринята информация о том, чтобы мигранты работали в медицинских и учебных заведениях. Более 70% респондентов отрицательно отнеслись к этому факту: *«Ничего себе! Хватит того, что они в ЖКХ работают, да рынки [продуктовые – Н.Б.] захватили. Откуда я знаю может он(а) этот диплом той же медсестры купил(а), а ведь тут уже жизни людей и тем более маленьких детей зависят. Я против, конечно!»* (жен., 1982 г.р., ПМА 2015). *«У меня мама медсестра, на пенсии и боится, что ее сократят, потому что денег на жизнь еле-еле хватает. А получается, что наших родителей сократят, а их более молодых возьмут?!»* (жен., 1986 г.р., ПМА 2016). *«Нам самим-то негде работать!»* (жен., 1983 г.р., ПМА 2016). *«И что ребенка в детский сад не отведешь после этого! Ходи и думай весь день, а не сделают ли ему чего. Откуда я знаю, как они там детей у себя воспитывают. Может у них это норма бить детей»* (жен., 1981 г.р., ПМА 2016). Таких высказываний можно привести немало, но все они подтверждают главным образом один тезис – низкий уровень жизни заставляет чувствовать потенциальную угрозу со стороны мигрантов местных молодых жителей города. Удельный вес молодежи, считающей, что мигранты отнимают рабочие места составил выше 70%. А результаты последнего опроса и вовсе выявили негативное отношение не только к внешней миграции, но и внутренней. Так более 70% респондентов высказалось в пользу запрета переезда определенных национальностей или жителей определенных районов РФ в Костромскую область. Также опрос 2015 года выявил важную деталь, под мигрантами местное население [96% респондентов, принявших участие в опросе, по своей национальности отнесли себя к русскими – Н.Б.] представителей всех других национальностей, за исключением татар. Часть респондентов не разграничивала трудовых мигрантов, которые приехали на заработки и приезжих много лет назад и проживающих в Костроме более 10–15 лет, имеющие свое жилье и гражданство, постоянную регистрацию, образование, хорошую работу. Это проявлялось и в историях жителей о мигрантах: *«Лично у меня есть знакомая семья, они из Азербайджана, очень мирная, хорошая семья, приехавшая в город 15 лет назад. Они соблюдают все законы РФ, уважают и знают нашу историю»* (ж., 1989 г.р., ПМА 2015), другой пример: *«еще одну историю рассказал один респондент, который учился в военной академии, и с ним на одном курсе учился молодой человек с Кавказа, переехавший вместе с семьей несколько лет назад в город работать и жить. И однажды в Москве его мама тащила кучу тяжелых*

² Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ, построенный экспертами Рейтингового агентства «РИА Рейтинг» медиагруппы МИА «Россия сегодня» на основе агрегирования ключевых показателей регионального развития, позволяет дать ответ на вопрос о позициях того или иного региона на экономической карте России, определить диспропорции в уровне регионального развития (подробнее см.: РИА рейтинг субъекты 2016).

сумок и случайно встретила этого знакомого, он бросил все и помог донести до нужного места, хотя ему нужно было совсем в другую сторону. Это была не Кострома, где можно легко приехать на любой конец города на несколько часов, это была Москва, он потерял много времени, но помог!» (м., 1988 г.р., ПМА 2015).

По наблюдениям, в основной своей массе молодежь настроена более недоверчиво и недоброжелательно к приезжим, чем все совокупное население города, «особенно резко реагировали на такие высказывания, как “кавказцы”, “отнимают рабочие места”, “азеры”, “понаехали”, “резиновые квартиры” и т.д. А на вопрос запретить въезд говорят часто “да”, и если спросить “почему запретить?”, они говорят: “да не знаю, просто запретить и все”» (ПМА 2015).

Большую настроенность вызывают представители Кавказских республик, были высказаны такие суждения: «к узбекам отношусь нейтрально, но не хотелось бы чтобы они у нас жили, а вот к армянам, азербайджанцам, чеченцам – отрицательно» (ж., 1988 г.р., ПМА 2016)

По итогам наших опросов, в Костромской области уровень межэтнической напряженности среди молодежи постепенно растет, и костромичи все чаще высказывают недовольство. Согласно статистическим данным УФМС в Костромской области численность трудовых мигрантов как 2014 г., так и в 2015 г. составила 6 тыс. чел., однако, несмотря на то, что количество мигрантов не увеличивается и по официальным данным, они составляют только 1% от экономически активного населения, ситуацию это не улучшает (УФМС КО 2014)

Кроме того, как отмечается в СМИ, в этом году, по сравнению с прошлым, увеличилось количество преступлений, совершенных жителями, приехавшими из других государств (В Костромской области посчитали 2014). Вместе с тем, в докладе начальника МВД по Костромской области указывается, что в 2014 году количество преступлений совершенных на территории региона иностранными гражданами и лицами без гражданства составило 97, в том числе гражданами государств-участников СНГ – 78, а удельный вес таких преступлений составил всего 1,7% (Отчет начальника 2014). Вместе с тем результаты нашего опроса показывают, что 40% молодых костромичей в 2014 г. считали, что мигранты чаще совершали преступления. Не согласных с этим утверждением было всего 30%, столько же затруднилось ответить на этот вопрос. Результаты опроса 2015 г. показали снижение удельного веса респондентов в два раза согласных с этим утверждением, что мигранты чаще совершают преступления. Безусловно, это положительная тенденция, указывающая на снижение уровня недоверия к представителям других национальностей. Однако, количество респондентов не согласных с данным утверждением выросло всего на 10%.

Удельный вес негативного восприятия различных национальностей неодинаков. Например, наибольший негатив приписывается цыганам (51%), далее следуют дагестанцы (49%), чеченцы и азербайджанцы (44%), таджики (41%), узбеки (37%), армяне (24%), китайцы и корейцы (22%), киргизы (19%), молдаване (15%), украинцы (13%). Интересно отметить, что результаты негативного восприятия некоторых национальностей практически совпали с итогами первого опроса, в котором мы задавали вопрос об ограничении приезда гражданам определенных государств, костромичи перечислили примерно те же самые страны, правда, удельный вес ксенофобных настроений был выше и составлял более двух третей жителей региона.

Любопытно, что распространение радикальных идей не так настораживают костромичей, удельный вес респондентов связывающих эту проблему с мигрантами составляет всего 30%. Более серьезной проблемой для жителей является попытка мигрантов, по мнению костромичей, установить свои порядки (46%) и незнание нашей культуры (45%). Т.е. по результатам опроса четко прослеживается, что костромичи не связывают экстремизм или терроризм с представителями другой национальности, при этом нарушение привычного образа жизни города, для большинства жителей видится серьезной проблемой, они пришли «*в чужой монастырь*», пытаются установить свои порядки и научить нас «*правильно жить*». Подтверждается это и тем, что около половины респондентов оценила мигрантов как опасных соседей, нарушающих закон, которые приехали нелегально и не обладают определенной квалификацией.

Однако нельзя сказать, что костромичи воспринимают мигрантов исключительно отрицательно и не желают их присутствия в городе. Хотелось бы упомянуть и позитивные оценки в образе представителей других этносов. В первую очередь положительно воспринималась информация о национальной кухне (45%), многие указывали, что знания и определенные навыки других народов полезны в быту. К тому же 37% респондентов отметило и тот факт, что они больше ценят семью, детей и уважают старших. Многие дискутировали, обсуждая проблемы современных российских семей и что в какой-то степени это позитивный пример для молодежи. Около 30% респондентов отметило как позитивный момент разумного регулирования миграции, а также и тот факт, что, безусловно, они являются дополнением к трудовым резервам и в какой-то степени необходимы обществу. Важно, что примерно четверть жителей региона позитивно воспринимают желание мигрантов изучить русский язык и тем самым интегрироваться в российское общество.

Встречаются и такие респонденты, которые жалеют мигрантов, понимая в каких, зачастую, нелегких условиях они оказываются. «*В 2007 году мы подрабатывали на хлебозаводе летом, и там были гастарбайтеры, они были забитые, молчаливые, такие смешные... Также папа мой одно время работал в супермаркете, там тоже работали гастарбайтеры, по его замечаниям они выполняли тяжелую и грязную работу за копейки, русский бы не стал делать это же*» (жен., 1989 г.р., ПМА 2016). Так сообщения о нечеловеческих условиях жизни мигрантов содержатся и в СМИ. Например, в статье приводится описание места проживания мигрантов: «*в одном из жилых помещений окна были закрыты светонепроницаемым материалом, и не было горячей воды. Во всех помещениях было очень грязно, а на стенах и на давно немойтой посуде – куча тараканов. В строительных вагончиках, где тоже жила часть мигрантов, на площади 6 квадратных метров было установлено по три-четыре кровати. В помещениях не было ни умывальных, ни душевых. Вагончики не оборудованы системой холодного и горячего водоснабжения, канализацией и водоотведением. Кроме того, территория, на которой установлены вагончики, просто завалена мусором*» (Гастарбайтеры в Костроме 2015).

Другой респондент указывал, что «*на одном из объектов мигранты строили подвальное помещение. Работодатель в подсобку для приема пищи купил им чайник, микроволновую печь и т.д., а также снабжал питьевой водой в бутылках. Придя в обеденное время к работникам, работодатель увидел, что строители наливают в чайник техническую воду из батарей. На вопрос, зачем они это делают, работники ответили, что купленную воду они возьмут на квартиру. И пояснили, что вода*

нормальная, уже чистая, а до этого пили ржавую и ничего не произошло. Этот же предприниматель рассказал, что работал с несколькими бригадами строителей, попадались самые разные и по его наблюдениям кто-то работает совсем не на совесть, сделав неправильно, отказываются исправлять, вдруг перестают понимать русский язык. Другие же делают свою работу идеально, благодаря хорошей репутации получают много заказов, учат язык, вливаются в жизнь города» (жен., 1982 г.р., ПМА 2015). Т.е. те мигранты, которые стремятся адаптироваться и интегрироваться в жизнь российского общества воспринимаются положительно и большинство им готово оказывать возможную и посильную помощь, но при этом они обязательно должны знать язык, уважать местную культуру и традиции, а также не нарушать законы.

Интересным представляется наблюдение и комментарии тех людей, которые больше общались с представителями других национальностей и сразу отличаются в своих высказываниях от большинства респондентов: «Одна женщина, приехавшая с Сахалина, с уважением относилась к разным национальностям. Так как, она там жила рядом со всеми нациями» – мужчина, 1984 г.р. Другой пример: «Подруга встречается с трудовым мигрантом из Армении, испытывает неудобство перед друзьями и родственниками, хотя у него с братом свое дело. Тем не менее, хочет связать с ним судьбу. При этом на работе непосредственно общается с мигрантами из Средней Азии, по ее словам никогда не смогла бы встречаться с кем-то из них. Отзывается о них как о 100% исполнительных работниках в отличие от русских коллег. Русских работников под ее началом сменилось уже немало, а вот мигранты работают годами. Возвращаясь к матримониальному вопросу. Я знаю русских девушек вышедших замуж за мигрантов, имеющих семьи, квартиры и ипотеки. При этом также знаю мигрантов, которые завели в Костроме гражданских жен и детей, но потом вернувшись на родину к имеющимся там, как оказалось, семьям» (жен., 1980 г.р., ПМА 2015).

Вместе с тем, из наблюдений анкетеров выясняется, что в целом обстановка в регионе спокойная и стабильная, вследствие снижения экономического роста количество трудовых мигрантов тоже уменьшилось. «Трудовых мигрантов в городе стало меньше, но если наблюдать за ними, то ходят они небольшими группами, по одному их практически не встретишь, часто они выполняют действительно самую грязную и низкооплачиваемую работу, именно поэтому не расценивают, как конкурентов на квалифицированный труд, чего не скажешь о менее квалифицированном труде, таком как кровельщик, дворник, уборщик и т.д.» (жен., 1989 г.р., ПМА 2015).

Отношение к межнациональным бракам

Еще одним аспектом нашего анализа стали межэтнические браки и отношение россиян Центрального региона к ним. По оценке одного респондента, отношение к другим национальностям у молодежи более «нервозное», в основном из-за ощущения своего рода конкуренции, особенно благодаря девушкам, которые выходят замуж не только за украинцев, белорусов, «но и за представителей “Кавказа”, ради которых им приходится принимать ислам», что вызывает недовольство, а зачастую и осуждение со стороны молодых мужчин.

Мы старались выяснить среди девушек, насколько они благосклонно относятся к идее заключения «межнационального брака». Результаты подтвердили настрожен-

ное отношение к представителям других национальностей. Примерно 80% девушек в возрасте до 35 лет сказали, что не сменили бы религию, да и замуж за представителя другой национальности не вышли, старшее поколение к этой мысли отнеслось еще более консервативно: «*Выдавать замуж дочь за представителя другой национальности не стала бы. Надо учитывать разные традиции и обычаи, они нас не уважают!*» (ж., 1953 г.р., ПМА 2015). Особенно интересным является следующий комментарий респондентки: «*К мигрантам отношусь в основном нейтрально, но когда их сфера деятельности совпадает с нашей, например обучение детей происходит совместно – я против, т.к. у них все другое и воспитание, и культура, а замуж не вышла бы, т.к. я за чистоту расы!*» (ж., 1983 г.р., ПМА 2015), т.е. девушка в целом сделала акцент на том, что любые контакты в повседневной жизни с мигрантами для нее не желательны, причем в анкете респондентка указала, что общается с трудовыми мигрантами практически ежедневно.

Любопытным представляется опрос, который был проведен администрацией Костромской области в 2014 году и получил освещение в местном новостном портале сети Интернет. По результатам опроса и оценке СМИ «*толерантностью к другим нациям в Костроме многие горожане явно не отличаются. В частности, около 55% проголосовавших считают “кошмарным” то, что их дети вступают в брак с иностранцами, а около 70% считают, что возможно ухудшение межнациональных отношений. При этом у 82% проголосовавших костромичей есть друзья-иностранцы, кроме того, более 70% считают себя толерантными людьми, хотя слово “толерантность” почему-то приобрело в России какие-то отрицательные смыслы. При этом более 70% участников опроса считают, что межнациональные конфликты должны предотвращать органы власти и полиция, а не сами граждане*» (Костромичи считают 2014). Подобные суждения являются своего рода индикаторами наличия проблем в обществе, которые необходимо решать местным властям не только путем организации выставок, музеев и т.д., но и другими способами, которые доступны и понятны большинству обывателей костромского сообщества, а заявления о том, что «*межнациональная и религиозная почва для конфликтов в регионе неплодородна*», являются настороженно оптимистичными.

Интересно в связи с этим проанализировать отношение к совместному обучению детей. Из результатов опроса прослеживается, что большинство населения заняло в этом вопросе нейтральную позицию, вместе с тем опасения и боязнь дополнительной конкуренции вызывают напряженность со стороны населения, особенно молодых родителей. Успокоением в данном случае является то, что ребенок мигранта на деле не имеет шансов учиться в профильной школе с углубленным изучением предметов, за место в которых идет борьба. Удельный вес респондентов положительно и отрицательно воспринимающих этот факт одинаков и составляет 20%, что в целом говорит о наличии определенных трудностей и противоречий в российском обществе. Вместе с тем, большинство опрошенных респондентов не общаются с мигрантами (40%), почти треть жителей региона контактируют с ними крайне редко и только 8% отметили, что общаются с ними ежедневно. Из чего можно сделать вывод, что настороженное отношение к представителям других национальностей формируется СМИ, безусловно, влияет и личная неустроенность в жизни.

Результаты исследования не должны удивлять представителей власти, научное сообщество и простых граждан, потому что все эти предубеждения относительно

представителей других народов таких, как «агрессивности кавказцев», «хамства узбеков» и пр. подтверждается отсутствием элементарных представлений или знаний о других народах. Грамотная политика местных и региональных властей, направленная на просвещение жителей не разового характера, а именно систематического и регулярного, поможет в борьбе с предрассудками, которые приписываются мигрантам российской провинции.

Литература:

- В Костромской области посчитали 2014 – В Костромской области посчитали всех мигрантов k1news.ru. Дата публикации: 28 Ноября 2014.
- Гастарбайтеры в Костроме жили в нечеловеческих условиях. URL: k1news.ru.
- ИА REGNUM – В России отмечен высокий уровень безработицы среди молодежи 20–24 лет URL: <http://regnum.ru>. Дата обращения: 01.04.2016.
- Индекс 2016 – Индекс промышленного производства по субъектам Российской Федерации. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKewj-mbqRm6jRAhWF1ywKHbB9DIAQFggaMAA&url=http%3A%2F%2Fwww.gks.ru%2Ffree_doc%2Fnew_site%2Fbusiness%2Fprom%2Find_prom_sub.xls&usg=AFQjCNEpvp2CkVxldGCuaOZsFFbldvNoYw&bvm=bv.142059868,d.bGg. Дата обращения: 04.01.2016.
- Костромичи считают 2014 – Костромичи считают, что браки с иностранцами – это кошмар? URL: k1news.ru. Дата публикации: 26 Декабря 2014 г.
- Костромичи считают, что браки с иностранцами – это кошмар? URL: k1news.ru.
- Межнациональная и религиозная почва 2015 – Межнациональная и религиозная почва для конфликтов в регионе неплодородна. URL: k1news.ru. Дата публикации: 27 Июля 2015 г.
- Межнациональная и религиозная почва для конфликтов в регионе неплодородна. URL: k1news.ru.
- Общая характеристика молодежи 2016 – Общая характеристика молодежи. Социальный портрет молодежи. URL: <http://www.sociodone.ru>. Дата обращения: 10.03.2016.
- Основные итоги работы 2014 – Основные итоги работы администрации Костромской области в 2014 году URL: <http://head.adm44.ru/statements/2015/6/56.aspx>. Дата публикации: 15 июня 2015 г.
- Отчет Начальника 2014 – Отчет Начальника Управления МВД России по Костромской области генерал-майора полиции Степина А.Н. на заседании Костромской областной Думы 19 февраля 2015 года «О деятельности полиции подчиненных органов внутренних дел за 2014 год». URL: <https://44.mvd.ru>.
- ПМА 2015 – Полевые материалы автора (ПМА). Кострома, Костромская область. Июль–октябрь 2015 г.
- Понятие молодежи 2012 – Понятие молодежи и ее основные характеристики. Молодежная политика. URL: <http://u4isna5.ru/doklad>. Дата публикации: 4.04.2012.
- Послание губернатора 2016 – Инвестиционное послание губернатора Костромской области С.К. Ситникова на 2016 год. URL: <http://head.adm44.ru>. Дата публикации: 25 марта 2016 г.
- Регистрируемая безработица 2016 – Регистрируемая безработица в Костромской области // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Костромской области / Официальная статистика / Рынок труда и занятость населения. URL: <http://kostroma.gks.ru>.
- РИА Рейтинг качество жизни 2015 – Качество жизни в российских регионах – рейтинг 2015. URL: <http://giarating.ru>.
- РИА Рейтинг семья 2015 – Рейтинг регионов по уровню жизни семей – 2015. URL: http://giarating.ru/regions_rankings.. Дата публикации: 25.05.2015.
- РИА Рейтинг субъекты 2016 – Рейтинг социально-экономического положения субъектов рф

итоги 2015 года. М., 2016. URL: <http://vid1.rian.ru>.

Росстат 2016 – Росстат: уровень безработицы в РФ составил 5,8%. URL: <http://www.uro.ru>.

Статистический ежегодник 2016 – Костромская область. Статистический ежегодник. Официальное издание. В двух томах. Том 1: Население и социальная сфера. Кострома, 2016. – 148 с.: табл.

Штрафы работодателю 2016 – Штрафы работодателю за иностранного работника в 2016 году: какие штрафы ждут работодателя за работу иностранных граждан без документов и за нелегальных работников без оформления. URL: <http://migrantmedia.ru>. Дата обращения: сентябрь 2016.

References

V Kostromskoj oblasti poschitali vseh migrantov k1neshhs.ru. Data publikacii: 28 Nojabrja 2014.

Gastarbajtery v Kostrome zhili v nechelovecheskih uslovijah. URL: k1neshhs.ru.

V Rossii otmechen vysokij uroven bezraboticy sredi molodezhi 20–24 let URL: <http://regnum.ru>. Data obrashhenija: 01.04.2016.

Indeks promyshlennogo proizvodstva po subektam Rossijskoj Federacii. URL: https://shhshhshh.google.ru/url?sa=t&rct=j&ja=&esrc=s&source=shheb&cd=1&ved=0ahUKeshhj-mbjaRm6jRAhSHHF1yshhKHbB9DIAJAFggaMAA&url=http%3A%2F%2Fshhshhshh.gks.ru%2Ffree_doc%2Fneshh_site%2Fbusiness%2Fprom%2Find_prom_sub.hls&usq=AFJAJCNEpvp2CkVhldGCuaOZsFFbldvNoYshh&bvm=bv.142059868,d.bGg. Data obrashhenija: 04.01.2016.

Kostromichi schitajut, chto braki s inostrancami – jeto koshmar? URL: k1neshhs.ru. Data publikacii: 26 Dekabrja 2014 g.

Kostromichi schitajut, chto braki s inostrancami – jeto koshmar? URL: k1neshhs.ru.

Mezhnacionalnaja i religioznaja pochva dlja konfliktov v regione neplodorodna. URL: k1neshhs.ru. Data publikacii: 27 Ijulja 2015 g.

Mezhnacionalnaja i religioznaja pochva dlja konfliktov v regione neplodorodna. URL: k1neshhs.ru. Obshhaja harakteristika molodezhi. Socialnyj portret molodezhi. URL: <http://shhshhshh.sociodone.ru>. Data obrashhenija: 10.03.2016.

Osnovnye itogi raboty administracii Kostromskoj oblasti v 2014 godu URL: <http://head.adm44.ru/statements/2015/6/56.asph>. Data publikacii: 15 ijunja 2015 g.

Otchet Nachalnika Upravlenija MVD Rossii po Kostromskoj oblasti general-majora policii Stepina A.N. na zasedanii Kostromskoj oblastnoj Dumy 19 fevralja 2015 goda «O dejatelnosti policii podchinennyh organov vnutrennih del za 2014 god». URL: <https://44.mvd.ru>.

Polevye materialy avtora (PMA). Kostroma, Kostromskaja oblast. Ijul–oktjabr 2015 g.

Ponjatie molodezhi i ee osnovnye harakteristiki. Molodezhnaja politika. URL: <http://u4isna5.ru/doklad>. Data publikacii: 4.04.2012.

Investicionnoe poslanie gubernatora Kostromskoj oblasti S.K. Sitnikova na 2016 god. URL: <http://head.adm44.ru>. Data publikacii: 25 marta 2016 g.

Registriruemaja bezrabotica v Kostromskoj oblasti // Territorialnyj organ Federalnoj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Kostromskoj oblasti. Oficialnaja statistika. Rynok truda i zanjatost naselenija. URL: <http://kostroma.gks.ru>.

Kachestvo zhizni v rossijskih regionah – rejting 2015. URL: <http://riarating.ru>.

Rejting regionov po urovnju zhizni semej – 2015. URL: http://riarating.ru/regions_rankings. Data publikacii: 25.05.2015.

Rejting socialno-jekonomicheskogo polozhenija sub#ektov rf itogi 2015 goda. M., 2016. URL: <http://vid1.rian.ru>.

Rosstat: uroven bezraboticy v RF sostavil 5,8%. URL: <http://shhshhshh.uro.ru>.

Kostromskaja oblast. Statisticheskij ezhegodnik. Oficialnoe izdanie. V dvuh tomah. Tom 1: Nаселение i socialnaja sfera. Kostroma, 2016. – 148 s.: tabl.

SHtrafy rabotodatelju za inostrannogo rabotnika v 2016 godu: kakie shtrafy zhдут rabotodatelja

za rabotu inostrannyh grazhdan bez dokumentov i za nelegalnyh rabotnikov bez oformlenija.
URL: <http://migrantmedia.ru>. Data obrashhenija: sentjabr 2016.

N.A. Belova. Young people and migrants in the province: challenges and main trends of interethnic relations (on the example of Kostroma).

The article analyzes the attitude of the local youth to migrants, who came to Russia to work. Main problems, trends and causes of ethnic conflicts are analyzed in the article in one of the provincial cities of the Central Federal District - Kostroma. The article also presents an analysis of the socio-economic situation of the region and its inhabitants.

Key words: *young people, migrants, the Central Federal District, Kostroma, ethnic conflicts.*

КОДЫ КОРМЛЕНИЯ И БИТЬЯ (ЗАПУГИВАНИЯ) В СИСТЕМЕ АГРАРНЫХ ПРАКТИК: ФЕНОМЕН ПАРАЛЛЕЛИЗМА И ВЗАИМОЗАМЕЩЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с практиками ритуального кормления и битья в традиционном земледелии славян: параллелизм и взаимозамещение кеденциального и пасценциального кодов. Такие полярные способы воздействия как похвала и угрозы, битье и кормление могут использоваться для стимуляции вегетативной силы растений. Как возникают и поддерживаются корреляции между двумя полярными кодами? В поисках ответа на вопрос рассматриваются практики устрашения и «ублажения» растений (земли) – кормление, «лякання картоплі» (запугивание картофеля), «Бабу резать», «Бабу хоронить» и др.

Ключевые слова: ритуал, кормление, битье, «кнут и пряник», земледелие.

Вопросы, связанные с практиками ритуального кормления и битья в традиционном земледелии славян, в той или иной степени детализации рассматривались широким кругом ученых в рамках различных научных школ (Зеленин 1991; Пропп 2006; Толстой 2003; Виноградова, Толстая 1998; Агапкина 2002; Виноградова 2004; Усачева 2008; Морозов, Толстой 1995, Лобкова 2000 и пр.). Внимание авторов, как правило, акцентировалось только на одном из рассматриваемых кодов.

Исключение составляют работы, в которых рассматриваются ритуальные акты святочного периода, направленные на предотвращение различных стихийных бедствий. Н.И. Толстой, И.А. Морозов обращают внимание, что приглашение мороза на рождественский ужин нередко сопровождалось битьем: «Мороз, Мороз, иди кутью есть, а на Петровку не бывай, а то будем пугами бить¹» (Морозов, Толстой 1995: 180). С.М. Толстая и Л.Н. Виноградова отмечают «аналогичный характер “угощения-отгона”» в ритуальных окличаниях мороза, ветра и градовой тучи (Виноградова, Толстая 1999: 604–605). При молении «о спопутных погодах» (ветре) в Поморье, женщины исполняли следующую припевку: «Востоку да обѣднику / Каши наварю / И блиновъ напеку; / А западу, шалонику / Спину оголю» (Максимов 1871: 220).

В приведенных примерах параллелизм кодов кормления и битья очевиден, поскольку иммитативные действия совершаются последовательно без разрыва во времени. Между тем, в полеводстве, огородничестве и садоводстве акты обрядового кормления/битья могут быть дистанцированы по времени. В таких случаях корреляции, возникающие между двумя кодами, уже не так заметны и требуют дополнительного исследования. Существуют ли обоснования, проясняющие появление феномена параллелизма и взаимозамещения кодов кормления и битья? Какие? И

Самойлова Елена Валерьевна – ведущий специалист по фольклору Фольклорно-этнографического центра им. А.М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова. Эл. почта: etnograd@mail.ru.

какова направленность этих практик? Поиск ответов на поставленные вопросы стал одним из побудительных мотивов к написанию этой статьи.

Источниковой базой послужили публикации отечественных исследователей конца XIX – начала XX века, полевые материалы автора², собранные на Полтавщине и на территории Русского Севера (Архангельская, Вологодская, Кировская, Костромская, Ленинградская обл. и Республика Карелия), с 2005 по 2015 гг., а также архивные материалы Фольклорно-этнографического центра им. А.М. Мехнецова.

Перейдем к рассмотрению обрядов продуцирующей магии, базирующихся на кодах кормления и битья.

Кеденциальный и пасценциальный коды в обрядах продуцирующей магии

Пасценциальный (от лат. *pasceps* – кормление) код³. Кормление нивы, птиц и животных в аграрных практиках достаточно подробно описывается в работах этнографов, фольклористов, этнолингвистов (Усачева 2008, 91–92; Зеленин 1991, 56; Лобкова 2000, 63) и др. Поэтому отмечу лишь некоторые ключевые характеристики этих обрядов.

Обрядовое кормление могло совершаться в дни календарных праздников или по случаю (пахота, сев, жатва). Например, в Яранском р-не Кировской обл. в Духов день хозяйка варила кашу и приносила ее на поле или огород: «Вот, тебе, Земля-имениница, от меня подарок: “Расти всяки, и плоды, и корми нас всех – (все – Е.С.) на свете живем”» (ПМА 1: Лутошкина Ю., 1921 г.р.). В Череповецком р-не Вологодской обл. кормление нивы совершалось в Вознесенье (АФЭЦ 2: 3094; Митюхина). Сходные ритуалы были связаны с севом льна (АФЭЦ 2, РФ 68: Третьякова, Череповецкий).

В славянской традиции было широко распространено кормление земли, нивы во время сева (Усачева 2008: 91–92; Зеленин 1991: 56; Милорадович 1991: 258; Узенева 2009: 607), окончания уборки зерновых (Милорадович 1991: 265; Лобкова 2000: 63; Усачева 2008: 98–100).

В Пирятинском р-не Полтавской обл. остатками кутьи в рождественский сочельник угощали домашних животных, строения (дом, хозяйственные постройки), колодец, землю, дорогу (ПМА 2: Дмитренко А., ок. 40 л.).

В Новый год мусор (в том числе остатки съестного) сжигают у ворот или в саду⁴, «примовляючи на врожай» (Воропай 2007: 92–93). В канун или сам праздник Крещения сжигают «дідуха» (колосья пшеницы, дожиночный сноп – предметное воплощение предка), девушки собирают пепел и относят его на огород «щоб оірки родили» (Воропай 2007: 96).

Предметный код обрядов достаточно разнообразен, но, как и в ритуалах-приглашениях природных стихий, представлен продуктами растительного или животного происхождения: кутья, каша, обрядовая выпечка, пепел, остатки ритуальной трапезы, в т.ч. и кости животных⁵ (Богданович 1877: 191; ПМА 3: Бобрицкая Л., ок. 50 л.). С.М. Толстая отмечает, что по представлениям славян, втыкание или закапывание костей в землю, разбрасывание их по земле имело широкий спектр действия (Толстая 2005: 516–517). Эти обряды должны были способствовать повышению плодородия земли, защищали посадки от непогоды, сорняков и полевых вредителей, а также от нечистой силы и колдунов (Там же).

Обрядовая пища могла использоваться непосредственно после ее приготовления либо хранилась до определенного времени (обычно использовалась во время

проведения полевых и огородных работ). Магические свойства предмета, приобретенные в ритуальной ситуации, сохранялись и находили применение, когда в этом возникала необходимость. Как, например, *пасхальное яйцо*, пролежавшее у икон в течении года. По истечении срока его запекали и крошили на «удворине» – в огороде (Череповецкий 2000: 35).

Ритуальные одаривания (с прицелом на взаимность – дарообмен) включаются в структуру календарных и окказиональных практик. Они происходят на протяжении календарного года, начиная со Святков и заканчивая периодом уборки урожая, или в те дни, которые имели опосредованное отношение к земледелию.

Одним из представлений, связанных с организацией системы регуляций в традиционной модели культуры, служит представление о существовании «духовных механизмов», *обязывающих* возмещать полученный дар (Мосс 1996: 92). Наиболее распространенная форма дара, употребляемая в земледельческих практиках, прочитывается через систему кулинарных кодов (каша, хлеб, обрядовая выпечка). Выделение доли рассматривается как совместная трапеза, «средство приобщения другого, введения его в круг “своих”» (Байбурин, Топорков 1990: 121). Принятие дара делает его «своим», а значит, безопасным, т.е. происходит нейтрализация его вредоносных свойств.

Во всех рассмотренных выше случаях ритуальное кормление совершалось для стимуляции продуцирующей силы земли и растений, с надеждой на взаимность, и в целях защиты от вредоносного воздействия.

В приведенных выше примерах отсутствует какая-либо информация о ритуальном битье и кормлении может рассматриваться как самостоятельный акт в структуре земледельческих практик. Возможно ли взаимозамещение одних ритуальных действий другими (кормление/битье)? В каких случаях? И можно ли рассматривать битье в качестве ритуального аналога кормления?

Продолжим поиск связующих звеньев, и обратимся к тем обрядовым практикам, в которых фиксируются случаи ритуального битья.

Кеденциальный (от лат. *caedentes* – битье) код. Начнем с примеров известных по публикациям. Н. И. Толстой рассматривает обряды-угрозы неплодным деревьям, яловым коровам, неноской птице в традиции южных славян (Толстой 2003: 346–368). Основная цель ритуальных действий – стимуляция вегетативной силы. Исполнители ритуальных действий вступают в диалог, в котором один из участников обещает срубить неплодное дерево (срезать виноградную лозу, убить бесплодную женщину и пр.), а второй от имени того, над кем (или чем) совершается магическое действие, обещает принести плод. Иногда обрядовое битье сопровождается кормлением: после срезки прутьев виноградной лозы растения поливались вином или святой водой (Толстой 2003: 321); в сад приносили жито, *вариво* (кутью), калачи, *баницу* (род обрядового пирога) *ракию* (фруктовую водку), а на неплодных деревьях делали зарубку топором (Там же: 347–349, 354). Среди предметов, которые использовались при совершении иммитативных действий, фигурируют топор, нож, меч и скалка.

Выделяются примеры с *одночастной* и *двухчастной* структурой, причем первый тип – преобладающий: действия могут ограничиваться ритуальным битьем (*рубка*, *резка*) или сочетаться с кормлением. В большинстве обрядов, описанных Н.И. Толстым, *кеденциальный код* доминирующий, случаи параллелизма (битье/кормление) достаточно редки. В славянской традиции известны примеры, когда с той же целью «кормили» деревья, не прибегая к рубке (битью): например, под плодовыми дере-

вьями закапывали яичную скорлупу или кости, оставшиеся от рождественской или пасхальной трапезы (Толстая 2005: 516, 518).

Рассмотрим формы отличные от ритуального диалога, в которых фиксируется сочетание кеденциального и пасценциального кодов.

Кеденциальный и пасценциальный код в земледельческих практиках восточных славян (огородничество и полеводство)

«Бабу резать» (полеводство). В традиции западных славян ритуальное *«резанье»* совершается женщинами во время окончания жатвы (Лобкова 2000). Обычай, известный под названием «Бабу резать», получил распространение в центральной и южной частях Гдовского р-на: «Ну и приду Бабу *резать* – голову Бабы резать. Пожались вси! <...> там *нескальки каласков* возьмё, среже голову! *Зарезали* тяперь Бабу, пожались вси-и-и!» (Лобкова 2000: 62).

Как и в обрядах, описываемых Н.И. Толстым, они связываются со стимуляцией вегетативной силы растений: *«штобы лучше на будущий год расла»*. На поле инсценируется не только символическая резка, но и «похороны» Бабы. Ритуал, получивший распространение на Псковщине, имеет развитую структуру. Очевиден параллелизм рассматриваемых актов кормления/битья: жнеи «режут Бабу», кормят ниву, оставляя у несжатых колосьев пирог, бутылку водки или вина, там же устраивают совместную трапезу (Лобкова 2000: 66). Ритуальные компоненты вплетаются в драматургию праздника завершения жатвы. Развернутость форм, повышенная степень детализации отличает их от вариантов, разобранных выше.

«Картофельную Бабку хоронить» (огородничество). В монографии Г.В. Лобковой приводится описание «покопок» – праздника, приуроченного к окончанию уборки картофеля. Суть сводится к *зарыванию* – похоронам картофельной Бабы: «<...> найдут картошинку, ана вся в барадав(ках), в таких тиськах, кругом – рагатинькая какая-нибудь, вот яю зарываю. Это называитца – “Бабу зарываю”, ставят ей цвяты тоже и там па ей пляшут! Радуютца, што: ”Славо Богу. Всё убрали. И Бабу пахаранили” (Лобкова 2000: 66). Автор обращает внимание на то, что в архивных материалах имеется всего две записи с описанием «покопок».

Похороны бабы фиксируются и в Бокситогорском р-не Ленинградской. В локальной традиции (Климовское с/п) обычай известен под названием «бабу хоронить»: «Когда картофель садят, то нужно *«картофельную Бабку хоронить»*. Дак, это все собираюца. Сегодня тебе сажают, завтра – тебе» (ПМА 4: Зверева Р., 1942 г.р., Ткаченко Н., 1938 г.р.). Традиция сохраняется до настоящего времени: «“*Поминки*” делали после посадки картофеля. Тут воля дана была. Распевали – и длинные, и короткие, кто чего хочет. Посадили картошку, значит *надо ее обмыть*. Это как обычай, он и сейчас есть обычно» (ПМА 5: Александрова М. 1934 г.р., Алмазова М., 1927 г.р., Кудряшова В., 1935 г.р.).

В местной традиции «похороны» оказались приуроченными к посадке картофеля – коллективной практике, представляющей одну из форм помочей. Единственная запись о «похоронах Бабки» после завершения уборки картофеля была сделана в д. Дятелка. Праздник устраивали на берегу озера, картошку «на улице варили <...> в ведрах. Огонь сделают и варят на огне» (ПМА 4: Михайлова В., 1932 г.р.).

Как правило, общей трапезой завершались именно посадки, а не покопки. В зависимости от погоды ее устраивали в помещении или на улице: «А собирались после –

Бабку хоронили, картофельную. <...> “Ну, картошку посадили, давайте соберемся все вместе, *посадочную Бабку картофельную похороним*”» (ПМА 4: Петрова М., 1931 г.р.). Застолье устраивали в складчину – «кто чего, что сумеет принести»: «Сидим, разговариваем, кушаем. Песни поем! Всякие, да частушки – с картинками мало пели, больше хорошие» (Там же). «Соберемся. Я – бутылку и другой, соседи придут, артелью. <...> *Противаим* али это *наслаждаем* («картофельную Бабку» – Е.С.)» (ПМА 4: Михайлова В., 1932 г.р.).

Описанные выше ритуальные «запугивания», «битье», «смерть» и «похороны» совершались «по случаю» в дни уборки или посадки злаковых растений и корнеплодов. Совместное застолье (как одна из форм дарообмена)⁶ включалось в структуру обряда (т.е. возникла искомая сцепка кеденциального и пасценциального кодов: кормление + битье). Анализ материалов позволят отметить перемещения ритуальных элементов как в сфере земледелия (от одной практики к другой), так и в структуре хозяйственных практик, когда маркируется начало или окончание работ:

полеводство (зерновые) → огородничество (картофель);
уборка картофеля → посадка картофеля

В первой схеме обрядовые действия переносятся с одной выращиваемой культуры на другую (зерно/картофель). Во втором, логика смещения «похорон Бабки»⁷ связывается с формой деятельности (индивидуальная/коллективная, семейная/общественная): от уборки, которая выполнялась силами семьи, без привлечения сторонних сил, к посадке картофеля – разновидности помочей, завершающихся совместным застольем.

Известны случаи, когда ритуальные *резанье* или *битье* происходило в дни календарных праздников. По описаниям М. Максимовича, в Спасов день (6/VIII) хозяйка до восхода солнца идет на капустную грядку и приговаривает, обращаясь к капусте: «Добрый день, капусточко! *Прийшов Спас – тебе різати час!*» <...> «Одягнися, у намітку завернися», «пора тобі в головочки складатися» (Максимович 2002: 130). Сходный пример, зафиксированный в украинской традиции, приводит А.Б. Мороз (Мороз 2000: 135).

Действия стимулирующего характера также могли совершаться в период роста овощных культур – капусты, картофеля, лука. В. Усачева отмечает ритуальное «*хлестание*» кочанов капусты словацкими женщинами в день Св. Якуба (12/VII) или Св. Анны (13/VII). Подойдя к капустной грядке, они начинали хлестать «своими чепцами по кочанам, побуждая капусту завивать крупные вилки, говорили (Усачева 2008: 108).

«Лякання картоплі». «Лякання картопли» – обряд, приуроченный ко времени созревания первых плодов. Поэтому у южных и северных славян обрядовые действия совершались в различное время.

В с. Крячковка, Пирятинского р-на Полтавской обл. была записана реконструкция обряда – «лякання картоплі», приуроченного здесь к празднику Св. Петра и Павла. Приведу подробное описание огородного действа.

Прежде, чем пойти на огород, хозяйка переоделась в мужскую одежду (Рис. 1): «*Штани одівають* мужика якогось доброго, підпорізуються мотузкою якою-небудь доброю. Ну, обично, *підпорізувалися не цим – коноплями*⁸. *Одягають шапку*, обов’язково откочують всі вуха (в шапке-ушанке – Е.С.). *Кожух надівають*. <...> *Кожух навиворот одівають обов’язково*» (ПМА 6: 1562, Роздабара Н., 1936 г.р.).

Рис. 1. «Лякання картоплі». Н. Роздабара. Полтавская область, Пирятинский район, с. Крячковка (фото Е. Самойловой, 2009).

У хозяйственных построек Н. Роздабара взяла ведро и лопату. Лопату с надетым на нее ведром подняла вверх и прижала обеими руками к груди таким образом, чтобы ведро оказалось переброшенным назад через левое плечо. В таком виде она отправилась на огород. Подойдя к картофельным грядкам, остановилась: сняла ведро, взяла его в левую руку и стала бить по нему лопатой, которую держала в правой руке. Свои действия она сопровождала словами: «Стережись, стережись, картопле! Стережись! Іду копати. Урожай дивиться. Ой, *підростає швидко!* До нового літу, *щоб урожай був добрий.* Ну, я подивлюсь, яка ти в мене. *Стережись, картопле!* Так, де ми попробуємо кущик? А тут! *Рятуйся, рятуйся!* Ну, покажись, який в тебе врожай о цей рік! Що ти дала нам?» (ПМА 6: Роздабара Н., 1936 г.р.).

Подкопав лопатой один из картофельных кустов, она обратилась к картошке: «Який дала урожай? Та шей нічого. Слава Богу! Ось, яка картопелька! Ось яка є,

оце добре!» (Там же). Затем было выкопано и подрито (руками) еще несколько кустов.

Уходя с грядки, Н. Роздабара поклонилась на четыре стороны света (поворачиваясь «против солнца») и высказала надежду на хороший урожай: «Ну, то *тепер же рости, хороша будь!* Хороша картопелька, бач яка гарна! Буде богатий урожай! *Господи, помози нам! Уроди далі на цей урожай! Дякую тобі, поле моє дороге!* Дякую, рости! Хай Бог помагає!» (Там же). Она обращается к тем «участникам» процесса, от которых (по существующим представлениям) зависит благополучие овощевода – картофелю (наказ – «*рости, хороша будь*», похвала – «бач яка гарна»), высшим силам (прошение – «*Господи, помози нам*», «*уроди далі*»), земле (благодарность – «*дякую тобі, поле*», наказ – «*рости*») (ПМА 6: Роздабара Н., 1936 г.р.).

В рассмотренном примере из области огородной «дипломатии» очевиден параллелизм исследуемых кодов. Тактический ход предполагает поворот от политики агрессии, угроз – «кнута» (*рятуйся, стережись*), к задабриванию, похвале – «прянику» (*хороша картопелька, гарна*), и позволяет использовать арсенал имеющихся средств для достижения желаемого результата.

На Полтавщине (Оржицкий, Семеновский и Пирятинский р-ны) «лякання картоплі» могло быть приурочено к Иванову дню или дню Св. Петра и Павла: «А оце на Івана Крестителя *картошку капаверили – дивились, яка вона, та картошка. Підривали її.* Ну, і *першу картошку*, як раз пост – ту першу картошку пробували» (ПМА 3: Бобрицкая Л., ок. 50 л.). Но иногда обряд совершался *по случаю*: «А я лякаю – тільки появилось під кущами – я лякаю!» (ПМА 3: Житинская Л. ок. 50 л.). В этот день

семья собиралась на праздничный ужин. На праздничный ужин с первой картошкой старались подать и «перше курча»: «Це так РАНьше було, у картошку – курча» (ПМА 3: Житинская Л., ок. 50 л.).

В Оржицком р-не была сделана единственная запись, в которой указывается на «ляканья» посевного картофеля «в день Явдошки» (Св. Евдокии 1/III): «На Явдошкі взятъ відро картошки. З цього, з погребѣ. І ото, воно хай мучиться, хай жде» (ПМА 3: Грицун А., ок. 35 л.).

Сходные приемы – *подкапывание* или *подрывания* картофеля в период «*смотрины*» первых плодов отмечаются в практиках огородничества на территории Русского Севера. И хотя в полевых материалах отсутствуют интерпретации информантов, раскрывающие причины возникновения подобных практик, или терминов, сходных с употребляемыми в традиции западных и южных славян, они вызывают интерес и позволяют отметить параллели, существующие в земледельческих практиках.

В севернорусских деревнях картофель «подкапывают» на несколько недель позже, чем в южных районах, обычно в день Св. Ильи, или в Спасов день (6/VIII) (ж., ок. 70 л.). Хозяйки аккуратно подрывают руками или сапкой несколько кустов картофеля, а вечером приглашают семью попробовать «первой картошки». В севернорусских деревнях хозяйки совершают действия, сходные с теми, которые описывают женщины в украинской традиции: аккуратно достают небольшое количество корнеплодов и готовят их для семейного ужина.

Рассмотрим несколько примеров из культурных традиций других народов.

В Малопургинском р-не Республики Удмуртии удалось записать сходный обычай. Интересно, что здесь исполнителями обряда могут быть дети: «Обычно это делаю я или мой брат. Что-нибудь новенькое искать отправляют младших детей, которые что-то соображают – подростков. Дают право ему первому обнаружить что-то» (ПМА 8: Коротаева Е.). Картофель подкапывают накануне Ильина дня: «Вечером берут лопату или вилку для картошки, идут в огород. Если там в нескольких местах посажена, то *подкапывают* с разных мест. *Проверяют, какая уродилась*: крупная – не крупная, много – не много клубней. Приходим докладывать старшим. Выкапывают весь куст. <...> А в Ильин день идут и специально выкапывают чуть-чуть. “Учкон” – *смотреть картошку*. Ее мою и варят в мундире» (ПМА 8: Коротаева Е.). О распространенности обычая можно судить по тому, как охотно откликались на вопрос о «*смотринах*» картофеля женщины и девушки.

В традиции чувашей «*смотрины*» картофеля приходились на Ильин день – до этого времени подкопка не разрешалась. На огороде придерживались особых правил: в этот день запрещалось ходить между грядками. В дом приносили первые плоды и собравшиеся с интересом их разглядывали, вертели в руках: «Какая? – Такая, такая (описывали картофель – Е.С.). Насколько выросла. Главное – *глазами увидеть*⁹ (устроить *смотрины* – Е.С.)» (ПМА 9).

У талышей¹⁰ кеденциальный код встраивался в ритуальные практики, приуроченные к снятию первых плодов (разрезание плода и деление частей между участниками ритуальной трапезы как залог хорошего урожая). «Возьмем для примера огурец, но этот обряд относится к абсолютно любой культуре. *Когда созревает самый первый плод*, его не разрешают никому трогать. Ждут, когда он полностью поспевает <...> Потом по разрешению главы семьи или старшей хозяйки дома его срывают в большую (!) корзину, чтобы ко времени следующего собирания плодов, их было так

же много, как велика эта корзина. Когда его приносят домой, *разрезают на части* и раздают домочадцам, чтобы они его съели» (ПМА 10). Обратим внимание на использование корзины – предмета из класса вещей с «пронимальной символикой» («пронимальная магия») (Щепанская 1999). В отличие от обрядовых практик, сохраняющихся у славян и финно-угров, у талышей обряд первых плодов сопровождается приемами имитативной магии с использованием формулы «как..., так...»: чтобы «их было так же много, как велика эта корзина» (Там же.). У славян аналогичные приемы используются при посадке растений¹¹.

В садоводстве сохраняется та же последовательность действий. Считается, что *дерева не должна коснуться рука вора* (даже если это член семьи). Срывать можно плод только с разрешения главы семьи, т.к. дерево может «обидеться», не плодоносить больше никогда или иссохнуть» (ПМА 10).

Ритуальные запугивания у талышей приурочены к празднику Кулэ ид (Кулэ руж), который приходится на последнюю среду в преддверии Нового года¹²: «Делается это утром. *Пугают детей, деревья, любые сельскохозяйственные культуры*. Пугают *топором, ножом, палкой* и т.п. (Предметный ряд совпадает с тем, который используется у южных славян. См.: Толстой 2003: 346–356), приговаривая “если не будешь плодоносить в новом году, то я тебя срублю”. На деревьях засечек не делают, только подходят близко и *замахиваются, пугая их*» (ПМА 10). В полеводстве и огородничестве могут запугивать любые культуры, «которые посажены к этому времени (к кулэ ид/кулэ руж – Е.С.) и должны плодоносить в новом году» (Там же).

Рассмотренные примеры позволяют выделить сходные схемы в аграрных практиках, связанные с приемами продуцирующей магии, основанными на *запугивании* выращиваемых культур, а также выявить ряд характерных действий, совершаемых на *смотринах* первых плодов.

В культурных традициях славян метод «кнута» мог применяться и при выращивании лука.

Рис. 2. Примятый лук на огородной грядке. Вологодская область, Кирилловский район, с. Крутецкая (фото Е. Самойловой, 2013).

Лук. При разведении лука, пользуются сходной методикой, с той разницей, что культуру не подрывают, а «*топчут*» или «*заламывают*» луковые перья. «Топтанье» могло происходить сразу после посадки и/или в преддверии уборки урожая (примерно за две недели до начала работ). В XIX в. на Полтав-

щине использовали оба варианта: «После посадки грядку утаптывают (*плецуют*) различными способами: девушки катаются. Толчутся или ездят по ней; часто уравнивают или прибавают просто лопаткой. Когда лук подрос, его стараются примять просто катаньем для того, чтобы он шел лучше в головки, а не в стебель» (Милорадович 1991: 243). Здесь же удалось зафиксировать приуроченность топтаний к календарному празднику. В Оржицком р-не лук «лякают» («топчут») в Иванов день (24/VI): «цібую топчуть на Івана» (ПМА 3: Житинская Л., ок. 50 л.).

На Средней Пинеге, в Вологодской и Новгородской обл.: «Лук выкапывают в конце июля, начале августа. Недели за две, если очень крепкое перо, его надо наклонить и немножко прижать, чтоб оно переломилось» (ПМА 7, жен., ок. 70 л.). В начале августа 2011 г. в д. Андомский погост (Вытегорский р-н, Вологодская обл.) на большинстве огородов луковые перья были примяты, лежали на земле. Одна из женщин пояснила, что лук уже *потоптали* (рис. 2). Сходным образом поступают жители Кирилловского р-на (рис. 3). Жительницы Суражского р-на Брянской обл. считают, что величина луковых головок зависит от срезки пера: «Надо обрезать, конечно. Луку самому (перья – Е.С.) обрезать надо, тада больше будет (луковица – Е.С.)» (ПМА 13).

Рис. 3 Примятый лук "под охраной".
Вологодская область,
Вытегорский район, д. Андомский
погост (фото Е.Самойловой, 2011).

Земледелие. Коммуникативные конвенции

Акты ритуального кормления и битья (запугивания) могут рассматриваться в качестве средств продуцирующей и апотропеической магии. Они находят отражение в разнообразных символических действиях, таких как *битье, резка, стук, топтание, заламывание*; угощение осуществляется через *закапывание, сжигание или разбрасывание по земле обрядовой пищи*, а также в *совместной трапезе* участников обряда. Встречаются практики, в которые встраиваются один или оба кода (т.е. используется принцип взаимозамещения и параллелизма ритуальных элементов). Фиксация случаев параллелизма и взаимозамещения полярных кодов служит стимулом к поиску культурных базисов, обеспечивающих возможность их гибкого использования в хозяйственных практиках восточных славян.

В обрядах, стимулирующих рост и плодородие аграрных культур, коды кормления и битья связываются с символикой брака, брачных отношений, копуляции¹³. В свадебном обряде, записанном в Костромской обл., во время праздничного пира в доме жени-

ха мужчины поют «Дубинушку» и совершают ритуальные удары по печной заслонке: «Заслон откроют, *стучат* и поют. “Печка не открывается!”», – (кричат – Е.С.). Эх, дубинушка, ухнем! / Эх, зеленая сама пойдет! / Идет, идет! <...> Оттуда (из печи – Е.С.) вытаскивают ребенка – куклу. Несут невесте. За стол нясут. Признаки (рассматривают, определяют)» (ПМА 11, Балахонская А. 1922 г.р., Балахонский М. 1922 г.р.). Семантический ряд дополняется протаскиванием полотенца через петлю: «Полотенце подадут, узел, да петлю – все “Дубинушку кричат”. Один – туда, другой – сюда» (ПМА 11, инф. те же). Контекст действий, совершаемых с предметами, в которых заключена идея проницательной символики, прозрачен (См.: *Щепанская* 1999, 149–190).

Не менее показателен обряд угощения новоиспеченного зятя соломотом (Вологодская обл.), который включался в свадебную обрядность или был приурочен к масленичной неделе: «Для зятя дак всёгда мешают соломоту, штобы “штука” стояла, штобы дочку наладив хорошо» (*Морозов, Слепцова* 2004: 492). По обычаю, зять должен был первым отведать появившееся на столе блюдо, если он оказывался нерасторопным, то получал ложкой по лбу. Леви-Стросс, рассматривая один из мифов береговых индейцев Бразилии (тупинамба), отмечает, что кормление – метафора брачного акта «мужской способ “кормить”» женщину (*Леви-Стросс* 1999: 175).

На Средней Пинеге *кила* (фаллический символ) фигурирует в обрядовых дожинках/покопках (приносят отстающему в работе) и свадебном ритуале — свадебная песня «По полу кила, кила *валяется*» исполняется в преддверии брачной ночи (ПМА 15: Смоленская Л., ок. 65 л.). В огороде/поле ставили «Кол, два яйца, да х... вье» (ПМА 14: Арсентьева В., 1949 г.р.). *Килой трясли*: «Трясли все, скажут: кила, да вот эта...» (ПМА 15: Смоленская Л., ок. 65 л.).

Появление килы служило сигналом к началу помочей: «если ты принесла килу, значит ты должна помогать (убирать) картошку человеку» (ПМА 14: Арсентьева В., 1949 г.р., Козьмовская Н., 1943 г.р.). Завершив работы, килу передавали по эстафете следующему. На последнем участке разрывали, разбрасывали по (на будущий урожай). Помочи завершались застольем.

В местной традиции прослеживаются те же логические маршруты перемещения ритуальных элементов, что и в случаях «Бабу резать», «Бабу хоронить» (полеводство –огородничество): «Килу поют, нарядят из тряпки. Кто не дождал, бригадиру поют той бригады» (ПМА 15: Вера Гавриловна, 1931 г.р.).

Во Франции существовал обычай греть на печи старшего брата или сестру не женившихся (или не вышедших замуж) до свадьбы младших. Это называлось «накормить салатом» или «накормить репой» (*Леви-Стросс* 1999: 318). Так поступали, чтобы растопить их холодность, которую считали причиной невступления в брак.

В «Сборнике образных слов и иносказаний» М. Михельсона находим упоминание об обычае взаимного бичевания супругов в целях воздержания от близости (*Михельсон* 1994: 159). Жена била мужа в третий день после Пасхи, а муж ее – в четвертый, поскольку считалось, что дети, зачатые в эти дни, рождаются уродливыми.

Синонимичные битью «топтание» и «ломание» также прочитываются через символику брачного акта. На свадебном пиру гости спрашивали молодого (утро второго дня) – «Лед ломал, или грязь топтал?» (*Байбурун* 1993: 86). А. Страхов выделяет эротическую функцию в обрядах обувания, попираания, «топтания» (*Страхов* 1983: 210). Аналогичные семиотические связи встречаются в разнообразных фольклорных текстах (игровые и обрядовые песни, частушки, ритуальные диалоги и др.).

Приведу пример частушки, исполняемой под наигрыш русского, в Бокситогорском р-не Ленинградской обл.: «*Пляши, топчи / Грибы будут. / Люби ребят, / Целовать будут*» (ПМА 16, Алексеева Т.). При построении текста используется прием семиотического параллелизма топтанье, пляска/вегетация, брак (топтанье – как один из распространенных элементов женской пляски в народной хореографии).

Существование символических связей рассматриваемых терминов подтверждаются результатами этимологического анализа. М.М. Маковский и С.С. Шляхова прослеживают на русском и индоевропейском материале семантическое сближение значений «рассекать, ударять, разрубать, раскалывать» и «огонь», «рождаться», «влага» (Маковский 1996: 365–366, 241; Шляхова 2003:111).

Обрядовое хлестание и битье использовалось в брачных играх молодежи, причем некоторые действия интерпретируются как приготовление пищи или угощение: «девкам давали репу», «девкам давали хрену» (хлестали по заду лопатой или жгутом), «шанги печь» (подавали девушке лопатой) (Морозов, Слепцова 2004, 520–521, 605). Используемый в обрядовых практиках кнут воспринимается как орудие защиты и одно из магических средств наделения плодовитостью всего живого (Плотникова 1999: 515–517).

Е.Л. Березович и К.В. Пьянкова рассматривают метафору кормить-бить на примерах словесных формул и сопровождающих их действий в сфере игры (Березович, Пьянкова 2007: 341–404). Так, игровые термины: «на пироги, на шанги, на мягкий хлеб», «каравай катать», «блины печь», «отведать масла», «масло жать», означают нанесение удара, т.е. код кормления находит выражение в словесной формуле, а код битья – в совершаемом действии.

Среди обрядов, связанных с полеводством, особое место занимают ритуальные танцы «на урожай». Мужской танец поляков – «на лен и коноплю», во время которого заводящий *бил участников ремнем или метлой*, «оттопыривал зад, спускал штаны и “ываливал” наружу penis» (Агапкина 2002: 171). В южнославянском ряженье постоянным атрибутом кукера является «фаллос» (деревянная палка), которым он *бьет* и гоняет всех встречных, имитирует коитус с «кукерицей» (Там же: 193).

Глагольные формы, употребляемыми при ритуальном битье в аграрных практиках, сходны с теми, что используются в текстах славянских заговоров: «*бить, стегать, пороть, драть, сечь, рубить, резать, колоть, протыкать; копьём пробить, косами скосить, молотом забить, топором изрубить, метлой замести, плугом запахать, бороной заборонить, в землю зарыть, в стене замуровать, осиновым колом проткнуть* (совпадения выделены курсивом – Е.С.)» (Виноградова 2005: 426, 427).

Существование «семиотической подстежки» (термин, предложен Т.Б. Щепанской при обсуждении статьи) позволяет свободно оперировать кодами. Техники управления, основанные на ритуалах кормления и битья, хорошо известны как «метод кнута и пряника». Многочисленные примеры свидетельствуют о популярности этого метода в аграрных практиках и его распространении в мифоритуальной культуре славян и других народов.

Распространенность метода объяснима сходными для традиционных моделей культуры принципами кодирования: совершение действий (кормление/битье) предполагает активацию определенной программы, необходимой для достижения желаемых результатов – ожиданий (стимуляция продуцирующей силы или защита). Программа составляется на основе знаний и опыта культурной группы и представляет определен-

ного рода соглашение – коммуникативную конвенцию (действие — следствие).

В рассматриваемых случаях базовыми становятся представления о возможности управления «страхом». Приемы «демонстрации силы» основываются на «использовании» и «перекодировании» страха (*Щепанская* 2003: 426). Умение «манипулировать страхом» служит доказательством «силы» знающего, а ее обретение состоит в «овладении страхом». Сопоставление методов, основанных на приемах перекодирования страха и демонстрации силы, в системе взаимоотношений человек/человек и человек/природа (растения) позволяет увидеть сходство используемых техник.

Таким образом, операционная система традиционной культуры (с ее многовековым информационным «архивом») обеспечивает полифункциональность и мобильную интеграцию (взаимозамещение и параллелизм) рассматриваемых кодов в практиках восточных славян (использование для достижения различных целей, в качестве апотропея, средства продуцирующей магии и др.).

Примечания

¹ В цитируемых текстах (здесь и далее) курсив мой – Е.С.

² ПМА хранятся в Архиве Фольклорно-этнографического центра им. А.М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова (далее, АФЭЦ) и личном архиве автора.

³ Код рассматривается в концепции У. Эко, как коммуникативная конвенция, набор некоторых ожиданий, следствий (ожидание основывается на опыте, знании социальной группы и равнозначно *идеологии*). Код устанавливает соответствие между означающим (означающее как смыслопорождающая формула) и означаемым (Эко 2006: 47, 72–73). В понимании У. Эко *идеология* – «*все то, с чем так или иначе знаком адресат и та социальная группа, которой он принадлежит* <...> мы опознаем идеологию как таковую, когда, социализуясь, она превращается в код. Так устанавливается тесная связь между миром кодов и миром предзнания. Это предзнание делается знанием явным, управляемым, передаваемым и обмениваемым, становясь кодом, коммуникативной конвенцией» (Эко 2006: 137).

⁴ Однако, встречаются и противоположные предписания. Так, в северных р-нах Псковской обл. в Чистый четверг мусор не выносили в свой огород: куда в этот день выбросишь мусор, туда петухи будут ходить бороться (НТКП 2002: 427).

⁵ Разнообразие угощений (от свежеприготовленных блюд до остатков – костей или пепла) предлагаемых земле, на рациональном уровне объясняется сходными процессами «усвоения» приношений. Зола и кости – любимые блюда и принимаются не менее благосклонно, чем варено из зерна. Костные и зольные удобрения повсеместно используются в традиционном земледелии и агрономии. Удобрять, удабривать – придавать «больше плодородия», сдобрять, улучшать; удобриться – умиласердиться (*Даль* 1998: 471).

На символическом уровне идеи «прорастающих» костей усваивались из сказок и легенд: из костей коровы вырастают чудесная яблонька или верба (*Афанасьев* 1984: 120–124); в числе огородных растений, по преданию выросших на месте погребений барвинок, базилик, роза, фиалка, гвоздика, хрен, картофель, лук, чеснок, табак (*Усачева* 2008, 162–166; *НБ* 2004, 208–211). Те же параллели с сором, собранным в дни ритуальных поминок (сор/пепел – предки – земля – урожай).

⁶ Угощение (кормление) участников помочей – не только акт скрепления социальных связей, признательность за помощь в трудовой практике, но также благодарность (земле) за полученный урожай или в счет будущего, т.е. в этом случае происходит опосредованная передача дара – *наслаждаются* «картофельную бабку», растение, землю.

⁷ В Бокситогорском р-не, где до настоящего времени сохраняется обрядовая рубка капусты, символические похороны совершаются только в отношении картофеля.

- ⁸ Ср. с перевязыванием деревьев перевяслом из хлебных колосьев: чтобы было столько плодов, сколько в снопе зерен (*Булгаковский* 1890: 181–182).
- ⁹ Сопоставим с записями из Солигаличского р-на Костромской обл.: «[– Е.С. А картошку подрывать, ходите?] – Да, у нас есть такие. Говорит, не копала, а просто так *посмотрела*» (ПМА 12, Антуфьева Г., ок. 60 л.).
- ¹⁰ Тальши – коренной народ Азербайджана и Ирана. Территория проживания – крайний юго-восток Азербайджана и прилегающие районы Ирана: горная и предгорная области Тальша.
- ¹¹ Ср. с посадкой капусты в Лубенском уезде Полтавской губ. хозяйка «Оборачивает *горошок* или черепок, накрывает его белым платком, кладет сверху камень и говорит: “Дай же, Господы, щоб ся капуста така поросла, як я оцей горшок сюды унесла, щоб була била, яким я билым платком прислала, щоб була тугая, як я цым каменем тугым приклала”» (*Милорадович* 1991: 243–244). Горшок, как и корзина, относится к предметам с «проницательной символикой».
- ¹² Навуз – Новый год у тальшей, отмечают 21 марта. (*Абилов* 2011: 112–113).
- ¹³ Копуляция – от лат. *copulation* – совокупление, соединение.

Источники и литература

- Абилов* 2011 – *Абилов И. Ш.* Народный календарь тальшей Азербайджана // Праздники и обряды как феномен этнической культуры: Материалы X Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: Комиссия научного туризма РГО, 2011. С. 110–116.
- Агапкина* 2002 – *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002.
- Афанасьев* 1957 – *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки: В 3-х т. М.: Наука, 1984. Т. 1.
- АФЭЦ 1 – Экспедиция ФЭЦ в Тверскую и Смоленскую обл., 1995 г. Основной аудиофонд (ОАФ).
- АФЭЦ 2 – Экспедиция ФЭЦ в Тверскую и Вологодскую обл., (инф.: Митюхина М.С., 1910 г.р., д. Бор). Зап.: Г. Лобкова, А. Мехнецов, Осипова Ж., 1990.
- Байбурин, Топорков* 1990 – *Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета: Этнографические очерки. Л.: Наука, 1990.
- Байбурин* 1993 – *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
- Бернштам* 1988 – *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX вв.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988.
- Богданович* 1877 – *Богданович А.В.* Сборник сведений Полтавской губернии. Полтава, 1877.
- Булгаковский* 1890 – *Булгаковский Д.Г.* Пинчуки. Этнографический сборник: песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверья и местный словарь // Д.Г. Булгаковский / Записки ИРГО по отделению этнографии. СПб.: Типография В. Безобразова и К., 1890, Т. 13. Вып. 3.
- Виноградова, Толстая* 1995 – *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.*, Кормление // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения. 1995. Т. 1. С. 602–606.
- Виноградова, Толстая* 1998 – *Виноградова Л.Н., Толстая С. М.* Структура и семантика ритуальных приглашений на рождественский ужин // Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988.
- Виноградова* 2004 – *Виноградова Л.Н.* Мороз // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 302–303.
- Виноградова* 2005 – *Виноградова Л.Н.* Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // Заговорный текст: генезис и структура. М.: Индрик, 2005.
- Виноградова, Толстая* 2005 – *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.*, Ритуальные приглашения

- мифологических персонажей на рождественский ужин: Формула и обряд / Толстая С.М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005. С. 514–523.
- Воропай* 2007 – *Воропай О.* Звичаї нашого народу: Етнографічний нариС. Харків: Фоліо, 2007.
- Даль* 1998 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М.: «Русский язык», 1998. Т.4.
- Зеленин* 1991 – *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991.
- Леви-Стросс* 1999 – *Леви-Стросс К.* Сырое и приготовленное / Мифологики в 4-х т. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. Т. 1.
- Леви-Стросс* 2000 – *Леви-Стросс К.* Происхождение застольных обычаев / Мифологики в 4-х т. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. Т. 3.
- Лобкова* 2000 – *Лобкова Г.В.* Древности псковской земли: Жатвенная обрядность. Образы, ритуалы, художественная система. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
- Маковский* 1996 – *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.: Владос, 1996.
- Максимович* 2002 – *Максимович М.* Дні та місяці українського селянина. Київ: Обереги, 2002.
- Милорадович* 1991 – *Милорадович В.П.* Житє-бытє лубенского крестьянина // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ: Либідь, 1991.
- Михельсон* 1994 – *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2-х т. М.: Терра, 1994. Т. 1.
- Мороз 2000* – *Мороз А.Б.* Народное огородничество у славян как система кодов Кодови славянских культуры: Земледелие. № 5. Београд. 2000. С. 131–141.
- Морозов, Толстой* 1995 – *Морозов И.А., Толстой Н.И.* Бить // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения. 1995. Т. 1. С. 177–180.
- Мосс* 1996 – *Мосс М.* Общества, обмен, личность. М.: Восточная литература, 1996.
- НБ* 2004 – «Народная библия»: Восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. М.: Индрик, 2004.
- НТКП* 2002 – Народная традиционная культура Псковской области: обзор экспедиционных материалов. СПб. – Псков: Издательство Областного центра народного творчества, 2002. Т. 1.
- Плотникова* 1999 – *Плотникова А.А.* Кнут // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 513–517.
- ПМА 1 – АФЭЦ, ОАФ: 0568. Кировская обл., Яранский р-н, 2010.
- ПМА 2 – АФЭЦ Основной видеофонд (ОВФ) 1389. Полтавская обл., Пирятинский р-н, С. Крячковка, 2009.
- ПМА 3 – Полтавская обл. (С. Маяковка, Оржицкого р-на, г. Полтава), 2011.
- ПМА 4 – АФЭЦ, ОАФ: 8032. Ленинградская обл., Бокситогорский р-н, 2008.
- ПМА 5 – АФЭЦ, ОАФ: 7842. Ленинградская обл., Бокситогорский р-н, 2008.
- ПМА 6 – АФЭЦ, ОВФ: 1562. Пирятинский р-н, Полтавская обл., 2009.
- ПМА 7 – Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Лохново, 2011.
- ПМА 8 – Республика Удмуртия, Малопургинский р-н, д. Иваново-Самарское, 2011.
- ПМА 9 – Интервью с д. и. н. А. К. Салминым. Запись в МАЭ РАН, 2011.
- ПМА 10 – Материалы переписки Е. Самойловой с И.Ш. Абиловым – сотрудником Талышской национальной Академии, 2011.
- ПМА 11 – АФЭЦ ОАФ: 7859. Костромская обл., Чухломской р-н, 2008.
- ПМА 12 – Костромская обл., Солигаличский р-н, 2013.
- ПМА 13 – Полевые записи в СПб., фольклорный ансамбль из Суражского р-на Брянской обл. (инф.: Н.И. Ткачева, 1942 г.р., П.В. Осипова, 1944 г.р., О.К. Гулакова, 1940 г.р., Т.С. Сидоренко, 1945 г.р.), 2013.
- ПМА 14 – Полевые записи в СПб., фольклорный ансамбль из д. Лохново, Пинежского р-на Архангельской обл., 2011.
- ПМА 15 – Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Лохново, 2012.

- ПМА 16 – Ленинградская обл., Бокситогорский р-н, д. Струги, 2014.
- Толстая* 2005 – *Толстая С.М.* Остатки пасхальной пищи и их ритуальное применение // *Толстая С.М.* Полесский народный календарь М.: Индрик, 2005.
- Толстой* 2003 – *Толстой Н.И.* Архаический ритуал-диалог // *Толстой Н.И.* Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. С. 313–409.
- Узенева* 2009 – *Узенева Е.С.* Сев // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь.* М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 602–607.
- Усачева* 2008 – *Усачева В.В.* «Магия слова и действия в народной культуре славян». М.: Институт славяноведения, 2008.
- Устюженский* 2004 – Календарные обряды и фольклор Устюженского района / сост.: Кулев А.В., Кулева С.Р., Вологда: ОНМЦ и ПК, 2004.
- Череповецкий* 2000 – Праздники и обряды Череповецкого района в записях 1999 г: Календарные праздники и обряды. Похоронно-поминальные обряды / сост.: Кулев А.В., Балакшина С.Р. Вологда: ОНМЦ и ПК, 2000.
- Шляхова* 2003 – *Шляхова С.С.* Тень смысла в звуке. Введение в русскую фоносемантику. Пермь: Пермский государственный технический университет, 2003.
- Щепанская* 1999 – *Щепанская Т.Б.* Пронимальная символика // *Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы / Сб. МАЭ. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. Вып. 57. С. 149–190.*
- Щепанская* 2003 – *Щепанская Т.Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX – XX вв. М.: Индрик, 2003.
- Эко* 2006 – *Эко У.* Отсутствующая структура: Введение в семиологию. СПб.: Simposium, 2006.

References

- Abilov I.Sh.* Narodnyi kalendar talyshei Azerbaidzhana // Prazdniki i obriady kak fenomen etnicheskoj kultury: Materialy X Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii. St. Petersburg: Komissii nauchnogo turizma RGO, 2011. Pp. 110–116.
- Afanasev A.N.* Russkie narodnye skazki. Moscow: Nauka, 1984. Vol. 1.
- AFETs 1 – Ekspeditsiia FETs v Tverskuii i Smolenskuii obl., 1995 g. Osnovnoi audiofond (OAF).
- AFETs 2 – Ekspeditsiia FETs v Tverskuii i Vologodskuii obl., (inf.: Mitiukhina M.S., 1910 g.r., d. Bor). Zap.: G. Lobkova, A. Mekhnetsov, Osipova Zh., 1990.
- Agapkina T.A.* Mifopoeticheskie osnovy slavianskogo narodnogo kalendara. Vesenne-letnii tsikl. Moscow: Indrik, 2002.
- Baiburin A.K.* Ritual v traditsionnoi kulture: Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavianskikh obriadov. St. Petersburg: Nauka, 1993.
- Baiburin A.K., Toporkov A.L.* U istokov etiketa: Etnograficheskie ocherki. Leningrad: Nauka, 1990.
- Bernshtam T.A.* Molodezh v obriadovoi zhizni russkoi obshchiny XIX nachala XX v.: polovozrastnoi aspekt traditsionnoi kultury. Leningrad: Nauka, 1988.
- Bogdanovich A.V.* Sbornik svedenii Poltavskoi gubernii. Poltava, 1877.
- Bulgakovskii D.G.* Pinchuki. Etnograficheskii sbornik: pesni, zagadki, poslovitsy, obriady, primety, predrassudki, poveria, sueveria i mestnyi slovar / D.G. Bulgakovskii // Zapiski IRGO po otdeleniiu etnografii. St. Petersburg: Tipografiia V. Bezobrazova i K., 1890, Vol. 13. Iss. 3.
- Dal V.I.* Tolkovyi slovar zhivogo velikorusskogo iazyka. Moscow: “Russkii iazyk”, 1998. Vol. 4.
- Dobrovolskii V.N.* Smolenskii etnograficheskii sbornik // Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. St. Petersburg: Tipografiia S.N. Khudiakova, 1894. Vol. XXIII. Iss. II. Pt. III.
- Eko U.* The Absent Structure: Introduction to Semiotics. St. Petersburg: Simposium, 2006.
- Календарные обряды и фольклор Устюженского района / Сост.: *Kulev A.V., Kuleva S.R.* Вологда: ОНМЦ и ПК, 2004.
- Levi-Strauss C.* The Origin of Table Manners / Mythologies in 4 Vol. Moscow; St. Petersburg:

- Universitetskaia kniga, 2000. Vol. 3.
- Levi-Strauss C.* The raw and the cooked / Mithologiques v 4–kh Vol. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaia kniga, 1999. Vol. 1.
- Lobkova G.V.* Drevnosti pskovskoi zemli: Zhatvennaia obriadnost. Obrazy, ritualy, khudozhestvennaia sistema. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2000.
- Makovskii M.M.* Sravnitelnyi slovar mifologicheskoi simvoliki v indoevropskikh iazykakh. Moscow, Vlados, 1996.
- Maksimovich M.* Dni ta misiatsi ukrainskogo selianina. Kiev: Oberegi, 2002.
- Mauss M.* The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies. Moscow: Vostochnaia literatura, 1996.
- Mikhelson M.I.* Russkaia mysl i rech: Svoe i chuzhoe: Opyt russkoi frazeologii: Sbornik obraznykh slov i inokazanii. Moscow: Terra, 1994. Vol. 1.
- Miloradovich V.P.* Zhite-byte lubenskogo krestianina // Ukraïntsi: narodni viruvannia, povir'ia, demonologii. Kiev: Libid, 1991.
- Moroz A.B.* Narodnoe ogorodnichestvo u slavian kak sistema kodov Kodovi slavianskikh kultura: Zemledelie. No. 5. Beograd. 2000. Pp. 131–141.
- Morozov I.A., Tolstoi N.I.* Bit // Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 1995. Vol. 1. Pp. 177–180.
- «Narodnaia bibliia»: Vostochnoslavianskie etiologicheskie legendy / Sost. i komment. O.V. Belovoi. Moscow: Indrik, 2004.
- Narodnaia traditsionnaia kultura Pskovskoi oblasti: obzor ekspeditsionnykh materialov. St. Petersburg. – Pskov: Izdatelstvo Oblastnogo tsentra narodnogo tvorchestva, 2002. Vol. 1.
- Plotnikova A.A.* Knut // Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999. Vol. 2. Pp. 513–517.
- PMA 1 – AFETs, OAF: 0568. Kirovskaia obl., Iaranskii r-n, 2010.
- PMA 10 – Materialy perepiski E. Samoilovoi s I.Sh. Abilovym– sotrudnikom Talyshskoi natsionalnoi Akademii, 2011.
- PMA 11 – AFETs OAF: 7859. Kostromskaia obl., Chukhlomskoi r-n, 2008.
- PMA 12 – Kostromskaia obl., Soligalichskii r-n, 2013.
- PMA 13 – Polevye zapisi v SPb., folklorni ansambl iz Surazhskogo r-na Brianskoi obl. (inf.: N.I. Tkacheva, 1942 g.r., P.V. Osipova, 1944 g.r., O.K. Gulakova, 1940 g.r., T.S. Sidorenko, 1945 g.r.), 2013.
- PMA 14 – Polevye zapisi v SPb., folklorni ansambl iz d. Lokhnovo, Pinezhskogo r-na Arkhangel'skoi obl., 2011.
- PMA 15 – Arkhangel'skaia obl., Pinezhskii r-n, d. Lokhnovo, 2012.
- PMA 16 – Leningrad'skaia obl., Boksitogorskii r-n, d. Strugi, 2014.
- PMA 2 – AFETs Osnovnoi videofond (OVF) 1389. Poltav'skaia obl., Piriatinskii r-n, 2009.
- PMA 3 – Poltav'skaia obl. (s. Maiakovka, Orzhitskogo r-na, g. Poltava), 2011.
- PMA 4 – AFETs, OAF: 8032. Leningrad'skaia obl., Boksitogorskii r-n, 2008.
- PMA 5 – AFETs, OAF: 7842. Leningrad'skaia obl., Boksitogorskii r-n, 2008.
- PMA 6 – AFETs, OVF: 1562. Piriatinskii r-n, Poltav'skaia obl., 2009.
- PMA 7 – Arkhangel'skaia obl., Pinezhskii r-n, d. Lokhnovo, 2011.
- PMA 8 – Udmurtiia, Malopurginskii r-n, d. Ivanovo–Samarskoe, 2011.
- PMA 9 – Interviu s d. i. n. A. K. Salminym. Zapis v MAE RAN, 2011.
- Prazdniki i obriady Cherepovetskogo raiona v zapisiakh 1999 g.: Kalendarnye prazdniki i obriady. Pokhoronno-pominalnye obriady / Sost.: Kulev A.V., Balakshina S.R. Vologda: ONMTs i PK, 2000.
- Shchepanskaia T.B.* Kultura dorogi v russkoi miforitualnoi traditsii XIX – XX v. Moscow: Indrik, 2003.
- Shchepanskaia T.B.* Pronimalnaia simvolika // Zhenshchina i veshchestvennyi mir kultury u narodov Rossii i Evropy / Sb. MAE. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1999. Vol. 57. Pp. 149–190.

- Shliakhova S.S.* Ten smysla v zvuke. Vvedenie v russkuiu fonosemantiku. Perm: Permskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 2003.
- Tolstaia S.M.* Ostatki paskhalnoi pishchi i ikh ritualnoe primenenie / Tolstaia S.M. Polesskii narodnyi kalendar Moscow: Indrik, 2005.
- Tolstaia S.M., Vinogradova L.N.* Kormlenie // Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia. 1995. Vol. 1. Pp. 602–606.
- Tolstaia S.M., Vinogradova L.N.* Ritualnye priglasheniia mifologicheskikh personazhei na rozhdstvenskii uzhin: Formula i obriad / Tolstaia S.M. Polesskii narodnyi kalendar. Moscow: Indrik, 2005. Pp. 514–523.
- Tolstaia S.M., Vinogradova L.N.* Struktura i semantika ritualnykh priglashenii na rozhdstvenskii uzhin / Etnolingvistika teksta: Semiotika malykh form folklora. Tezisy i predvaritelnye materialy k simpoziumu. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki AN USSR, 1988.
- Tolstoi N.I.* Arkhaicheskii ritual-dialog // *Tolstoi N.I.* Ocherki slavianskogo iazychestva. Moscow: Indrik, 2003. Pp. 313–409.
- Usacheva V.V.* Magiia slova i deistviia v narodnoi kulture slavian. Moscow: Institut slavianovedeniia, 2008.
- Uzeneva E.S.* Sev // Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2009. Vol. 4. Pp. 602–607.
- Vinogradova L.N.* Formuly ugroz i prokliatii v slavianskikh zagovorakh // Zagovornyi tekst: genesis i struktura. Moscow: Indrik, 2005.
- Vinogradova L.N.* Moroz // Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004. Vol. 3. Pp. 302–303.
- Vinogradova L.N., Tolstaia S. M.* Struktura i semantika ritualnykh priglashenii na rozhdstvenskii uzhin / Etnolingvistika teksta: Semiotika malykh form folklora. Tezisy i predvaritelnye materialy k simpoziumu. Moscow, 1988.
- Vinogradova L.N., Tolstaia S.M.* Ritualnye priglasheniia mifologicheskikh personazhei na rozhdstvenskii uzhin: Formula i obriad / Tolstaia S.M. Polesskii narodnyi kalendar. Moscow, Indrik, 2005. Pp. 514–523.
- Vinogradova L.N., Tolstaia S.M.,* Kormlenie // Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 1995. Vol. 1. Pp. 602–606.
- Voropai O.* Zvichaï nashogo narodu: Etnografichnii naris. Kharkiv: Folio, 2007.
- Zelenin D.K.* Vostochnoslavianskaia etnografiia. Moscow: Nauka, 1991.
- Щепанская Т.Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX – XX вв. Moscow: Indrik, 2003.

E.V. Samoilova. Codes of feeding and beating (intimidation) in the system of agricultural practices: Phenomenon of parallelism and interchangeability.

The article considers the issues related to the practices of ritual feeding and beating in traditional agriculture of Slavs: parallelism and mutual replacements of caedential (beating) and pascential (feeding) codes. Such polar stimulus methods as praise and threats, beating and feeding can be used for stimulation of vegetative force of plants. How are correlations between the two polar codes generated and maintained? Searching the answer to this question, are considered practice of intimidation and «gratification» of plants (earth): feeding, «lyakannya kartopli» (intimidation of potatoes), «Cutting the Woman» and «Burying the Woman» (registered during ritual harvesting and planting of cereals and potatoes) etc.

Key words: ritual, feeding, beating, «the carrot and stick approach», farming.

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

УДК 39+ 398.341

© Ю.Н. Квашинин, Р.И. Сенько

ЧТО ОТ ВАС УШЛО, ТО К НАМ ПРИШЛО (СЕЛЬКУПСКИЙ ШАЛАШ У ТУНДРОВЫХ НЕНЦЕВ)

В статье рассматриваются вопросы бытования у тундровых ненцев низовой р. Таз временного переносного полусферического жилища – шалаша. Показано, что шалаш не является традиционным видом жилой постройки ненцев. Его конструировали народы, проживавшие в таежной зоне Среднего Енисея – кеты, эвенки, селькупы. В зонах межэтнических контактов он распространялся среди хантов, ненцев, якутов. Выявлено, что нижнетазовские ненцы переняли навыки изготовления шалаша у селькупов, переселявшихся на рубеже XIX–XX веков со Среднего Таза в низовья. До конца XX века ненцы изготавливали шалаша селькупского типа эпизодически, отправляясь на охоту или рыбалку. Массовое изготовление было налажено только на рубеже XX–XXI веков, когда в Тазовском районе началась реорганизация рыбодобывающей промышленности.

Ключевые слова: низовья Таза, ненцы, селькупы, рыбный промысел, межэтнические контакты, шалаш.

Введение

В истории народов Сибири известны случаи, когда естественное развитие социально-экономических или демографических процессов ускорялось под влиянием внешнего воздействия и приводило к замене или сдвигу традиционных хозяйственных занятий, частичной или полной ассимиляции, культурным заимствованиям и пр.

Сегодня научно-технический прогресс, темпы которого возросли многократно, даже по сравнению с концом XX века, оказывает существенное воздействие на жизнь и быт всех коренных сибирских жителей. Строительство и обустройство поселков, прокладка дорог в отдаленные районы, доступность различных средств связи и массовой информации изменяют самоощущение людей в условиях новой реальности. Происходит постепенное стирание этнокультурных различий. Многие сибиряки, независимо от национальности, живут сейчас в типовых домах, носят покупную одежду, пользуются современными видами транспорта. Ранее довольно замкнутые и малообщительные аборигены, становятся все более коммуникабельными и открытыми. Многие из них получают высшее образование, осваивают новые для себя профессии.

На фоне этого интересно наблюдать возвращение в повседневную жизнь коренных жителей некоторых элементов традиционного быта, давно вышедших из

Квашинин Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН. Эл. почта: ukwa@yandex.ru.

Сенько Роман Иванович – научный сотрудник Историко-мемориального музея «Смольный». Эл. почта: rs-spb@mail.ru.

массового употребления. Один из таких элементов – сезонное переносное жилище селькупского типа, бытующее сегодня у ненцев-рыбаков низовий р. Таз – мы рассмотрим в нашей статье. Постараемся ответить на вопросы, когда нижнетазовские ненцы переняли у селькупов такой тип жилища и какими причинами было вызвано это заимствование. Материалы для статьи были собраны в ходе экспедиций 2011, 2013, 2014 и 2016 годов в Тазовском р-не ЯНАО¹. В качестве сравнения приведены сведения из научной литературы о жилищах других народов Сибири.

В августе 2011 года один из авторов данной статьи впервые побывал на рыбопромысловых участках ООО «Тазагрорыбпром»², расположенных на берегах протоки Щучья (левого рукава р. Мессо-Яха), впадающей в Тазовскую губу недалеко от устья р. Таз. Все участки располагаются здесь вдоль протоки, поэтому не имеют названий по географическим объектам, а обозначены просто цифрами – 7-8-е, 5-6-е, 3-4-е пески. От районного центра п. Тазовский и ближайшего национального села Находка участки находятся на примерно равном расстоянии (около 40 км по прямой линии). Население участков состоит в ведении администрации сельского поселения Тазовский. Большинство мужчин трудоспособного возраста числятся рыбаками, а женщины – чумработницами.

Здесь ненцы занимаются сезонным рыболовством. Летом они, вместе с рыбаками, приписанными к с. Находка, централизованно переправляются целыми семьями в низовья р. Таз, для лова *щокура*, *пыжьяна*, *сырка* и другой рыбы. В сентябре рыбаков привозят обратно на Щучью для лова ряпушки, а зимой вывозят на подледный лов на побережье Тазовской губы.

В 1930–1940-е годы ненцы-рыбаки, проживавшие в низовьях Таза и на побережье Тазовской губы, были организованы в коллективные хозяйства. Судя по данным похозяйственных книг Тазовского сельского совета, в 1950-е годы пески принадлежали рыбакам рыболовецкой артели им. Калинина. В начале 1960-х годов артель получила название «Заветы Ильича», а с 1962 года стала именоваться просто одним из рыбопромысловых участков **Тазовского рыбокомбината (ПИМ 1)**.

Первая фактория, названная 5-6-е пески, была построена в начале 1980-х годов на левом берегу протоки Щучьей на месте рыбопромыслового участка Сарев-Надо³. В 2000-м году здание фактории было обновлено. Сейчас там имеются магазин, хлебопекарня, жилые комнаты для обслуживающего персонала, ремонтные мастерские, обустроен пункт приема рыбы. Отдельно на берегу стоят здания клуба, фельдшерско-акушерского пункта. Ненцы-рыбаки проживают рядом в нескольких типовых деревянных домах, обшитых сайдингом. Летом некоторые семьи ставят чумы. Вещи хранят, как обычно, на грузовых нартах, расставленных в ряд за домами. Площадь, занимаемая постройками, составляет примерно 500 м. Фактория обслуживает не только своих рыбаков, но и жителей соседних рыболовных песков.

Рыбопромысловый участок 7-8-е пески располагается по обоим берегам протоки Щучьей, на ее стрелке с протокой Варантаняво. Построек здесь немного, и они стоят на неравном расстоянии друг от друга. В целом участок занимает территорию около 600 м. Жилищем для рыбаков служат типовые деревянные дома, обшитые сайдингом, или вагон-дома «Полярис»; имеется несколько самодельных построек, жилого и хозяйственного назначения. Вдоль берега стоят нарты с зимними вещами, лежат, перевернутые вверх дном, деревянные и дюралюминовые лодки, на бревенчатых вешалах сушатся сети.

Рыбопромысловый участок 3-4-е пески также расположен на обоих берегах протоки, примерно в 3-х км выше по течению от фактории. Территория поселения, обследованного нами на левом берегу, больше по размеру чем на 7-8-х и 5-6-х песках. На протяжении береговой линии примерно в 800 м стоят полтора десятка деревянных домов, несколько вагончиков и чумов. Вдоль берега ручья, протекающего параллельно протоке, установлены самодельные хозяйственные постройки, нарты с вещами.

Среди привычных для этнографа традиционных и современных строений, находящихся на этих рыболовецких участках, особое внимание обратили на себя небольшие по размерам (≈ 2 м в длину, 1,5 м в ширину, 1,5 м в высоту) полусферические конструкции, собранные из согнутых дугами тонких веток деревьев, связанных в местах пересечения веревками (Рис. 1)

Сразу вспомнились, виденные в научной литературе изображения, которые, однако, относились к другим народам Сибири. Расспросив жителей рыболовецкого участка 5-6-е пески, удалось выяснить, что это переносное жилище рыбаков, которое используется при сезонных переправах на рыболовные угодья. Называют его просто *шалаш* или *балаган*, реже, по-ненецки *мюсерта мя* – кочевой чум. Материалом для постройки шалаша служат ветки небольших деревьев. Чаще всего используют черемуху, реже тальник⁴ или березу. Такие конструкции устанавливают на баржи, которые перед началом летней путины катерами переправляют с протоки Щучьей в низовья Таза, а по окончании обратно. В каждом шалаше помещается одна семья. Каркас из веток покрывается обычно куском брезента, защищая людей от солнца, дождя и ветра (ПМА 2: Неркахи).

Рис. 1. Полусферическая конструкция. Рыболовецкий участок 3-4-е пески (фото Ю.Н. Квашина, август 2011 г.).

В экспедиции 2013 года шалаша удалось зафиксировать на местах летнего промысла находкинских и тазовских рыбаков, расположившихся в низовьях р. Таз. Самое крайнее угодье, Надо-Марра, находилось почти на границе с Красноселькупским р-ном ЯНАО. Дальше вниз по течению стояли угодья Яун-Тарка, Харбей, Саньков-Марра⁵, Нямгудоче, 100-й километр⁶. Здесь были отмечены конструкции как сделанные традиционно, из тонких веток, так и отдельные модифи-

цированные варианты, к примеру, сколоченные из тонких струганных досок или сделанные из тонких алюминиевых трубок, соединенных болтами и гайками с деревянной основой (Рис. 2, 3). В 2016 году на рыболовном угодье Надо-Марра были зафиксированы конструкции каркаса шалаша, изготовленные из пластмассовых трубок (Рис. 4).

Рис. 2. Каркас шалаша из тонких струганных досок. Рыболовное угодье Надо-Марра (фото Ю.Н. Квашина, август 2013 г.).

Рис. 3. Каркас шалаша из тонких алюминиевых трубок (слева). Рыболовное угодье Нямеудочи (фото Ю.Н. Квашина, август 2013 г.).

По словам информантов, шалашы из веток деревьев начали делать местные умельцы примерно лет 20 назад, т.е. где-то с середины 1990-х годов. (ПМА 3: Салиндер). Во время экспедиции 2014 года авторам статьи удалось познакомиться с одним из первых конструкторов этого жилища, проживавшим на рыбопромысловом участке 7-8-е пески. Его звали Сергей Николаевич Евай (Рис. 4). По рассказам мастера, подобные постройки делал его отец, находясь с сыном на охоте или рыбалке⁷. На вопрос

Рис. 4. Каркас шалаша из пластмассовых трубок. Рыболовное угодье Надо-Марра (фото Ю.Н. Квашина, август 2016 г.).

Рис. 5. Евай С.Н. Один из конструкторов шалаша. Рыболовецкий участок 7-8-е пески (фото Ю.Н. Квашина, август 2014 г.).

от кого отец перенял навыки постройки такого шалаша, он ответить не смог (ПМА 4: Евай). Информанты с Надо-Марра добавили, что еще одним конструктором шалашей был старик Тили Салиндер (1926 г.р.)⁸. У этих двух мастеров перенимали опыт другие рыбаки (ПМА 5: Тер).

Подобный тип жилых построек нехарактерен для ненцев и других народов, про-

живающих в арктической и типичной тундрах, с их мохово-лишайниковым и мелкокустарничковым покровом. Такие конструкции можно делать только в лесотундре, тайге или, по крайней мере, в южной тундре, где вдоль рек и проток произрастают высокие кустарники и деревья. Изобилие материала и простота изготовления определили быстроту распространения шалаша среди ненцев-рыбаков низовий Таза.

Pass it around⁹

В работах этнографов нет развернутых описаний шалашей, бытовавших у тундровых ненцев. Только в классической монографии Л.В. Хомич «Ненцы» имеется краткое упоминание следующего содержания: «Из временных жилищ, употребляемых на промыслах или в пути, можно отметить шалаша из ветвей хвойных или лиственных деревьев...» (Хомич 1966: 112). Информацию о шалашах Людмила Васильевна, скорее всего, почерпнула в экспедиции в Тазовский район в 1962 году (Хомич 2008: 4).

ла в экспедиции в Тазовский район в 1962 году (Хомич 2008: 4).

Чтобы узнать, как и когда у нижнетазовских ненцев появился подобный тип жилища, необходимо прежде рассмотреть вопрос о бытовании шалашей у их соседей.

Самым ранним из известных нам описаний временных жилищ у жителей Сибири является описание М.А. Кастрена 1856 года. Путешествуя по северу Томской губернии, он и его спутники остановились в селе Тымском, недалеко от которого смогли наблюдать разнообразные каркасные постройки селькупов и васюганских хантов. В книге это передано так: «После того как мы отдохнули здесь одну ночь, мы продолжили наше путешествие без остановок и вскоре достигли одной Русской рыбалки, которая состояла по крайней мере из двадцати юрт. Они были разбросаны в беспорядке на обширном песчаном поле берега реки. Среди них не было двух, похожих друг на друга. Одни были круглые, другие четырехугольные, иные пирамидальной или конической формы, но большинство из них были бесформенными. По большей части они были сложены из бересты, но так плохо сделаны, что осенними штормами она не только сплющена и изогнута, но и вырвана кусками из стен. С точки зрения размера большинство были таковыми, что через дверь можно вползти внутрь только на карачках, и не иначе, чем в сидячем или лежащем положении там же оставаться. Все эти жилища были частично самодов, частично васюганских остяков, из-за нужды вступивших в ненавистную сделку с арендатором рыбалки, который, как говорили, был Нарымским купцом...»¹⁰ (Castren 1856: 128).

Судя по материалам Г.А. Пелих, каркасные постройки-балаганы, в которых селькупы Томской области жили во время летней рыбалки, к началу 1950-х годов, видимо, уже вышли из широкого употребления (Пелих 1972: 44-60). Исследователи, работавшие в Нарымском Приобье на рубеже 1980–1990-х годов, отмечали, что здешние селькупы утрачивают навыки изготовления традиционных промысловых построек, так как рыболовный и охотничий промыслы не являются для них основными источниками существования (Шаргородский 1994: 40-42, 50). Не были отмечены исследователями балаганы у селькупов и эвенков, проживающих сегодня в С. Совречка Туруханского р-на Красноярского края (Степанова 2015: 133).

Возможно, дольше по времени использовали балаганы, называемые *тонтох-қа* хантами-охотниками р. Васюган. Полевые записи об этом Н.В. Лукиной датируются 1970-м годом: «... в землю втыкали прутья, сгибали дугой и накрывали берестой. Верх, боковые и задние стенки, а также боковые части передней стены закрывались берестой. В середине передней стены оставляли проем для двери, его завешивали тряпкой. В балагане натягивали полог» (Лукина 2004: 133). Некоторое сходство с данным описанием можно обнаружить на рисунке, изображенном на одной из расписанных в середине XIX века шторок Николая Шахова, подробный анализ которых провел В.Н. Чернецов. На шторке VI изображены сцены охоты коренных жителей Сосьвинской и Ляпинской волостей. Охотник на медведя нарисован рядом с дугообразным шалашом (Рис. 6). Можно предположить, что их изготавливали и в этих местах. Интересно замечание Чернецова о том, что «Шалаш изображен неточно, так как манси и ханты применяют обычно в качестве временного охотничьего жилища односкатный навес, крытый хвойными ветвями или берестой» (Чернецов 1949: 30–32).

В 1950–1960-е годы временные жилища и укрытия были распространены на всей территории проживания кетов, в Туруханском, Эвенкийском и Енисейском р-нах Красноярского края. Их детальное описание дает в одной из своих работ Е.А. Алексеенко. Среди них выделяются шалаша из согнутых дугой прутьев

черемухи или тальника (кеГ. *туңус, инус*) (Рис. 6). В отличие от простых укрытий, пологов или получумов, устанавливаемых на кратковременных стоянках, они были рассчитаны на длительное проживание в них на рыболовных угодьях (Алексеевко 1967: 103–105). Кочевавшие по соседству с кетами периферийные группы эвенков и селькупов заимствовали способ изготовления шалашей и стали использовать их в качестве временного жилища во время рыбалки или сенокоса в левобережных районах Енисея и на р. Таз (Алексеевко 1970: 82). Сымские эвенки называли шалаш *марма* (Василевич 1969: 114), а тазовские селькупы – *кумар* (Лезова 1991: 103; Хомич и др. 2002: 73; Народы Западной Сибири 2005: 338).

Рис. 6. Охота с луком и рогатиной на медведя. Деталь шторки VI Николая Шахова.

Рис. 7. Каркас временного жилища на берегу р. Елогуй. Красноярский край (фото Е.А. Алексеевко. 1956 г., кеты Народы Западной Сибири 2005: 674).

Похожие куполообразные постройки бытовали у некоторых народов, кочевавших к востоку от Енисея. Якуты и эвенки нижней части р. Лена изготавливали их из тонких стволов берез. Сходное с *марма* жилище *пуух-на* бытовало на Алтае у шорцев. По предположению Г.М. Василевич, навыки его изготовления принесли в низовья Лены в XVII веке выходцы из Приангарья, имевшие связи с населением Саяно-Алтайского нагорья (Василевич 1969: 114).

Самой западной границей распространения шалашей можно считать юго-восточную часть Пуровского р-на ЯНАО, где в селах Халясавай, Толька Пуровская, д.

Харампур и прилегающей к ним лесотундре, живут селькупы, предки которых переселились сюда в конце XIX века (Лебедев, Соколова 1982: 125). Интересно, что у проживающих рядом и ведущих схожий образ жизни лесных ненцев подобные постройки не отмечены (ПМА 6; 7; 8).

Рис. 8. Каркас временного жилища. Село Маковское Енисейского уезда Енисейской губернии. 1914 г., селькупы (Макаров, Баташев 2007: 169)

Рис. 9. Кочевое сезонное жилище. Село Толька. Пуровский р-н ЯНАО. Май 2005 г., селькупы (Хэно 2005: 50)

Где добро нашел, там и взял

Ближайшими соседями нижнетазовских ненцев являются селькупы Среднего Таза и Турухана. О формировании северной (тазовско-туруханской) группы селькупов и об их взаимоотношениях с ненцами имеются сведения в ряде научных работ. Обобщая их скажем, что ненцы и селькупы стали осваивать бассейн р. Таз, одни с севера, другие с юга, практически одновременно – в середине XVII века. Межэтнические контакты не обходились без конфликтов, но чаще носили мирный, взаимовыгодный характер. Продвигаясь все дальше на север, селькупы перенимали у ненцев способы ведения оленеводческого хозяйства со всеми его атрибутами. На рубеже XIX–XX веков несколько хозяйств селькупов-рыбаков поселилось в низовьях Таза – на протоке Нямбой-То и на рыболовном угодье Сарев-Надо (место нынешней фактории 5-6-е пески). Преимущественно это были переселенцы со Среднего Таза. Селькупы с Турухана и его притоков на Тазу появлялись редко. Всего одна семья переселилась в низовья в 1927 году с р. Верхняя Баиха. Постепенное сужение круга брачных партнеров вынуждало селькупов вступать в браки с ненцами. К концу XX века «чистых» селькупов в низовьях Таза не осталось (*Прокофьева* 1976: 141; *Лебедев, Соколова* 1982: 126; *Васильев* 1985: 84; *Шаргородский* 1995: 77-79; *Квашинин* 2002; *Квашинин, Ткачев* 2014).

Местом компактного проживания селькупов, организованных в 1930-е годы в рыболовецкий колхоз «Новая Сила», стала д. Нямбой-То, располагавшаяся на одноименной протоке. После Великой Отечественной войны из 42 трудоспособных мужчин домой вернулись только двое. В колхозе возникли трудности с выполнением плана по добыче рыбы и пушнины. В первой половине 1960-х годов деревню признали бесперспективной и большую часть ее жителей переселили в д. Тибей-сале (*Квашинин, Ткачев* 2014: 186–187). Во второй половине 1980-х годов в похозяйственных книгах Тазовского сельсовета было зафиксировано всего шесть хозяйств рыбаков и работников рыбодобыва-

Рис. 10. Шалаш, покрытый брезентом. Рыболовное угодье Яун-Тарка (фото Ю.Н. Квашина. август 2016 г.).

ющего участка, пять оленеводческих и одно охотничье хозяйства где хотя бы один из членов семьи был записан селькупом (ПМА 1).

На рубеже 1950–1960-х годов на рыболовные угодья в низовья Таза стали привозить сезонных рыбаков, селькупов и эвенков из соседнего Красноселькупского

р-на для участия в гослове по открытой воде. С верховий Таза, из таежного села Ратта их переправляли пароходом на угодье Харбей, расстояние между которыми составляло 1200 км. По окончании лова они сплавливались домой на ветках-долбленках (Алексеевко, Итс 2005: 248–249). В 1962 г. была осуществлена первая переброска 100 ненцев-рыбаков с семьями в низовья Таза и Пура на сезонный лов рыбы (Стракач 2005: 372). На Тазу они расселялись на уже обжитых угодьях Хабдю-Яры, Нямгудоче, Надо-Марра, постепенно осваивая и новые пески.

Совместное проживание ненцев и селькупов в постоянных населенных пунктах (д. Нямбойто, рыб. пр. Сарев-Надо) или периодические встречи с ними на рыбных промыслах (угодье Харбей) оказывали прямое или опосредованное взаимное влияние на традиционную культуру обоих народов. Скорее всего, ненцы видели у селькупов шалаши из гнутых дуг. Возможно, даже конструировали подобные и использовали, отправляясь на охоту. Однако для массового их изготовления пока не было острой нужды.

Технический прогресс и традиционный быт

За всю историю существования рыбного промысла на р. Таз и на Тазовской губе, он не раз испытывал подъемы и спады, которые были вызваны как объективными, так и субъективными причинами. К объективным причинам можно отнести изменения природно-климатических условий, влиявших на ход рыбы в разные сезоны. К субъективным – неумение конкретных руководителей и их подчиненных грамотно выстраивать работу.

Очередной спад рыбодобычи произошел в середине 1990-х годов, как отголосок постперестроечного времени. С 1999 г., когда Тазовский рыбозавод возглавил Сергей Зиновьевич Саньков¹¹, началась комплексная реорганизация работы рыбозавода. За период с 2001 по 2005 год в рамках программы развития рыбодобывающей отрасли в ЯНАО на рыбозавод поступило 3 скороморозильных камеры для общей заморозки рыбы до 32 т в сутки. Были введены в эксплуатацию несамоходное рефрижераторное судно на 15 т заморозки и бортовая машина Урал, построена баржа с аппарелью¹² на 200 Т. В 2005 году были переоборудованы камеры хранения с аммиачных на фреоновые установки. Все это позволило значительно увеличить объемы добычи и переработки рыбы («Тазагрорыбпром» 2011). Можно утверждать, что именно подъем рыбодобычи и связанная с ним необходимость в сравнительно комфортной перевозке людей на рыбоугодья и обратно, вызвало всплеск изготовления куполообразных шалашей селькупского типа у тазовских ненцев.

Заключение

Подводя итог можно сказать, что тундровые ненцы-рыбаки, проживавшие в низовьях р. Таз и на правом берегу Тазовской губы, всегда использовали в качестве жилища традиционный чум. Какой-либо необходимости в заимствовании у соседей жилых конструкций другого типа у них не возникало. Первые шалаши на их территории стали появляться с переселением сюда отдельных семей селькупов в конце XIX века. До конца XX века ненцы изготавливали шалаши селькупского типа эпизодически, отправляясь на охоту или рыбалку. Массовое изготовление было налажено только на рубеже XX–XXI веков, когда в Тазовском районе началась реорганизация рыбодобывающей промышленности.

Примечания

- ¹ В 2011 и 2013 годах Ю.Н. Квашнин проводил самостоятельные исследования, а в 2014 и 2016 годах совместно с Р.И. Сенько. Экспедиции были организованы при финансовой поддержке РГНФ (10-01-00176а и 13-01-00097а) и администрации Тазовского района.
- ² Правопреемник Тазовского рыбоперерабатывающего завода.
- ³ На карте Красноярского края 1947 года – *рыб. пр. Сарго-Надо*.
- ⁴ Русское слово, производное от татарского *тал* ива.
- ⁵ Названо в честь Зиновия Санькова, ветерана труда, возглавлявшего Тазовский рыбозавод до 1983 года (Малик 2016).
- ⁶ Здесь имеется ввиду расстояние от устья р. Таз.
- ⁷ По данным самых ранних из сохранившихся похозяйственных книг Тазовского сельского совета за 1958–1960 годы, Николай Васильевич Евай (1926–1984), числился охотником-рыбаком колхоза им. Калинина (ПМА 1).
- ⁸ По данным похозяйственных книг Тазовского сельского совета за 1960–1961 годы, Тили Салиндер числился рыбаком-охотником рыболовецкой артели «Заветы Ильича» В 1994 году ему было 68 лет (ПМА 1).
- ⁹ Название одной из песен группы Smokie, которое можно перевести, как «передай это по кругу».
- ¹⁰ Перевод с немецкого Ю.Н. Квашнина
- ¹¹ Сын первого директора рыбозавода Зиновия Санькова
- ¹² Пологая площадка, насыпь или платформа для подъема и спуска техники, грузов, животных и т. п.

Источники и литература

- Алексеев* 1967 – *Алексеев Е.А.* Кеты. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1967.
- Алексеев* 1970 – *Алексеев Е.А.* Этнические процессы на Туруханском Севере. // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М.: Наука, 1970. С. 62–84.
- Алексеев, Итс* – *Алексеев Е.А., Итс Р.Ф.* О положении коренного населения Верхнего Таза (поселок Ратта) Ямало-Ненецкого округа Тюменской области. 1961 // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959–1962 годы / под ред. З.П. Соколовой и Е.А. Пивневой. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2005. С. 245–256.
- Василевич* 1969 – *Василевич Г.М.* Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969.
- Васильев* 1985 – *Васильев В.И.* Особенности развития этнических и языковых процессов в этноконтактных зонах Европейского Севера и Северной Сибири (по материалам этнографического обследования северо-самодийских народов: ненцев, энцев, нганасан) // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М.: Наука, 1985. С. 65–93.
- Квашнин* 2002 – *Квашнин Ю.Н.* Селькупы в низовьях Таза // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4. 2002. С. 230–232.
- Квашнин, Ткачев* – *Квашнин Ю.Н., Ткачев А.А.* Культурное место на озере Нямбой-то // Антропологический форум. № 23. 2014. С. 185–194
- Лебедев, Соколова* – *Лебедев В.В., Соколова З.П.* Селькупы // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 118–129.
- Лезова* 1991 – *Лезова С.В.* Жилище северных селькупов // Экспериментальная археология. Вып. 1. Тобольск: Изд. ТГПИ, 1991. С. 101–107.
- Малик* 2016 – *Малик Ю.* Семейный стаж – больше 100 лет // газета «Советское Заполярье». 1 сентября 2016 года (<http://xn----mtb3ag.xn--p1ai/tek/item/1856-semejnyj-stazh-bolshe-100-let>).
- Макаров, Баташев* 2007 – *Макаров Н.П., Баташев М.С.* История и культура народов Севера Приенисейского края: Учебное пособие / Красноярск: ООО ИПЦ «КаСС», 2007.
- Народы Западной Сибири 2005 – Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова (Отв. ред). М. Наука, 2005.
- ПМА 1 – Полевые материалы Ю.Н. Квашнина. Экспедиция в Тазовский район Ямало-Ненец-

- кого автономного округа. Август-сентябрь 1995 г.
- ПМА 2 – Полевые материалы Ю.Н. Квашнина. Экспедиция в Тазовский район Ямало-Ненецкого автономного округа. Август 2011 г. (информант – А.А. Неркахи, 1971 г.р.).
- ПМА 3 – Полевые материалы Ю.Н. Квашнина. Экспедиция в Тазовский район Ямало-Ненецкого автономного округа. Август 2013 г. (информанты – И.И. Салиндер, 1962 г.р.; О.Н. Пурунгуи, 1973 г.р.).
- ПМА 4 – Полевые материалы Ю.Н. Квашнина и Р.И. Сенько. Экспедиция в Тазовский район Ямало-Ненецкого автономного округа. Август 2014 г. (информант – С.Н. Евай, 1950-2015).
- ПМА 5 – Полевые материалы Ю.Н. Квашнина и Р.И. Сенько. Экспедиция в Тазовский район Ямало-Ненецкого автономного округа. Август 2016 г. (информант – А.А. Тер, 1962 г.р.).
- ПМА 6 – Полевые материалы Ю.Н. Квашнина. Экспедиция в Пуровский район Ямало-Ненецкого автономного округа. Июнь 2007 г.
- ПМА 7 – Полевые материалы Ю.Н. Квашнина. Экспедиция в Пуровский район Ямало-Ненецкого автономного округа. Октябрь-ноябрь 2010 г.
- ПМА 8 – Полевые материалы Ю.Н. Квашнина и Р.И. Сенько. Экспедиция в Пуровский район Ямало-Ненецкого автономного округа. Сентябрь 2013 г.
- Прокофьева* 1976 – *Прокофьева Е.Д.* Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 139–155.
- Степанова* 2015 – *Степанова О.Б.* Селькупы села Совречка // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3 (30). С. 126–134.
- Стракач* 2005 – *Стракач Ю.Б.* Современное хозяйство, культура и быт коренного населения Тазовского района Ямало-Ненецкого национального округа // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959 – 1962 годы / под ред. З.П. Соколовой и Е.А. Пивневой. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2005. С. 368–398.
- «Тазагрорыбпром»* 2011 – «Тазагрорыбпром» – продолжение рыбацких традиций Севера // журнал «Рыба и морепродукты». 27 сентября 2011. URL: http://fish-seafood.ru/news/detail.php_ID=55970.html#Comments.
- Хомич* 1966 – *Хомич Л.В.* Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Наука, 1966.
- Хомич и др.* 2002 – *Хомич Л.В., Ириков С.И., Аюпова Г.Е.* Тазовские селькупы. Очерки традиционной культуры. СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2002.
- Хомич* 2008 – *Хомич Л. В.* Сборник ранних научных статей / сост. В.Ю. Вануйто. Салехард: Красный Север, 2008.
- Хэно* 2005 – Земля ненэй ненэча – Земля настоящих людей. Историко-культурное наследие. Сборник / И.С. Хэно (авт.-сост.). Тарко-Сале: Изд-во газеты «Северный луч», 2005.
- Чернецов* 1949 – *Чернецов В.Н.* Быт хантов и манси по рисункам XIX в. // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. X. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 7–33.
- Шаргородский* 1994 – *Шаргородский Л.Т.* Современные этнические процессы у селькупов. М.: КМЦ; ИЭА РАН, 1994.
- Шаргородский* 1995 – Шаргородский Л.Т. Расселение и численность северных селькупов в конце XIX-начале XX в. // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск: изд-во Том. ун-та, 1995. С. 76–81.

References

- Alekseenko E.A.* Kety. Istoriko-etnograficheskie ocherki. Leningrad: Nauka, 1967.
- Alekseenko E.A.* Etnicheskie protsessy na Turukhanskom Severe. Preobrazovaniia v khoziaistve i kulture i etnicheskie protsessy u narodov Severa. Moskow: Nauka, 1970. Pp. 62–84.
- Alekseenko E.A., Its R.F.* O polozhenii korenного naseleniia Verkhнего Taza (poselok Ratta) Yamalo-Nenetskogo okruga Tiimenskoi oblasti. 1961 god. Etnologicheskaiа ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1959 – 1962 gody / ed. By Z.P. Sokolova & E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, 2005. Pp. 245–256.
- Chernetsov V.N.* Byt khandtov i mansi po risunkam XIX v.. Sbornik Muzeia antropologii i etnografii.

- Vol. X. Moscow-Leningrad: AN USSR, 1949. Pp. 7–33.
- Gemuev I.N., Molodin V.I., Sokolova Z.P. (ed).* Narody Zapadnoi Sibiri: Khanty. Mansi. Selku-py. Nentsy. Entsy. Nganasany. Kety. Moscow: Nauka, 2005.
- Kheno I.S. (comp.)* Zemlia nenei nenecha – Zemlia nastoiashchikh liudei. Istoriko-kulturnoe nasledie. Tarko-Sale: Izdatelstvo gazety «Svernnyi luch», 2005.
- Khomich L.V.* Nentsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966.
- Khomich L.V., Irikov S.I., Aiupova G.E.* Tazovskie selkupy. Ocherki traditsionnoi kultury. Saint Petersburg: Prosveshchenie, 2002.
- Khomich L.V.* Sbornik rannikh nauchnykh statei / comp. V.Iu. Vanuito. Salekhard: Krasnyi Sever, 2008.
- Kvashnin Iu.N.* Selkupy v nizoviakh Taza. Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii, 2002. . No. 4. Pp. 230–232.
- Kvashnin Iu.N., Tkachev A.A.* Kultovoe mesto na ozere Niamboi-to. Antropologicheskii forum. No 23. 2014. Pp. 185–194.
- Lebedev V.V., Sokolova Z.P.* Selkupy. Etnicheskaia istoriia narodov Severa. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 118–129.
- Lezova S.V.* Zhilishche severnykh selkupov. Eksperimentalnaia arkhologiya. Issue 1. Tobolsk: TGPI, 1991. Pp. 101–107.
- Makarov N.P., Batashev M.S.* Istoriia i kultura narodov Severa Prieniseiskogo kraia: Uchebnoe posobie / Krasnoiarsk: OOO IPTs “KaSS”, 2007.
- Prokofeva E.D.* Olenevodstvo tazovskikh selkupov. Materialnaia kultura narodov Sibiri i Severa. Leningrad: Nauka, 1976. Pp. 139–155.
- Shargorodskii L.T.* Sovremennye etnicheskie protsessy u selkupov. Moscow: KMTs; IEA RAN, 1994.
- Shargorodskii L.T.* Rasselenie i chislennost severnykh selkupov v kontse XIX-nachale XX v.. Narody Sibiri i soprodelnykh territorii. Tomsk: Tomskii universitet, 1995. Pp. 76–81.
- Stepanova O.B.* Selkupy sela Sovrechka. Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii. 2015. No 3 (30). Pp. 126–134.
- Strakach Iu.B.* Sovremenoe khoziaistvo, kultura i byt korennoho naseleniia Tazovskogo raiona Iamalo-Nenetskogo natsionalnogo okruga. Etnologicheskaya ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1959-1962 gody / ed. Z.P. Sokolova i E.A. Pivneva. Moscow: IEA RAN, 2005. Pp. 368–398.
- Vasilevich G.M.* Evenki: Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.). Leningrad: Nauka, 1969.
- Vasilev V.I.* Osobennosti razvitiia etnicheskikh i iazykovykh protsessov v etnokontaktnykh zonakh Evropeiskogo Severa i Severnoi Sibiri (po materialam etnograficheskogo obsledovaniia severosamodiiskikh narodov: nentsev, entsev, nganasan). Etnokulturnye protsessy u narodov Sibiri i Severa. Moscow: Nauka, 1985. Pp. 65–93.

Yu.N. Kvashnin, R.I. Senko That left you, then came to us (Selkup hut at tundra Nenets)

The article discusses the existence of the tundra Nenets of the lower reaches of the Taz river temporary portable hemispherical dwelling – hut. It is shown, that the hut is not a traditional residential development of the Nenets. It designed peoples, living in the taiga zone of the Middle Yenisey – Kets, Evenks, Selkups. In the areas of inter-ethnic contacts, it spread among the Khanty, Nenets, Yakuts. It is revealed that the Taz Nenets adopted the skills of making hut from the Selkups who migrated at the turn of XIX–XX centuries from the Middle Taz river in the lower reaches. Until the end of the XX-th century, the Taz Nenets, were made huts Selkup type occasionally, going hunting or fishing. Mass production was established only at the turn of XX–XXI centuries, when in the Tazovsky district began the reorganization of the fishing industry.

Key words: *The lower reaches of the Taz river, Nenets, Selkups, fishing, inter-ethnic contacts, hut.*

ИСТОРИЯ НАУКИ

УДК 39+3-05

© В.В. Карлов

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Л.П. ЛАШУКА: РАЗРАБОТКА ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В ЭТНОЛОГИИ

В статье анализируется вклад одного из ведущих российских этнологов XX в., профессора кафедры этнографии (этнологии) МГУ им. М.В. Ломоносова Л.П. Лашука, в разработку историко-социологического подхода в этнологических исследованиях. Автор прослеживает, как формировался и реализовывался комплексный подход ученого к проблемам исследования этнокультурной действительности. Это закономерно привело его к осознанию необходимости выхода за узкие рамки исключительно этнических явлений при анализе предметной области этнологии, к рассмотрению этнического в контексте широкого поля социальных взаимодействий в обществе. Одним из результатов разработки этих методов стала публикация Л.П. Лашуком книги «Введение в историческую социологию». Приведены также воспоминания автора о неординарной личности Л.П. Лашука как человека и преподавателя.

Ключевые слова: Л.П. Лашук, этнография современности, проблемы методологии, историческая социология

Лев Павлович Лашук был ученым с очень широким и разносторонним диапазоном научных интересов. Среди них – проблемы исторической этнографии финно-угорских народов и населения европейского Севера России, этнография народов Сибири и Дальнего Востока, этнография Африки, история отечественной этнографии, эвристические и философские проблемы науковедения в самом широком понимании и многое другое. Но какими бы – конкретно-историческими или теоретико-методологическими – сюжетами он ни занимался, проблемы методологии научного исследования и поиска всегда стояли у него в ряду исследовательских приоритетов. Умение видеть исследуемый объект во всем многообразии его структурных связей, в определенной функционально-значимой для него системе координат и взаимозависимостей, всегда отличало научный «почерк» ученого.

Эти качества проявились уже в первых серьезных публикациях Льва Павловича, например, в книге «Очерк этнической истории Печерского края», изданной в 1958 г. в Сыктывкаре (Лашук 1958). Так, в авторском предисловии к этой публикации он характеризовал свой труд как «историко-этнографическое исследование, в котором главное внимание уделяется вопросам этногенеза в широком смысле, а ход социально-экономической истории освещается в весьма сжатом объеме, необходимом для понимания глубокой подосновы процесса этнического развития, являющегося лишь одной из сторон общего исторического процесса». Тем не менее, хотя автор определил социаль-

Карлов Виктор Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Эл. почта: vikarlov@mail.ru.

но-экономическую сторону лишь как необходимый фон основного предмета работы, исследования этногенеза, далее он подчеркнул, что им избран «комплексный метод исследования, предусматривающий использование данных не одной, а нескольких смежных исторических дисциплин – археологии, этнографии, исторического языкознания, антропологии, равно как и данных письменных источников. Опыт показывает, что только этот метод, построенный на принципе последовательного историзма, вытекающий из марксистского положения о взаимной связи и обусловленности явлений общественной жизни, позволяет правильно нащупать и определить те древние этнические общности, которые лежат в основе современных народов» (*Лашук* 1958: 3–4). Эти слова были для автора отнюдь не дежурной фразой, но настоящим руководством в научном поиске. Текст работы демонстрирует: комплексный подход позволил Л.П. Лашуку не только адекватно воссоздать динамику этнической истории в крае, но и с глубоко выверенной точностью реконструировать характер процессов, связанный как со стадийно-историческими особенностями в истории региона, так и с конкретной спецификой воздействия на этнический процесс хозяйственно-культурных, расселенческих и демографических факторов. Именно их совокупность, как следует из его анализа, и определяет локально-региональное своеобразие взаимодействия разноэтнических компонентов в тесной увязке со стадийной типологией всех этих взаимосвязей.

Разработанный исследователем уже в этой работе подход был реализован им и при подготовке докторской диссертации, посвященной этнической истории и консолидации коми-зырянского этнокультурного сообщества, с блеском защищенной в МГУ в 1964 г. Через несколько лет часть этого исследования была опубликована Л.П. Лашуком под названием «Формирование народности коми» (*Лашук* 1972).

В заключении публикации, подводя итоги своего анализа научной проблемы истории формирования этноса коми, автор обращает внимание на то, чем именно его подход отличен от существовавших до этого методов освещения данных процессов. Основное отличие виделось им в том, что авторы, касавшиеся таких сюжетов, представляли себе процесс этногонии несколько линейно, как единое движение от племени к более высоким формам сообщества. «На современном этапе развития исторической этнографии – пишет он, – нас уже не могут удовлетворять взгляды, подобные изложенным. Прежде всего следует согласиться, что понятие “этническая история” имеет куда более емкое содержание. Как научная проблематика, “этническая история” включает не только раскрытие этногенеза народов, но и процессов развития этнических (по существу этно-социальных) общностей от древних племенных образований до современных народностей и наций, процессов этнических дроблений, сближений, ассимиляций и консолидаций» (*Лашук* 1972: 288–289). В основании такого подхода к главному объекту науки этнографии (этнологии) лежало, прежде всего, отношение автора к этому объекту как к живому и постоянно развивающемуся в своем движении во времени и пространстве социальному организму, далеко не ограничивавшемуся ни на одном этапе этого развития каким-либо стандартным «набором» явлений исключительно этноспецифического характера. По существу в понимании Л.П. Лашуком предмета этнографии содержалась рано осмысленная им научная парадигма, выведившая исследователя из замкнутого круга строгих дефиниций, ограничивавших и сужавших исследовательский поиск. Хотя, справедливости ради надо отметить и то, что он никогда не был принципиальным противником дефиниций в науке, полагая, что категоризация знания есть тоже необходимый

инструмент процесса познания истины. Тем не менее, когда познание упиралось в стену стандартных и как бы вневременных категорий, такие препоны побуждали его к поиску иных путей непротиворечивого объяснения изучаемых явлений и процессов. Об этом, например, говорит высказанное им в одной из теоретических статей одобрительное отношение к попытке В.В. Пименова сформулировать новый компонентный подход к этносу: понимание этноса как «относительно автономной, исторически возникшей, динамической, самовоспроизводящейся и саморегулирующейся, сложной социальной системы», как «не случайного или произвольного сочетания рядоположенных признаков и характеристик, а закономерной связи разноплановых социальных явлений и отношений» (Пименов 1977: 14; Лашук 1979: 41–42). В этой работе Л.П. Лашук предложил и свое «интегральное определение этноса, исходя из принципа его многоуровневой (и многомерной) целостности»: *«Народ, или этнос, как целостное этнодемографическое образование, отдельное общество с особым отличительным характером, есть пространственно локализованная системно устойчивая, преемственная и динамическая социально-историческая общность людей одного языка, специфического образа жизни и типа культуры, обладающая органическим единством производительных сил, сфер и форм общения (материального и духовного, речевого и предметно-бытового), накопленных средств цивилизации, созданных и воспроизводимых в процессе совместной жизнедеятельности, общественной практики и движения социокультурной традиции»* (Лашук 1979: 42).

Весьма показательно, что, предложив такое «интегральное» определение, автор посчитал необходимым добавить: оно «вовсе не претендует на роль аксиоматического, “в последней инстанции” научного утверждения, а, скорее, носит характер гипотетико-содержательной дефиниции, для которой главной является гносеологическая организация конкретно-всеобщего знания об этносе как сложном и многомерном феномене социально-исторической действительности» (Лашук 1979: 42).

Насколько коррелировал обрисованный в работах ученого подход с тенденциями развития отечественной и мировой науки того времени? В 1960–1970-х годах отечественная этнографическая наука вплотную подошла к проблеме разработки методов исследования этнокультурной современности, обратившись к поискам адекватных новым реалиям в жизни народов второй половины XX века подходов к объекту изучения. С течением времени, по мере крупных перемен в жизни человечества, связанных с процессами индустриализации и модернизации, изменениями и даже исчезновением, частичным или полным, оснований традиционного доиндустриального быта и системы жизнеобеспечения, наука, концентрировавшая внимание в основном на исследовании этнических явлений, связанных со становлением и функционированием традиционных культур народов мира, оказывалась в ситуации, когда новации бытия всего этнического многообразия человечества становилось уже почти невозможным изучать привычными описательными методами. Многие этнологи понимали, что перед наукой встает задача осмысления хода и закономерностей происходивших перемен, а также разработки способов и приемов исследования новой реальности в этнокультурных процессах. Институт этнографии АН СССР, руководить которым в 60-е годы пришел Ю.В. Бромлей, предложил свой выход из гносеологических лабиринтов, видевшийся в обращении к социологии и социологическим методам исследования этнической и этнокультурной действительности. В институт были привлечены видные социологи, имевшие уже опыт массовых опросов населе-

ния, Ю.В. Арутюнян и О.И. Шкаратан, был создан «Сектор конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР».

Его сотрудникам, первоначально состоявшим из нескольких молодых, недавно закончивших ВУЗы этнографов, историков, философов и даже математиков или физиков, предстояло провести первые массовые опросы в разных национальных районах и республиках страны. Так родилось новое исследовательское направление в этнографии, получившее название этносоциологии (Этносоциология 2008: 315–357). Параллельно в Институте этнографии на базе сектора Прибалтики, европейского Севера России и Урало-Поволжья усилиями В.В. Пименова и его коллег разрабатывались массовые статистико-этнографические обследования на основе анкетных опросов, задачей которых также ставилось отражение хода и специфики современных этнических процессов у народов страны.

Не была в стороне от новых веяний в науке и университетская кафедра, где тогда работал Л.П. Лашук. Он стал инициатором проекта открытия при кафедре социологической лаборатории, в необходимости чего убедил заведующего кафедрой профессора С.А. Токарева. Однако тогда, в 1970–1971 гг., этот проект осуществлен не был. Фактически единственным на то время результатом разработки профессором Лашуком социологической проблематики применительно к задачам как исторической этнографии, так и этнографии современности, стал подготовленный им курс «Историческая социология», читавшийся студентам-этнографам. Постановка проблематики, связанной с историко-социологическим видением объекта и предмета изучения, основанная на глубоко отработанном Л.П. Лашуком комплексном подходе, то есть учете и анализе всех без исключения связей и зависимостей в социуме, стала логическим развитием его системных представлений о феномене этноса и этнического.

Свои взгляды Лев Павлович подробно и последовательно изложил в подготовленном и опубликованном в 1977 г. в двух частях учебном пособии «Введение в историческую социологию». (Лашук 1977b: 1–2) По мысли автора, понятийная система исторической социологии и вытекающие из нее конкретные методы историко-этнографического анализа были насущно необходимы как этнографам, которым нередко остро не хватало системного видения и понимания изучаемых ими явлений и процессов, так и историкам, далеко не всегда обладавшим необходимой этнографической эрудицией и практическим опытом в процессе исследования конкретно-исторической действительности. Можно сказать, что основной методологической платформой излагаемого предмета исторической социологии было стремление автора показать, во-первых, сложность сущностной природы любых исследуемых социальных объектов как прошлого, так и современности, невозможность адекватного понимания закономерностей и специфики их формирования и места в социальной системе общества без ясного и отчетливого представления об историческом развитии человечества в целом в конкретных формах его организации. Во-вторых же, одной из ключевых задач работы ставилась необходимость изложить и внедрить в практику будущих исследователей метод восхождения от абстрактного к конкретному – метод, которого автор всегда придерживался в собственном исследовательском поиске: «Благодаря такому «восхождению» от простейшего абстрактного к логически полному (качественно-количественному) конкретно-сущностному знанию, **конкретное целое** в научном мышлении «...выступает как процесс синтеза, как результат, а не исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт со-

зерцания и представления» (Лашук 1977а: 112–113). В-третьих, осмысленная и изложенная им система понятий исторической социологии необходимо и обязательно включала представления о формах социальной организации общества, в том числе этноса, как постоянного сочетания, переплетения и взаимодействия социальных феноменов и структур различной величины, значимости и функционального предназначения, то есть динамического и изменчивого, подвижного системно-структурного поля, из которого в тех или иных конкретно-исторических чертах складывается вся этнокультурная мозаика человечества.

Работа логично была разделена автором на две части. Из них первая (имеющая подзаголовок «Историография и методология исторической социологии») содержала не только изложение понимания автором предмета и задач дисциплины, базовых понятий данного научного направления, но и весьма содержательный очерк и анализ развития историко-социологического видения и знания в общественных науках начиная с XIX в. и до современности. Вторая же часть («Конкретные проблемы исторической социологии») начиналась с изложения и анализа содержательных дефиниций (таких как «историческая среда», «этноисторическая среда», «понятие социального организма», «форма и структура», «превращенные» общественные формы»). Далее автор демонстрирует возможности и способы применения изложенных базовых понятий по отношению к общностям доклассового, раннеклассового и развивающегося классового обществ. Это его изложение основано на свободном владении как источниковой базой в изучении описываемых социальных феноменов, так и широчайшей эрудицией, прекрасным знанием современной исторической и философско-методологической литературы.

Что касается подхода к изучению этнокультурной современности, то Л.П. Лашук как бы оставляет эту задачу будущим исследователям – продолжателям традиции исторической социологии применительно к нашему времени, прежде всего, вероятно, потому, что когда им разрабатывалась данная проблематика, работы по изучению современных этнических процессов социологическими средствами и методами только разворачивались и достаточного материала для обобщений и серьезного анализа было еще мало. Однако он вовсе не был далек от этих задач. Хотя бы потому, что слишком отчетливо представлял перспективы и возможности синхронно-диакронного подхода к исследованию действительности, на что он делает акцент и в данной публикации. Именно необходимостью историко-социологического «измерения» современных процессов этнической и национальной жизни он обосновывал задачу создания при кафедре МГУ социологической лаборатории.

Настоящая статья не представляет собой рецензии ключевых работ Л.П. Лашука, ее задача в том, чтобы показать значение научного наследия ученого в развитии и внедрении проблематики историко-социологического характера в этнологическое знание. Если сопоставлять разрабатывавшийся им подход с результатами конкретных этносоциологических исследований, довольно широко развернувшихся в стране с 60–70-х годов XX в., можно констатировать: они привнесли в этнологию достаточно много нового, обогатили источниковую базу науки и расширили представление о ходе и динамике современных процессов в этнической сфере. Однако по большому счету (это мое личное мнение) они в основном дали материал о социально-профессиональном составе изучаемого данными методами населения страны в национальном разрезе. Такой материал, конечно, очень важен для исследования этнокультурной действительности.

сти. Однако для более глубокого понимания не только специфики этнокультурного состояния разных народов страны, но и скрытых под внешними проявлениями пружин происходящих изменений, предлагавшиеся профессором Лашуком приемы и способы историко-социологического анализа были бы более чем уместны.

Здесь для более полной характеристики и взглядов, и самой личности профессора Лашука не лишним будет коротко рассказать об истории моего знакомства и сотрудничества с моим Учителем (слово это в отношении Льва Павловича сознательно употребляю только с большой буквы). Я поступил на исторический факультет МГУ в 1962 г. Выбор специальности этнографа был для меня не спонтанным или случайным, я шел на истфак с целью получить именно эту профессию, о которой слышал и читал уже в школьные годы. Поэтому лекции по истории первобытного общества и основам этнографии на 1 курсе обучения естественным образом вызывали у меня повышенный интерес. Нашему курсу очень повезло в том, что читал этот предмет именно профессор (тогда еще доцент) Лашук. Читал он его настолько блистательно, что желание стать этнографом в результате возникло не только у меня: на нашем курсе к началу специализации по кафедре (распределение по кафедрам происходило с 3-го года обучения) оказалось вдвое больше желающих специализироваться, чем могла принять кафедра, и пришлось провести отбор. (К слову, на 2-м курсе факультатив под названием «Проблемы общей этнографии» для желающих поступить на кафедру тогда читался тоже Л.П. Лашуком). Мне повезло, я оказался в числе принятых. Но шел я на кафедру с уже осознанным выбором области будущих занятий: тогда это была тюркология. Однако 2 года до начала учебы на кафедре изменили мои планы, и во многом благодаря именно влиянию Л.П. Лашука.

Надо сказать, что у него была необыкновенная, во многом просто неподражаемая, манера чтения лекций. Лекция – это как будто монолог преподавателя. Но Л.П. Лашук произносил его так, что всецело захватывал внимание слушателя: кроме блестящей увлекательной формы и продуманной обширной информации по излагаемой теме, он умел удивительным образом вызвать у слушателя ощущение как бы собственной его, слушателя, сопричастности к мыслительной работе автора, излагающего материал. Он никогда не читал лекцию по заранее заготовленному конспекту, насколько я знаю, он их никогда и не готовил, но и в самом деле в его исполнении это было настоящее творчество, интеллектуальная работа, происходящая у тебя на глазах и при твоём собственном участии. Это творчество лектора могло легко оборачиваться и в чем-то неожиданными экспромтами, но они никогда не были у профессора Лашука случайными. Он готовился к каждой лекции, справедливо полагая, что когда преподаватель не готовится, следом за этим уже начинается просто халтура в работе. Мне в студенческие и затем аспирантские годы в разное время приходилось слушать профессора в одних и тех же лекционных курсах, и могу свидетельствовать: он никогда не читал одинаково лекцию даже на одну и ту же тему, потому что постоянно находился в творческом поиске по отношению к любой излагаемой научной проблеме.

В результате я выбрал для специализации этнографию Сибири и стал заниматься у Лашука. Дипломную работу, посвященную общественному строю эвенков (к которым мне удалось съездить в экспедицию и собрать полевой материал), я писал под его руководством. Сразу после окончания университета поступил в аспирантуру кафедры, где продолжил работу над темой, главное содержание которой было связано с анализом изменений в социальной организации и хозяйстве эвенков с XVII по XX вв. Работа

моя была посвящена как будто вполне традиционной этнографической тематике. Но то, что я определенно вынес для себя из школы Учителя – это стремление отобразить и описать предмет исследования не в статике, а в динамике. Годы аспирантуры пришлись как раз на то время, когда Лев Павлович разрабатывал и старался воплотить в работе кафедры свои идеи по внедрению в науку и в преподавание историко-социологического подхода к этнокультурным реалиям. Меня, в частности, готовили для работы в предполагавшейся новой структуре – социологической лаборатории при кафедре этнографии. Однако осуществить эту мечту шефа (и, конечно же, мою тоже) тогда по ряду причин не удалось. Свободных ставок на самой кафедре не было, и мне после защиты кандидатской в конце 1970 г. пришлось, после какого-то периода ожидания решения кадрового вопроса, искать место работы. В это время на факультете была открыта Лаборатория истории русских городов (ее возглавил акад. В.Л. Янин), где мне предложили работать и где я проработал до 1981 г.

Все это время я, конечно, не прекращал общаться с Учителем. Часто я бывал в доме Л.П. Лашука и К.И. Козловой, практически ежедневно мы с профессором вели долгие разговоры по телефону: он постоянно над чем-то работал, и я знал, что ему просто необходима своего рода «апробация» замыслов и отрабатываемых идей вслух на ком-либо, хотя бы мало-мальски воспринимающем смысл произносимого. Разумеется, у него всегда была рядом Клавдия Ивановна, но дополнительная «аудитория» ему никогда не мешала, а только помогала.

Вообще я многократно бывал свидетелем «явления» профессора Лашука в публичных местах – в университете, в институте этнографии – когда вокруг него ментально собирался кружок слушателей, всегда приходивших в некое состояние «ажитации» в общении с этим удивительным человеком, из уст которого буквально потоком лились идеи по множеству самых разнообразных научных тем. При этом он просто никогда даже не думал о том, что какие-то его собственные находки, задумки и придумки могут быть кем-то подхвачены и использованы. Он был настолько богат такими творческими идеями, что готов был щедро ими делиться, ему вовсе не было этого жалко, напротив, он был только доволен, если какая-либо из его идей получит развитие и во что-то полезное воплотится. Однако он вовсе не был «ходячим говорящим учебником»: он всегда оставался живым и очень остроумным и наблюдательным человеком, и с легкостью мог переходить от «травли» анекдотов (которых он, к слову, помнил множество и всегда к месту и с артистизмом их рассказывал) к обсуждению чего-либо из сферы науки.

Работая в лаборатории городов, я, конечно, не оставлял занятий этнографией. Лев Павлович посоветовал мне использовать специфику моей тогдашней сферы занятий и разрабатывать тематику урбанистического фактора в национально-этническом развитии. Начав осмысливать эти сюжеты, я очень скоро убедился, однако, в том, что в этнологии практически не разработанными остаются вопросы методологии исследования этнокультурных процессов в эпоху модернизации человеческого бытия. А если так, то прежде чем изучать урбанизм и его влияние на жизнь народов, следует начать с методологии разработки проблем этнокультурного развития в новое и новейшее время. Чем я, с одобрения Учителя, и занялся. Лев Павлович, я знал, всегда верил в меня, я это постоянно чувствовал, и эта его вера поддерживала меня в научных поисках, с другой же стороны, побуждала держаться «в тонусе», не позволяла оказаться «не оправдавшим ожиданий».

Был в 1981–1983 гг. и такой период, когда мне все-таки посчастливилось поработать под непосредственным руководством профессора: лаборатория городов закончила выполнение задания, ради которого она была создана, и встал вопрос о будущем нашего коллектива. Решен он был довольно неожиданно: декан истфака акад. Ю.С. Кукушкин преобразовал ее в Лабораторию истории советского народа как новой исторической общности, а ее заведующим он назначил Л.П. Лашука. Мотив заключался, вероятно, в том, что приближался 60-летний юбилей СССР, и факультету нужно было как-то откликнуться на примечательное событие в истории страны. Выбор фигуры заведующего деканом был, я думаю, не случаен. Ю.С. Кукушкин высоко ценил научный потенциал и авторитет профессора Лашука. Предложив ему столь ответственную в тех условиях и несомненно важную в идеологическом плане миссию, декан, по-видимому, рассчитывал, что под началом такого заведующего результат разработки проблемы никоим образом не сведется к пустопорожней политической трескотне по поводу новой общности, которая, благодаря пропагандистской машине, успела и «массам», и серьезным ученым изрядно надоесть. И, действительно, Лашук предложил постановку проблемы формирования новой общности в совершенно не конъюнктурном аспекте (*Лашук* 1982: 32–60). В его подходе ключевым моментом было рассмотрение вопроса через широкий спектр анализа функционирования всей многосложной системы связей социо-демографического, отраслевого и регионального уровней в их воздействии на социальные структуры общества. И эти замыслы на факультете многими были встречены с очевидным непониманием. Напряжение, не столько интеллектуальное, сколько постоянная необходимость пробиваться через стены из непонимания и прямого или скрытого сопротивления, подорвала душевное равновесие и физические силы профессора, дело закончилось тем, что в 1983 г., уже после сдачи в типографию подготовленного Лабораторией сборника статей, его свалил инфаркт. В этих условиях продолжать бороться с «ветряными мельницами» становилось не безопасно, и Лев Павлович принял решение отказаться от Лаборатории, после чего мы оба вернулись в штат родной кафедры.

Работая в составе Лаборатории, нам тем не менее удалось успеть организовать и провести в 1981–1982 гг. две историко-социологические экспедиции (в Ставропольском крае и Карачаево-Черкесии) и собрать методом анкетирования довольно интересный полевой материал, в программу сбора которого были заложены попытки зафиксировать влияние форм общения на идентификацию человека с социальными группами разного уровня. Опыт этого опроса был доложен мной на одной из всесоюзных конференций 1983 г. (*Карлов* 1985), после чего я получил от Института истории АН Азербайджана заманчивое предложение провести по моей программе большое исследование в масштабе этой республики. Этот опрос был начат в 1985–1987 гг., но, к сожалению, завершен не был из-за событий в Сумгаите и последовавшего следом карабахского конфликта. Тем не менее, по его материалам были подготовлены и защищены азербайджанскими коллегами несколько диссертаций (*Мамедли* 2016).

В конце 1980-х годов состояние здоровья Льва Павловича постепенно ухудшалось, и он в конце концов принял решение перейти на ставку профессора-консультанта и всецело заняться подготовкой большой работы по истории отечественной этнологии. К огромному сожалению, завершить ее ему не довелось, хотя он работал над будущей книгой постоянно и ежедневно, делая выписки, записывая отдельные сопровождавшие работу идеи в толстых ежедневниках, которые он шутиливо име-

новал «рабочим дневником пенсионера». Но осенью 1990-го года его сразили один за другим три инсульта. После первого он как будто уже почти пришел в себя, был оживленным и строил планы продолжения работы. Второй инсульт уже поразил двигательный аппарат, он оказался прикован к больничной койке. Но не сдавался. Как-то в палату, где он лежал, привели студентов-медиков. Врач, желая показать практикантам состояние больного после тяжелого инсульта, задал Лашуку «дежурный» вопрос: «Вы можете сказать, кто Вы?». Я? – переспросил профессор. И изумленная публика услышала такой ответ:

*Я московский озорной гуляка,
По всему тверскому околотку
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку...*

Тем не менее, хотя он сохранял ясное сознание, физическое состояние Льва Павловича не улучшалось, и мы, ученики и близкие, решили по очереди каждую ночь, пока он будет в больнице, у него дежурить. В одну из таких ночей дежурил и я. Сказать, что он ночью спал, было бы большим преувеличением, скорее иногда ненадолго забывался, снова просыпался и начинал заговаривать на научные темы. От чего я все время (хотя не очень успешно) старался его отвлечь, чтобы он отдохнул и поспал. Я в то время заканчивал работу над докторской, Учитель очень за меня переживал - в том смысле, что ему не терпелось услышать о завершении. Впрочем, когда он еще не получил инсульт, он успел прочитать опубликованный мной текст, это была примерно треть всей работы. Дочитав его почти до середины, профессор сказал мне: ну, теперь я за Вас спокоен – теперь Вас уже никто не остановит! И добавил не то что с удивлением - даже, мне показалось, с каким-то оттенком восхищения: «И как это Вы нашли такой простой ключ, до которого никто до Вас не додумался?». Это была высшая в его устах оценка того, что мне удалось сделать, я ей до сих пор горжусь, и хотя на мои работы по теме докторской есть положительные рецензии очень уважаемых мной и авторитетных специалистов, такое одобрение профессора остается для меня самой значимой характеристикой.

Но той ночью он опять спрашивал, закончил ли я, и что еще не сделано. Я сказал, что в общем работа почти готова, остались только некоторые не до конца прописанные части главы по Средней Азии. Это было в середине ночи. А утром, когда я уже попрощался со Львом Павловичем и был у двери, он окликнул меня: «Витя!». Я обернулся: «Что, Лев Павлович?». «А Вы попробуйте через меру актуализации традиции», – услышал я в ответ. «Хорошо», сказал я. Это были последние слова Учителя, которые мне довелось услышать. Я понял, что это он имел в виду мою Среднюю Азию. Но фактически глава была уже сделана. И только много времени спустя, перечитывая свой текст, я осознал, насколько глубокую идею хотел передать мне мой Учитель. Через сколько-то дней его выписали домой, но вскоре его уже окончательно сразил третий удар. 7 декабря 1990 г. ему исполнилось 65 лет, а через три дня его не стало... Это был поистине могучий интеллект, который, несмотря на физическую немощь, держался до последнего.

Подводя итог основной теме о вкладе работ Л.П. Лашука в разработку историко-социологических подходов в этнологии, можно сделать такое заключение: своими трудами выдающийся отечественный ученый в какой-то степени предвосхитил то направление в науке, которое связывается с аспектами социально-антропологиче-

ского видения предмета. В том смысле, что его трудам было имманентно присуще стремление вывести этнографическую проблематику за узкие предметные рамки сугубо этнического, показать, что этническое есть лишь одно из многочисленных проявлений собственно социального, находящееся в сложных и многослойных сочетаниях и отношениях с другими его, социального, формами и проявлениями. При этом он никогда не упускал из вида это этническое, но стремился показать его место в системе социальных связей.

Следует заметить, что ученый всегда оставался убежденным сторонником марксистского взгляда на историю, с одним только «но»: я не встречал человека, который, будучи убежденным марксистом, был бы столь далек от его догматического (преобладавшего и в идеологии, и, во многом, в гуманитарных науках на официальном уровне) варианта. Он понимал и принимал марксизм, который прекрасно знал, прежде всего как творческий метод, способный и позволяющий анализировать историю и общество без всяких ограничений и препон. И именно по этой причине очень многие его труды пробивали дорогу «в свет» с немалыми трудностями, чинимыми со стороны призванных «тащить и не пущать» – тех, кто на самом деле чаще всего настоящего марксизма толком и не понимал, а потому с переменной конъюнктуры с легкостью из ревнителей марксизма превращался в записных антимарксистов.

Обрушившееся в конце XX – начале XXI века на гуманитарное знание «тотальное нашествие» постмодерна, с его принципиальным неприятием обобщений системно-структурного характера и преобладанием «точечных» исследований почти исключительно частных взаимоотношений и ситуаций в любом социуме и в любом сочетании, несколько перевело проблематику социальной антропологии в другую плоскость. Однако это наваждение (случившееся не без вторжения в европейскую науку чисто бихевиористских взглядов и подходов) как будто все же начинает проходить. И не удивительно: если наука остается наукой, обобщение и систематизация, поиски структуры изучаемых явлений в определенной системе, должны быть в фокусе ее зрения как бы «по определению». И в этом отношении научное наследие профессора Л.П. Лашука еще, несомненно, будет востребовано.

Литература

- Карлов* 1985 – *Карлов В.В.* Формы общения и их влияние на развитие этнокультурной среды (по материалам исследования на Северном Кавказе) // *Личность в системе национальных отношений. Актуальные проблемы национального и интернационального в духовном мире советского человека.* Вып. 3. Баку: «Элм», 1985.
- Лашук* 1958 – *Лашук Л.П.* Очерк этнической истории Печорского края (Опыт историко-этнографического исследования). Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958.
- Лашук* 1972 – *Лашук Л.П.* Формирование народности коми. М.: Издательство Мос. Университета, 1972.
- Лашук* 1977а – *Лашук Л.П.* Введение в историческую социологию. Вып. 1. Историография и методология исторической социологии. М.: Изд-во Мос. Университета, 1977.
- Лашук* 1977б – *Лашук Л.П.* Введение в историческую социологию. Вып. 2. Конкретные проблемы исторической социологии. М.: Изд-во Мос. Университета, 1977.
- Лашук* 1979 – *Лашук Л.П.* К определению основного объекта познания в этнографической науке // *Вестник Мос. Университета. Сер.8. История.* 1979, №5.
- Лашук* 1982 – *Лашук Л.П.* Об исторической необходимости возникновения социально-интернациональной общности трудящихся СССР / *Социальные аспекты истории советского народа как новой социально-интернациональной общности людей.* Отв. ред. Ю.С. Ку-

кушкин. М.: Изд-во Мос. Университета, 1982.

Мамедли 2016 – *Мамедли А. Э.* Особенности этнокультурных процессов в Азербайджане в условиях глобализации / Этнокультурное воспроизводство в условиях глобализации: этноперекрытия и трансграничье. Коллективная монография / Отв. ред. В.В. Карлов и Е.А. Окладникова. М.; Берлин: Изд-во Директ Медиа, 2016.

Пименов 1977 – *Пименов В.В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977.
Этносоциология 2008 – Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания / Сост. Н.А. Дубова, Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: Старый Сад, 2008.

References

Karlov V.V. Formy obshcheniya i ih vliyanie na razvitie ehtnokulturnoj sredy (po materialam issledovaniya na Severnom Kavkaze). Lichnost v sisteme nacionalnyh otnoshenij. Aktualnye problemy nacionalnogo i internacionalnogo v duhovnom mire sovetskogo cheloveka. Vol. 3. Baku: «Ehlm», 1985.

Lashuk L.P. Ocherk ehtnicheskoj istorii Pechorskogo kraja (Opyt istoriko-ehtnograficheskogo issledovaniya). Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatelstvo, 1958.

Lashuk L.P. Formirovanie narodnosti komi. Moscow: Mos. Universiteta, 1972.

Lashuk L.P. Vvedenie v istoricheskuyu sociologiyu. Vol. 1. Istoriografiya i metodologiya istoricheskoj sociologii. Vol. 2. Konkretnye problemy istoricheskoj sociologii. Moscow: Izdatelstvo Mos. Universiteta, 1977.

Lashuk L.P. K opredeleniyu osnovnogo obekta poznaniya v ehtnograficheskoj nauke. Vestnik Mos. Universiteta. Ser. 8. Istoriya, 1979. No. 5.

Lashuk L.P. Ob istoricheskoj neobходимosti vozniknoveniya socialno-internationalnoj obshchnosti trudyashchihsya USSR. Socialnye aspekty istorii sovetskogo naroda kak novej socialno-internationalnoj obshchnosti lyudej. Yu.S. Kukushkin (Ed). Moscow: Izdatelstvo Mos. Universiteta, 1982.

Mamedli A.E. Osobennosti ehtnokulturnyh processov v Azerbaïdzhanе v usloviyah globalizacii. EHtnokulturnoe vosproizvodstvo v usloviyah globalizacii: ehtnoperekrestki i transgraniche. Kollektivnaya monografiya. V.V. Karlov and E.A. Okladnikova(Eds). Moscow; Berlin: Izdatelstvo Direkt Media, 2016.

Pimenov V.V. Udmurty. Opyt komponentnogo analiza ehtnosa. Leningrad: Nauka, 1977.

Ethnosociologiya i ehtnosociologi. Issledovaniya, poiski, vospominaniya. N.A. Dubova, L.V. Ostapenko, I. A. Subbotina (Eds). Moscow: Staryj Sad, 2008.

V.V. Karlov. Scientific Heritage LP Lashuk: development of the historical and sociological approaches in ethnology.

This article is devoted to the scientific work of one of the 20th century's leading Russian ethnologists, the professor of the Department of Ethnography (Ethnology) in Lomonosov Moscow State University L.P. Lashuk who made an outstanding contribution to the elaboration of historical and sociological approach in ethnological researches. The author traces the process of the formation and realization of the scientists complex approach to the problems of studying ethnocultural reality which let him realize the necessity of going beyond the narrow limits of exclusively ethnical phenomena when analyzing the subject area of ethnology, consider the ethnicity in the context of social interactions. It resulted in L.P. Lashuk's publication of «The introduction to the historical sociology». The author also gives his recollections of the non-ordinary personality of L.P. Lashuk as a man and academic.

Key words: *L.P. Lashuk, ethnography of modernity, the problems of methodology, historical sociology.*

ДЛЯ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ

УДК 378.048.2

© *Е.Б. Баринова*

ПОРЯДОК ОБУЧЕНИЯ В АСПИРАНТУРЕ ИНСТИТУТА ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

Основные положения об аспирантуре ИЭА РАН изложены на сайте Института. Однако практика показывает, что абитуриенты зачастую нуждаются в более обстоятельных разъяснениях.

Поступить в аспирантуру ИЭА РАН может человек, имеющий высшее профессиональное образование специалиста или магистра, сдавший вступительные экзамены и получивший положительный отзыв на вступительный реферат. Обучение в аспирантуре ИЭА РАН осуществляется в очной и заочной формах. Обучение в очной аспирантуре осуществляется 3 года, в заочной – 4 года. В случае досрочного освоения основной образовательной программы подготовки аспиранта и успешной защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук аспиранту присуждается искомая степень независимо от срока обучения в аспирантуре.

Обучение в очной аспирантуре осуществляется в ФГБУН ИЭА РАН за счет средств федерального бюджета и на коммерческой основе. Обучение в заочной аспирантуре осуществляется на коммерческой основе. Контрольные цифры приема аспирантов, обучающихся в очной аспирантуре за счет средств федерального бюджета, устанавливаются Федеральным агентством научных организаций. Количество вакансий для аспирантов, зачисляемых в заочную аспирантуру устанавливает дирекция ИЭА РАН. В аспирантуру на бюджетной основе зачисляются только граждане Российской Федерации. Граждане стран СНГ и стран дальнего зарубежья могут поступить в очную аспирантуру на коммерческой основе. Информация о стоимости платного обучения размещена на сайте ИЭА РАН: <http://iea-ras.ru>.

Поступление в аспирантуру начинается с подачи документов в августе. Заявление о приеме в аспирантуру подается на имя директора ИЭА РАН с приложением следующих документов:

- копии паспорта;
- копии диплома государственного образца о высшем профессиональном образовании и приложения к нему;
- автобиографии;
- рекомендации с места учебы/работы;
- списка опубликованных научных работ;
- реферата.

Поступающие в аспирантуру представляют **лично**: документ, удостоверяющий личность, и диплом государственного образца об окончании высшего учебного заведения (иностранные граждане дополнительно предоставляют нотариально заверенный перевод этих документов).

Автобиография пишется в свободной форме на 1–2 страницах. Рекомендация с места учебы нужна только для тех, кто закончил обучение в ВУЗе в течение 2-х предыдущих лет. Рекомендация с места работы нужна тем, кто работает по специальности, т.е. в научном или учебном заведении. Список статей предоставляется в том случае, если есть опубликованные работы по специальности. Наличие статей не является обязательным требованием для поступления в аспирантуру ИЭА РАН.

Что касается реферата, то он, желательно, должен быть написан на 20–25 страницах по той теме, которой аспирант хотел бы заниматься в качестве своей будущей научной работы. В нем должна быть поставлена и решена научная задача, сделан вывод, указаны источники и историография исследования. Реферат сдается в распечатанном и электронном видах одновременно с остальными документами. После проверки реферата на отсутствие плагиата, он передается на рецензию специалисту по исследуемой проблеме сотруднику ИЭА РАН. Абитуриент, в реферате которого будет обнаружен плагиат, лишается права дальнейшего участия в конкурсных испытаниях для поступления в аспирантуру ИЭА РАН.

После подачи документов поступающие в аспирантуру сдают конкурсные вступительные экзамены по специальности (этнография, этнология и антропология) и иностранному (европейскому) языку.

Билеты к вступительному экзамену по специальности разделены на 2 части. Абитуриенты, предполагающие в будущем заниматься вопросами этнографии, этнологии и социокультурной антропологии будут сдавать вступительный экзамен по вопросам 1-го раздела экзаменационных билетов – «Этнография, этнология и антропология». Абитуриенты, предполагающие заниматься изучением проблем физической антропологии, будут сдавать вступительный экзамен по билетам 2-го раздела – «Антропология». При ответе на вопросы билета приветствуется использование карт и атласов. В процессе экзамена члены комиссии могут задавать абитуриенту дополнительные вопросы по теме реферата и экзаменационных билетов, чтобы выяснить готовность поступающего заниматься научно-исследовательской деятельностью.

Экзамен по иностранному языку сдается в Институте языкознания РАН (кафедра иностранных языков). Экзамен состоит из письменной и устной части. На экзамене можно пользоваться своим словарем.

Пересдача вступительных экзаменов не допускается. Лица, сдавшие полностью или частично экзамены кандидатского минимума, при поступлении в аспирантуру не освобождаются от соответствующих вступительных экзаменов.

По результатам вступительных экзаменов приемная комиссия ИЭА РАН принимает решение по каждому претенденту, обеспечивая зачисление на конкурсной основе наиболее подготовленных к научной работе. Приемная комиссия назначает аспиранту научного руководителя доктора наук (в порядке исключения может быть назначен кандидат наук).

Приказ о зачислении абитуриента в очную аспирантуру подписывает директор ИЭА РАН после сдачи трудовой книжки в отдел кадров ИЭА РАН. Если же абитуриент еще не имеет трудовой книжки, то он подписывает заявление, об отсутствии тру-

довой книжки. Приказ о зачислении заочного аспиранта и о зачислении в аспирантуру иностранного гражданина директор издает только после подписания и оплаты договора о возмездном оказании образовательных услуг¹. Зачисление в аспирантуру проводится с 1 ноября текущего года.

После зачисления аспирант в течение месяца должен заполнить, подписать у руководителя и сдать Индивидуальный план работы. Впоследствии раз в полгода (перед аттестациями в апреле и октябре) аспирант должен отчитываться о выполнении плана и планировать свою работу на следующий период обучения. Руководитель аспиранта должен проверять правильность отчета и помогать составлять план на следующий период.

Формой отчетности аспирантов об обучении является прохождение аттестации два раза в год – в апреле (промежуточной) и в октябре (по итогам прошедшего года) на заседании Комиссии по аттестации аспирантов ИЭА РАН. Аттестация аспиранта проходит в два этапа: первый – на заседании отдела, к которому прикреплен аспирант, второй – на заседании Комиссии по аттестации аспирантов.

На заседании отдела принимается решение об оценке проделанной работы за отчетный период на основании устного и письменного отчета аспиранта, заполненного индивидуального плана, представленных документов и заключения научного руководителя. Решение оформляется протоколом.

Отчет аспиранта, заполненный учебный план и выписка из протокола заседания отдела с результатами аттестации, заверенная руководством отдела, предоставляются в отдел аспирантуры ИЭА РАН.

На заседании Комиссии по аттестации аспирантов ИЭА РАН проходит утверждение результатов аттестации. Аттестационная комиссия создается приказом директора Института под председательством директора или заместителя директора ИЭА РАН по научной работе, курирующего работу аспирантуры. В состав комиссии входят члены аттестационной комиссии и ответственный за работу аспирантуры. На заседании возможно присутствие научных руководителей аспирантов.

На заседании комиссии рассматриваются представленные в отдел аспирантуры документы: индивидуальные планы аспирантов, отчеты о проделанной работе, заключения научных руководителей, выписки из протоколов заседания соответствующего отдела ИЭА РАН. В ходе работы комиссия рассматривает документы, принимает решение об аттестации на основе соответствия критериям прохождения аттестации. Обязательным условием обучения в аспирантуре является выступление с докладом на ежегодной конференции молодых ученых и участие в научной и общественной жизни ИЭА РАН.

По итогам аттестации на основании решения Комиссии аспиранты считаются аттестованными или неаттестованными. При наличии существенных замечаний по работе аспиранта Комиссии по аттестации может принять решение о продлении срока аттестации (не более чем на один месяц). В течение этого срока аспирант обязан учесть замечания, согласовать изменения с научным руководителем и представить их на рассмотрение Комиссии. Аспиранты, не пошедшие аттестацию, отчисляются из аспирантуры на основании приказа директора ИЭА РАН.

Первый год обучения в аспирантуре Института этнологии и антропологии РАН посвящен, прежде всего, выполнению образовательной составляющей программы и началу научно-исследовательской работы (НИР).

Отдел аспирантуры ИЭА РАН выдает аспиранту направление на обучение по программе подготовки к кандидатскому экзамену по иностранному (европейскому) языку в Институт языкознания РАН; а также направление на обучение по программе подготовки к кандидатскому экзамену по «Истории и философии науки» в Институт философии РАН. Эти направления аспирант предоставляет на соответствующие кафедры, с которыми предварительно ИЭА РАН заключил договор на обучение. Кафедры самостоятельно организуют учебный процесс, подготовку и прием кандидатских экзаменов. По итогам обучения Кафедра иностранных языков ИЯз РАН и Кафедра истории и философии науки ИФ РАН выдают аспиранту протокол о сдаче кандидатского экзамена с оценкой. Аспирант, предоставивший этот документ в отдел аспирантуры ИЭА РАН считается прошедшим соответствующий курс обучения.

Занятия – лекции и семинары – по специальности 46.06.01 исторические науки и археология (направление «Этнография, этнология и антропология») проходят в Институте этнологии и антропологии. Задача лекционного курса – ознакомить аспирантов с современными научными концепциями этнологии и антропологии, основными понятиями и методами этнологических исследований и современными научными подходами и направлениями. На семинарах проходит подготовка к сдаче кандидатского экзамена по специальности для аспирантов 1 курса. В то же время, проведение занятий по подготовке к кандидатскому экзамену является педагогической практикой для аспирантов 2 и 3 курсов, уже сдавших этот экзамен. Также занятия по подготовке к кандидатскому экзамену могут проводить сотрудники ИЭА РАН.

Наряду с образовательной подготовкой и сдачей кандидатских экзаменов аспирант выполняет научно-исследовательскую работу по теме диссертации, которая включает в себя определение тематики исследований; сбор и реферирование научной литературы, позволяющей определить цели и задачи выполнения НИР.

В течение первого года обучения аспирант должен утвердить тему своего диссертационного исследования. Для этого он должен согласовать тему со своим научным руководителем и предложить ее на обсуждение и утверждение на заседании отдела, на котором аспирант выступает с докладом по теме диссертации. Его задача обосновать актуальность выбранной темы, охарактеризовать источники, на которых будет основано диссертационное исследование, предварительно сформулировать ожидаемые результаты. После обсуждения темы на заседании отдела, ученый секретарь отдела дает аспиранту выписку из протокола об утверждении темы диссертационного исследования. Далее аспирант приносит эту выписку в отдел аспирантуры. На основании решения отдела, вопрос об утверждении темы диссертации вносится в повестку дня Ученого Совета Института. Аспирант и его руководитель приглашаются на заседание Ученого Совета Института, на котором обсуждается и окончательно утверждается тема диссертационного исследования.

На данном этапе выполнения НИР аспирант совместно с научным руководителем изучает и реферировать литературу (зарубежную и отечественную) по тематике диссертационной работы. Формулирует цели, задачи, перспективы исследования. Определяет актуальность и научную новизну работы. Совместно с научным руководителем проводит работу по формулированию темы и определению структуры работы. Итогом является написание первой главы диссертации, посвященной обзору литературы по теме диссертационного исследования.

Для прохождения аттестации за первый год обучения должны быть утверждены тема и индивидуальный учебный план; обоснована актуальность выбранной темы; разработаны план и методика диссертационного исследования (определены объект и предмет, цель и задачи исследования); сданы кандидатские экзамены по специальности, истории и философии науки и иностранному (западноевропейскому) языку; начат сбор материала для диссертационного исследования, подготовлены к публикации и/или опубликованы 1–2 статьи в рецензируемых изданиях (ВАК, Web of Science и Scopus).

На втором году аспирантуры завершается образовательная составляющая обучения и начинается активная практическая организационная, педагогическая и научно-исследовательская работа.

В этот период аспирант должен пройти практику «Организация научного мероприятия», целью которой является формирование навыков научно-организаторской работы, закрепление теоретических знаний и апробация исследовательских и организационных навыков. Программа практики определяет следующие виды работ:

1. Создание организационного комитета мероприятия с распределением обязанностей:

- определение состава и распределение обязанностей регистрационной комиссии (регистрация участников конференции, подготовка бейджей и раздаточных материалов, информирование ученого секретаря о приезде докладчиков).

- определение состава и распределение обязанностей транспортной комиссии (обеспечение конференции необходимым транспортом для встречи участников конференции и проезда их к месту проведения, организация поездок по доставке оборудования и материалов).

- определение состава и распределение обязанностей финансовой комиссии (отвечает за всю финансовую сторону проведения мероприятия)

- определение состава и распределение обязанностей комиссии по организации питания (организация питания членов конференции, проведение кофе-брейков, обедов и т.д.)

- определение состава и распределение обязанностей комиссии по снабжению (обеспечение всем необходимым, определение состава и распределение обязанностей

- определение состава и распределение обязанностей комиссии по техническому обеспечению (обеспечение работоспособности оборудования, которое необходимо для представления докладов, а также расстановка стендов и дополнительных материалов, необходимых для фиксации на стендах докладов).

2. Определение формы проведения: конгресс, конференция, семинар или совещание.

3. Определения сроков проведения мероприятия.

4. Составление плана мероприятия.

- подготовительный этап

- отбор представленных докладов и порядок их представления на мероприятии

- составление программы научной части мероприятия по предварительным заявкам участников

- организация сопутствующих элементов (жилья, питания, экскурсий, досуга участников) на период проведения мероприятия

5. Организация информационного обеспечения конференции.

6. Проведение мероприятия.
7. Подведение итогов мероприятия.
8. Подготовка для публикации научных материалов мероприятия.

Практика по организации научного мероприятия может быть пройдена в процессе подготовки и проведения ежегодной конференции молодых ученых Института. Она также может быть засчитана и тем аспирантам, которые по роду своей профессиональной деятельности связаны с организацией научных конференций, симпозиумов и т.д., а также тем, кто организовывал или помогал в организации мероприятий Института или своего отдела в ИЭА. Для того чтобы практика была засчитана, должно быть предоставлено официальное письмо организатора конференции с просьбой засчитать практику и с информацией о том, какую конкретно работу выполнял аспирант в процессе организации мероприятия. По итогам организации научного мероприятия издается приказ, в котором пофамильно перечисляются аспиранты, пошедшие практику.

В течение второго года обучения аспирант должен пройти педагогическую практику. Целью педагогической практики является формирование у аспирантов навыков преподавательской деятельности по образовательным программам высшего образования.

В процессе прохождения педагогической практики аспиранты должны овладеть основами научно-методической и учебно-методической работы: навыками структурирования и психологически грамотного преобразования научного знания в учебный материал, систематизации учебных и воспитательных задач; методами и приемами составления задач, упражнений, тестов по различным темам, устного и письменного изложения предметного материала, разнообразными образовательными технологиями. В ходе практической деятельности по ведению учебных занятий должны быть сформированы умения постановки учебно-воспитательных целей, выбора типа, вида занятия, использования различных форм организации учебной деятельности; диагностики, контроля и оценки эффективности учебной деятельности. В ходе посещения занятий преподавателей соответствующих дисциплин аспиранты должны познакомиться с различными способами структурирования и предъявления учебного материала, способами активизации учебной деятельности, особенностями профессиональной риторики, с различными способами и приемами оценки учебной деятельности в высшей школе.

Обеспечение базы для прохождения практики, общее руководство педпрактикой и научно-методическое консультирование осуществляются ответственным за работу аспирантуры ИЭА РАН.

Аспиранты, ведущие занятия в системе высшего профессионального образования, представляют соответствующие подтверждающие документы и аттестуются по итогам представления отчетной документации.

Педагогическая практика предусматривает следующие обязательные виды деятельности:

- учебная аудиторная работа (проведение лекций и семинарских занятий по дисциплинам предусмотренными программами высшего профессионального образования);
- учебная внеаудиторная работа (проведение индивидуальных консультаций по учебным дисциплинам, проверка домашних заданий, рефератов, контрольных заданий);
- посещение лекционных, семинарских и практических занятий, проводимых сотрудниками ИЭА РАН;

– теоретическая работа (ознакомление с федеральными государственными образовательными стандартами, учебными и рабочими учебными планами, учебно-методическими комплексами по дисциплинам, изучение методических материалов по осуществлению контроля качества знаний);

– самостоятельная учебно-методическая работа под контролем руководителя практики (подготовка к лекционным, семинарским и практическим занятиям, включающая составление письменных планов-конспектов; при возможности предоставления аспиранту такой формы практики – составление тестовых заданий для контроля знаний, контрольных заданий, заданий для самостоятельной работы, подготовка презентаций и т.д.).

Объем учебной аудиторной работы определяется рабочей программой педагогической практики для аспирантов, обучающихся по основной образовательной программе подготовки научно-педагогических кадров.

Формой отчетности по итогам прохождения педагогической практики является представленная аспирантом не позднее 10 дней после окончания практики следующая документация:

- индивидуальный план педагогической практики;
- письменный отчет о прохождении практики, включающий сведения о выполненной аспирантом работе, перечень проведенных учебных занятий с указанием даты и времени их проведения, курса и номера группы, тем занятий;
- план-конспект одного из проведенных аспирантом учебных занятий, включающий анализ цели, структуры, организации и содержания занятия, методики его проведения, анализ работы студентов на занятии, анализ способов контроля и оценки знаний студентов;
- отзыв руководителя практики, содержащий оценку выполненной аспирантом работы.

Критериями оценки результатов практики являются уровень знаний, показанный при проведении занятий; степень выполнения программы практики; содержание и качество представленной аспирантом отчетной документации; мнение руководителя практики об уровне подготовленности аспиранта.

Приказ о прохождении педагогической практики аспирантом подписывает директор ИЭА РАН. Зачет по практике учитывается при промежуточной и итоговой аттестации аспиранта.

Также на втором году обучения аспирант должен освоить методы научно-исследовательской работы и провести практическую часть диссертационного исследования. На данном этапе выполнения НИР аспирант под руководством научного руководителя и в соответствии с поставленными задачами исследования выполняет экспедиционную часть работы, осуществляет сбор и подготовку научных материалов.

По итогам второго года обучения у аспиранта должны быть сданы все экзамены и зачеты по специальным и факультативным дисциплинам, предусмотренным учебным планом подготовки; пройдены практики педагогическая и «Организация научного мероприятия»; зафиксировано участие в научных конференциях; опубликованы 2 статьи в рецензируемых изданиях (ВАК, WoS и Scopus); завершена экспериментальная работа; выполнено не менее 50% общего объема диссертационного исследования.

Третий год обучения в аспирантуре предусматривает подведение итогов научно-исследовательской работы и завершение написания и оформления диссертации.

На данном этапе выполнения НИР аспирант под руководством научного руководителя осуществляет обобщение и систематизацию результатов проведенных исследований, выполняет статистическую обработку полученных данных, формулирует заключение и выводы по результатам наблюдений и исследований. Завершает написание диссертационной работы. Научно-исследовательская диссертационная работа должна быть написана аспирантом самостоятельно, обладать внутренним единством, содержать новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты.

Научно-исследовательская работа должна быть представлена в виде специально подготовленной рукописи, которая должна содержать титульный лист, введение с указанием актуальности темы, целей и задач, характеристики основных источников и научной литературы, определением методик и материала, использованных в научно-исследовательской работе; основную часть (которая может делиться на параграфы и главы), заключение, содержащее выводы и определяющее дальнейшие перспективы работы, библиографический список. Оформление научно-исследовательской работы должно соответствовать требованиям, устанавливаемым федеральным государственным образовательным стандартом.

За третий год обучения аспирант аттестуется при наличии рукописи диссертационного исследования, положительного заключения расширенного заседания отдела по предварительному рассмотрению диссертационной работы, а также трех научных публикаций в центральных в рецензируемых изданиях (ВАК, WoS и Scopus).

Итогом выполненной научно-исследовательской работы является успешное прохождение Государственной итоговой аттестации на заседании Государственной экзаменационной комиссии. Защита результатов научно-исследовательской работы проводится в форме научного доклада.

Члены государственной комиссии по проведению Государственной итоговой аттестации большинством голосов оценивают научно-исследовательскую работу и выносят решение: о выдаче диплома или об отчислении из аспирантуры с выдачей справки.

По истечении трех лет обучения в очной аспирантуре и четырех лет – в заочной, аспирант автоматически отчисляется из аспирантуры ИЭА РАН приказом директора вне зависимости от результатов прохождения Государственной итоговой аттестации.

Примечания

¹ Договор о заочной форме обучения касается только граждан Российской Федерации и включает в себя оплату вступительного и кандидатского экзамена по специальности, курса лекций и семинаров по этнологии и антропологии, научного руководства, а также НДС и накладных расходов. Стоимость обучения заочного аспиранта рассчитана с учетом дотации, которую выделяет ИЭА РАН.

Иностранцы граждане могут обучаться только в очной аспирантуре. Договор с иностранным гражданином включает в себя оплату вступительного и кандидатского экзамена по специальности, курса лекций и семинаров по этнологии и антропологии, научного руководства, а также НДС и накладных расходов, но без дотации ИЭА РАН.

E.B. Barinova. Procedure for postgraduate studies in Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

Key words: *postgraduate studies, professional education, scientific research, certification.*

A PROPOS

УДК 39

© С.В. Чешко

РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ

Автор отстаивает правомерность понятий «российская нация» и «россияне» (как совокупность граждан России). Вопреки широко распространенным стереотипам, он не противопоставляет эту политическую общность народам-этносам страны. Вместе с тем, автор считает ненужной и вредной идею о разработке закона о российской нации, высказанную на заседании Совета о межэтнических отношениях при Президенте РФ 31 октября 2016 г.

Ключевые слова: *российская нация, россияне, русские.*

Дискуссии о понятии «российская нация» в научных кругах, а еще больше среди политиков и публицистов, ведутся давно – наверное, уже лет двадцать. Собственно, ученые, во всяком случае этнологи, довольно быстро в большинстве своем согласились с правомерностью этого понятия и, главное, сошлись в том, что современное российское гражданское сообщество вполне можно трактовать именно как нацию в политическом смысле этого слова.

Опуская здесь целый комплекс немаловажных, но важных, скорее, для науки, нежели для общественно-политической практики, нюансов, касающихся соотношения гражданского общества и государства. В целом они сводятся к вопросу, противостоит ли нация как сообщество граждан государству как политическому институту (а этот подход идет от Великой Французской революции), или же следует говорить о нерасчленимом и взаимообусловленном биноме «nation-state». Не имею также в виду довольно свойственную зарубежной антропологии манеру именовать нациями некоторые небольшие, но обычно обладающие тем или иным специфическим статусом, общности. Например – «Нация индейцев сенека Оклахомы» (это официальное название соответствующей резервации) и т.п.

Если отвлечься от этих нюансов, то я определяю для себя нацию примерно так – с использованием некоторых терминологических традиций советской эпохи, чтобы подчеркнуть различие мною нации и этноса. И исхожу из того, что практически всегда нации неоднородны в этническом отношении, хотя бы на уровне этнокультурных групп в составе доминирующего этноса. Итак, «*нация – это исторически сложившаяся общность людей на базе единой государственности и интеграции различных этнокультурных компонентов с последующим формированием общей культурной традиции и общего, надгруппового национального самосознания*». А дальше следуют тоже важные нюансы: ведет ли это к ассимиляции или к более или менее сильной аккультурации меньшинств доминирующим этносом, как выстраивается иерархия социальной функциональности языков и значимости разных видов

коллективной (этнокультурной, региональной, конфессиональной) идентичности. Это уже где как получается в силу особенностей формирования конкретных наций.

Разумеется, рамки «малого жанра», в котором написана моя заметка, не позволяют отразить все огромное многообразие аспектов, касающихся темы нации. Да и не хотелось бы повторять то, что уже было написано и коллегами, и мною самим. Поэтому отсылаю читателей к наиболее значимым, на мой взгляд, работам, написанным отечественными учеными в последние годы (см., напр.: Культурная сложность 2016; Российская нация 2011; Тишков 2013; Этнический и религиозный 2012).

Что касается России, то в ней сложилась своего рода «классическая» полиэтническая, мультикультуральная нация с мощным общенациональным культурным пластом, явно выраженным общенациональным самосознанием, общенациональным средством коммуникации – русским языком, с одной стороны, а с другой стороны – при сохранении этнокультурной самобытности нерусских народов. Правда, как раз такое утверждение, как и допустимость конституирования понятия «российская нация», разделяются далеко не всеми интеллектуалами из числа политиков, публицистов, журналистов, активистов национальных движений. И эта оппозиция вновь проявилась и даже обострилась после появления идеи о разработке федерального закона о российской нации.

Идея была, как теперь говорят, озвучена В.А. Михайловым на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, состоявшемся в Астрахани 31 октября 2016 г. Вот полный текст краткого выступления В.А. Михайлова (курсив мой).

– Владимир Владимирович, Вы акцентировали внимание в своем выступлении на законодательной стратегии. Стратегия до 2025 года, а что дальше?

Валерий Александрович [имеется в виду выступление В.А. Тишкова на том же заседании – С.Ч.] назвал несколько вариантов закона. У меня очень короткое выступление. Мне представляется, что наша дальнейшая задача состоит в том, чтобы, образно говоря, идти от стратегии к федеральному закону. И этот федеральный закон должен вобрать в себя все новации.

Первая новация, которая в стратегии была записана, и в Вашей статье о ней говорилось, что многонациональный народ Российской Федерации – это российская нация. Я предлагаю такой вариант закона – о российской нации и управлении межэтническими отношениями. То есть это стратегическая линия, которая акцентирует внимание закона: о российской нации. У нас есть уже основания и достаточно правовых моментов раскрыть это понятие и перейти в конечном счете к более, кажется, точному наименованию межэтнических отношений. Вот, собственно говоря, мое какое предложение (Заседание Совета).

Президент одобрил это решение, а Интернет наполнился самыми разными откликами – главным образом, отрицательными. Апофеозом может служить, например, памфлет самого, наверное, яркого идеолога русского этнонационализма А.Н. Севастьянова «Битва за русских», который он разослал по электронной почте (в том числе почему-то и мне, а также нескольким другим сотрудникам Института этнологии и антропологии). Вкратце смысл его сочинения сводится к любимой теме автора о поползновении властей к уничтожению русскости. Соответственно досталось записным «русофобам» – самому В.М. Михайлову, В.А. Тишкову и В.Ю. Зорину. А есть и другой подход, свойственный радикальным националистам из числа «представителей» нерусских народов: конституирование российской нации якобы означает «отмену» народов-этносов. Закавычил «представителей» потому, что обычно такие люди представляют не сами народы, а толь-

ко самих себя и своих немногочисленных единомышленников.

На мой взгляд, в спорах о российской нации преобладают эмоции и просто непонимание сути дела. В этом, кстати, во многом повинны, в частности, СМИ, предоставляющие трибуну своим изданиям кому угодно, кроме специалистов. Характерный пример – интервью с С. Говорухиным на каком-то из телевизионных каналов. Знаменитый кинематографист, увлекающийся в последние годы политикой, привел убийственный аргумент против использования термина «россияне», то есть тех, из кого состоит российская нация. Оказывается, это термин просто неблагозвучен.

Начнем именно с термина «россияне». Можно предположить, что у части наших сограждан его отторжение связано с тем, что он был введен в современный политический лексикон Б.Н. Ельциным, которого многие воспринимают как губителя страны. Сторонники такой позиции предпочитают термин «русские» на том дополнительном основании, что он традиционно использовался в дореволюционной России. Этот политико-филологический подход мне представляется несостоятельным.

Во-первых, термин «русские» в те времена имел не собственно этнический смысл, а, скорее, условно говоря (не могу сейчас дать четкое определение, поскольку этот феномен требует обстоятельного анализа – как ни странно, такого анализа до сих пор в научной литературе, по сути, и не было), «державный» смысл, имея в виду великоросскую основу Российского государства. Даже первая Всероссийская перепись населения 1897 г. фиксировала не национальность (этничность), а языки и вероисповедание. Сам термин «россияне» появился отнюдь не при Ельцине, а еще в XIX в., хотя актуальное политическое звучание он приобрел, насколько я знаю, в эмигрантской литературе где-то в двадцатых годах прошлого века.

«Неблагозвучие» – это, конечно, не аргумент для общественно-политического контекста. А отказ от обобщающего названия для граждан государства – это безответственно и по сути неверно. Если следовать логике оппонентов «российкости», то Россия оказывается страной без нации (между прочим, будучи членом Организации Объединенных Наций) и без единого общества. Безответственно и другое – называть всех граждан России русскими. «Русскими» всех нас обычно называют за рубежом, мы и сами так себя нередко именуем с помощью этого, в данном случае, некоего «экзонимона». В этом есть определенный исторический и эмоциональный смысл, но не для внутреннего потребления.

В вопросе о дискуссиях вокруг российской нации, спровоцированных инициативой В.А. Михайловым, есть два принципиальных аспекта. Первый – признание или непризнание существования самой российской нации. Моя позиция, кажется, понятна, и я ее высказывал неоднократно. И я считаю, что эта российская нация не возникла вдруг, по желанию Тишкова, Михайлова или Зорина и мановению Путина, а формировалась веками. А распад Советского Союза должен рассматриваться не как крах «квазинации», а, скорее, как крах бюрократической надстройки, руководители которой даже не осмелились признать советскую/российскую нацию, допустив лишь паллиативный термин «советский народ».

Второй аспект – это идея об упоминавшемся выше законе. На мой взгляд, такой закон не нужен и был бы вреден. Не нужен в такой же степени, как, например, закон о строении Вселенной. А вреден потому, что загонять бесспорную реальность в какие-либо нормативные рамки может привести к «полициейщине», используя терминологию В.И. Ленина. Закон, если это нормальный закон, а не декларация, должен содержать предписания

и запрещения, а таким образом можно лишь спровоцировать отторжение самой идеи общероссийской нации. Опасение оправданно, в частности, тем, что по мысли В.А. Михайлова закон предназначен для управления межэтническими отношениями. Мне уже приходилось писать, что в данной сфере общественно-политической жизни и этнокультурного развития страны сама постановка задачи «управлять» означает типично бюрократический, неверный подход к столь сложной материи (Чешко 2016: 186–187).

В заключение своей краткой заметки выскажу мнение: видимо, проще и лучше внести поправку в Конституцию РФ – вместо «Мы, многонациональный народ..» записать «Мы, российская нация». Оговорюсь – это сделать действительно не трудно в условиях конституционного большинства «Единой России» в Государственной Думе. Вопрос только, смогут ли и захотят ли думцы преодолеть устоявшиеся стереотипы.

Литература

- Заседание Совета – Заседание Совета по межнациональным отношениям. URL: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/28/53173>.
- Культурная сложность – Культурная сложность современных наций / Отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М.: РОССПЭН, 2016.
- Российская нация – Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие / Под ред. В.А. Тишкова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2011.
- Чешко 2016 – Чешко С.В. Рец. на: Савинов Л.В. Управление национальными отношениями: учеб. пособие. РАНХиГС, Сиб. Ун-т упр. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2014 // Вестник антропологии, 2016. № 2(34). С. 185–191.
- Этнический и религиозный – Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / Отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012.

References

- Zasedanie Soveta po mezhnatsionalnym otnosheniiam. URL: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/28/53173>.
- Kulturnaia slozhnost' sovremennykh natsii. V.A. Tishkov, E.I. Filippova (eds.). Moscow: ROSSPEN, 2016.
- Rossiiskaia natsiia: Stanovlenie i etnokulturnoe mnogoobrazie. V.A. Tishkov (ed.); In-t etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaia RAS. Moscow: Nauka, 2011.
- Cheshko S.V. Review to: Savinov L.V. Upravlenie natsionalnymi otnosheniami: ucheb. posobie. RANXhGS, Sib. Univer. of upr. Novosibirsk: Izd-vo SibAGS, 2014. Herald of Anthropology. 2016. No. 2(34). Pp. 185 – 191.
- Etnicheskii i religiozniy faktory v formirovanii i evoliutsii rossiiskogo gosudarstva. T. Iu. Krasovitskaia, V.A. Tishkov (eds.). Moscow: Novyi khronograf, 2012.

S.V. Cheshko. Russian Nation.

The author defends the validity of the concepts of “Russian nation” and “Russians” (as the totality of the citizens of Russia – unlike the ethnic term “Russians”). Contrary to common stereotypes, he does not oppose this political community of peoples to ethnic groups in the country. At the same time, the author considers it unnecessary and harmful an idea about the development of the Russian nation bill, expressed at the Council meeting on inter-ethnic relations under the President of the Russian Federation (October 31, 2016).

Key words: Russian nation, Rossians, Russians.

УДК 655.535.77

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2016 г.

Название статьи	№	Стр.
Колонка главных редакторов		
<i>Васильев С.В., Чешко С.В.</i> История науки – науке.	2 (34)	4
Этнополитические исследования		
<i>Ван Цзяньган.</i> Межэтнические отношения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.	3 (35)	27
<i>Герасимов Н.Г.</i> Представления сирийской интеллигенции о национальной идентичности (сирийская община в Москве).	3 (35)	54
Физическая (биологическая) антропология		
<i>Боруцкая С.Б.</i> Пропорции и массивность мужских скелетов из погребений эпохи ранней бронзы Самарского Поволжья.	3 (35)	5
<i>Васильев С.В., Веселовская Е.В., Григорьева О.М., Пестряков А.П., Хартанович М.В.</i> Облик Маклая.	4 (36)	66
<i>Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Безбородых В.И.</i> Палеоантропологическое исследование населения городища Царский дворец».	4 (36)	93
<i>Пестряков А.П., Федорчук О.А.</i> Изменчивость некоторых параметров черепной коробки по сериям, близким к современности с территории Северной Евразии.	3 (35)	11
<i>Саливон И.И., Марфина О.В.</i> Роль миграций в формировании антропологического состава населения Беларуси.	2 (34)	81
<i>Шведчикова Т.Ю., Харламова Н.В., Рассказова А.В., Чагаров О.С.</i> Средневековое население Северо-Восточного Причерноморья (по материалам раскопок христианского храма у с. Веселое IX–XI вв.).	2 (34)	94
<i>Ямпольская Ю.А.</i> Грацилизация телосложения и типы конституции: популяционная и внутригрупповая изменчивость (вторая половина XX века, Москва).	2 (34)	117
Гендерные исследования		
<i>Jovičić P.</i> Females and Males in Visual Arts.	1 (33)	5

Таблица (продолжение)

Название статьи	№	Стр.
<i>Котовская М.Г., Шалыгина Н.В.</i> Гендерные мифологемы современного мира.	1 (33)	16
Диаспоры		
<i>Radojicic D.</i> Russian cemetery as an ethnic and religious bond: The examples of Herceg Novi and Bela Crkva.	1 (33)	27
Антропологическая мозаика		
<i>Arutiunov S.A.</i> Triple laws and quasi-states in the Caucasus.	3 (35)	109
<i>Буганов А.В.</i> Спорт в России: этнологические, этнополитические и антропологические аспекты.	1 (33)	37
<i>Денисова И.М.</i> Мифо-космологические аспекты сказочных предметов: образ чудо-мельницы в ряду близких мифологем.	1 (33)	58
<i>Дзини С., Сюткина Т.А.</i> Куба. Дух табака: аромат для богов и людей.	1 (33)	79
<i>Заринов И.Ю.</i> Юродство в русской словесности как одна из составляющих русского этоса.	4 (36)	136
<i>Зельницкая (Шларба) Р.Ш.</i> Изменение ценностных ориентиров современной абхазской молодежи.	3 (35)	114
<i>Казьмина О.Е.</i> Беженцы и религия: роль христианских организаций в интеграции беженцев в США.	4 (36)	151
<i>Каландаров Т.С.</i> К проблеме антропологического изучения ислама в Средней Азии.	2 (34)	152
<i>Лилявина Е.В.</i> Эволюция родильной обрядности томских татар в XX–XXI вв.	2 (34)	167
<i>Радойичич Д.</i> Питание как символ ускорения.	4 (36)	165
<i>Снежкова И.А.</i> Отражение гибридной войны в электронных ресурсах Украины и России.	4 (36)	175
<i>Харитонов С.А.</i> Православные храмы Комаричского района Брянской области в хронотопе сельских поселений.	4 (36)	186
Дискуссии		
<i>Кожановский А.Н., Холлер Е.В., Кучерова И.А., Игнатъев Р.Н.</i> Перестройка идентичности и трансформация традиционного уклада жизни в странах Европы на рубеже XX–XXI вв.: уроки одного исследования.	4 (36)	106

Таблица (продолжение)

Название статьи	№	Стр.
<i>Цеханская К.В.</i> К вопросу о спорных проблемах научной методологии этнорелигиозных исследований (Ответ оппонентам).	1 (33)	92
<i>Чешко С.В.</i> Чем больше знаешь, тем меньше понимаешь...	4 (36)	132
К юбилею Ю.В. Бромля		
<i>Губогло М.Н.</i> Аллюзии импрессионизма в этносоциологии.	2 (34)	54
<i>Чешко С.В.</i> О творческом наследии Ю.В. Бромля.	2 (34)	6
<i>Комарова Г.А.</i> Роль Ю.В. Бромля в становлении и развитии отечественной этносоциологии		
Полевые материалы		
<i>Матусовский А.А.</i> Маканá и 50 000 колумбийских песо. Эпизод экспедиции к юкуна.	4 (36)	200
Изустная история		
<i>Sergis Manolis. G.</i> Memories and Oblivion: An occupied village in the Rhodopes (Western Thrace, Greece, 1941–1944).	2 (34)	127
Научная жизнь		
<i>Васеха М.В.</i> Международный конгресс исторических наук.	1 (33)	111
История науки		
<i>Тумаркин Д.Д.</i> Питер Уорсли: жизнь и труды на фоне эпохи.	4 (36)	210
Для студентов и аспирантов		
<i>Пушкарева Н.Л.</i> Научное направление «история повседневности» в отечественной и зарубежной историографии (к оценке итогов историко-антропологического поворота в социальных науках).	3 (35)	121
Программа кандидатского экзамена «Этнография, этнология и антропология» послевузовского профессионального образования в аспирантуре ИЭА РАН по направлению 46.06.01 Исторические науки и археология.	3 (35)	141
Наука и образование		
<i>Хан В.С.</i> Об изложении теории антропогенеза в учебниках по истории	4 (36)	224

Таблица (продолжение)

Название статьи	№	Стр.
Обзоры и рецензии		
<i>Арутюнов С.А.</i> Рец. на: <i>Igor Krupnik and Michael Chlenov. Yupik Transitions. Change and survival at Bering Strait, 1900–1960. Fairbanks, 2013. – 392 p.</i>	1 (33)	125
<i>Арутюнов С.А. Чеснов Я.В.</i> Народная культура. Философско-антропологический подход. Москва: Канон+, 2014. – 496 стр.	4 (36)	237
<i>Герасимова Г.Г.</i> Состояние антропологической науки в Республике Беларусь (на основании трех монографий): <i>Тезако Л.И., Марфина О.В., Скриган Г.В., Емельянчик О.А.</i> Динамика адаптивной изменчивости населения Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2013. – 363 с.; <i>Саливон И.И., Марфина О.В.</i> Физический тип древнего населения Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2014. – 137 с. [58 илл.]; <i>Марфина О.В.</i> История антропологических исследований в Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2015. – 405 с.).	1 (33)	115
<i>Хан В.С.</i> Рец. на: <i>Peoples, Identities and Regions. Spain, Russia and the Challenges of the Multi-Ethnic State / Ed. by Marina Martynova, David Peterson, Roman Ignatiev & Nerea Madariaga. Moscow: IEA RAS, 2015. – 377 p.</i>	1 (33)	129
<i>Чешико С.В.</i> Рец. на: <i>Савинов Л.В.</i> Управление национальными отношениями: учеб. пособие. РАНХиГС, Сиб. Ун-т упр. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2014. – 164 с.	2 (34)	185
<i>Чешико С.В.</i> Рец. на: <i>Indigenous language revitalization in the Americas / Edited by Serafin M. Coronel-Molina, Teresa L. McCarty. Routledge: New York and London, 2016. – 330 p.</i>	3 (35)	181
<i>Ямпольская Ю.А.</i> Рец. на: <i>Строкина А.О.</i> О российских анатомах-эпонимистах. Saarbrücken, Deutschland: Lap Lambert Academic Publishing, 2015. – 111 с.	3 (35)	186
Письма читателей		
<i>Королева Е.А.</i> Когда уходит энергия доверия.	2 (34)	192
Наши юбиляры		
<i>Мокшина Е.Н., Сушкова Ю.Н.</i> Жизнь, посвященная финно-угроведению: к 80-летию Николая Федоровича Мокшина.	3 (35)	164
Памяти ученого		
<i>Герасимова М.М.</i> Об антропологе Леониде Теодоровиче Яблонском.	3 (35)	173

CONTENTS

Physical (biological) Anthropology

- Gerasimova M.M., Godina E.Z., Leybova N.A.* The 8-th Victor Bunak Memorial Conference. 4
- Velikanova M.S.* About Georgi Frantsevich Debets – a Scientist and a Person. 12
- Salivon I.I.* Changes in the main sizes of head, face, body in urban school-children during the last three decades. 24

Ethno-cultural Processes in the modern World

- Arutiunov S.A.* Ethnicity Obliterated. 41

Caucasian Studies

- Biguaa V.L.* Abkhaz Christmas: Ritual Practice and the archaic roots of the Festival. 63
- Zelnitskaya (Shlarba) R. Sh.* The spread of Sericulture in the Caucasus: historical and ethnographic aspects. 73

Anthropological Mosaic

- Belova N.A.* Young people and workers in the province: challenges and main trends of interethnic relations (an example of Kostroma). 82
- Samoilova E.V.* Codes of feeding and beating (intimidation) in the system of agricultural practices: Phenomenon of parallelism and interchangeability. 95

Field Materials

- Kvashnin Yu.N., Senko R.I.* That left you, then came to us (Selkup hut at tundra Nenets). 112

History of Science

- Karlov V.V.* Scientific Heritage LP Lashuk: development of the historical and sociological approaches in ethnology. 125

For students and postgraduate students

- Barinova E.B.* Procedure for postgraduate studies in Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. 136

A Propos

- Cheshko S.V.* Russian Nation. 144

- Index of articles and materials published in 2016. 148

- OUR AUTHORS 153

- RULES FOR AUTHORS 154

OUR AUTHORS

Sergey Arutyunov – Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: gusaba@iea.ras.ru.

Elena Barinova – Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: BarinovaElena@rambler.ru

Natalya Belova – Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: natale4ka@inbox.ru.

Valery Biguaa – Institute of Humanitarian Studies Academy of Sciences of Abkhazia.

E-mail: valera.biguaa@yandex.com

Sergey Cheshko – Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: ieamoscow@mail.ru

Margarita Gerasimova – Institute of Ethnology and Anthropology RAS. Moscow, Russia.

E-mail: gerasimova.margarita@gmail.ru.

Elena Godina – Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: egodina@rambler.ru

Victor Karlov – Moscow State University.

E-mail: vicarlov@mail.ru.

Yuri Kvashnin – Nikolaevich Institute of Northern Development SB RAS.

E-mail: ukwa@yandex.ru.

Natalia Leybova – Institute of Ethnology and anthropology Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

E-mail: nsuvorova@mail.ru

Roman Senko – Ivanovich Historical and Memorial Museum “Smolny”.

E-mail: rs-spb@mail.ru

Inessa Salivon – Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus. Minsk, Republic of Belarus.

Email: belantrop@tut.by

Elena Samoilova – Folkloro ethnographic center them. AM Mehnetsova the St. Petersburg State Conservatory. ON. Rimsky-Korsakov.

E-mail: etnograd@mail.ru.

Marina Velikanova – Institute of Ethnology and anthropology Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

E-mail: velmars@yandex.ru

Rizza Zelnitskaya (Shlarba) – Russian Museum of Ethnography.

E-mail: riza81@yandex.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ (АВТОРАМ)

Авторы представляют два распечатанных экземпляра работы и файл, набранный в редакторе MS Word в формате DOC, шрифтом Times New Roman (кегель – 12) через два интервала, с нумерацией страниц. **Рекомендуемый объем статей – до 60 тыс. знаков с пробелами, рецензий – до 15 тыс. знаков с пробелами, обзоров литературы – до 30 тыс. знаков с пробелами, сообщений о научной жизни (конгрессы, конференции и т.п.) – до 10 тыс. знаков с пробелами.**

На титульной странице помещаются *Ф.И.О.* автора, название статьи, сведения об авторе (место работы, должность, ученая степень, домашний адрес, контактные телефоны, адрес эл. почты), подпись автора. Прилагаются краткое резюме (до 300 слов) и ключевые слова (5–7) на русском и английском языках. Название статьи указывается также на первой странице текста – фамилия автора здесь не указывается, чтобы обеспечить чистоту рецензирования.

Примечания помещаются в конце основного текста статьи, перед списком использованной литературы. Примечания должны иметь сквозную нумерацию арабскими цифрами по всей работе. В выходных данных книг следует указывать город, год и издательство.

Ссылки на литературу следует давать не с помощью номерных сносок, а посредством указания фамилии автора, года работы и страницы в скобках (например: Иванов 2014: 45). Если дается ссылка на сборник статей, вместо фамилии автора можно указывать либо фамилию ответственного редактора (или составителя сборника), либо одно или два слова из названия сборника. Если дается ссылка на материал, автор которого неизвестен (газетная заметка и т.д.), указывается также одно или два слова из начала заголовка материала (Наши будни 1999). Названия, удобные для сокращения, могут сокращаться: например, «Акты археографической комиссии» – в «ААК» (ААК 1962: 40–44); в этих случаях прилагается список сокращений. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать: «и др.» (*Смирнов и др.* 1985); в случае зарубежных изданий – «et al.» (*Smith et al.* 1970). При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы *a*, *b*, *c* (в случае зарубежных изданий – латинские буквы *a*, *b*, *c*) к году издания (*Чернов* 1987а: 22; *Brown* 1964b: 35).

При ссылках на личные полевые материалы автора в списке литературы отдельно указывается не каждый информант, но конкретная экспедиция либо работа в конкретном районе, при этом в скобках указываются все информанты, рабочие тетради автора, картотеки либо другие единицы, на которые даются ссылки в статье. Например: ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Н-ский р-н Н-ский обл. Август 2002 г. (информанты – А.Б. Иванова, 1928 г.р.; К.А. Петрова, 1932 г.р.; и т.д.). В тексте статьи ссылки даются следующим образом (ПМА 1: Иванова).

Правильно:

Санин 2004 – Санин Г. Ингушский трамплин // Итоги, 2004. № 32 (www.itogi.ru).

Дятлова – Дятлова В.А. Немецкие поселения Енисейской губернии // История и культура немцев Сибири (http://museum.omskelecom.ru/deutsche_in_sib).

Неправильно:

Ингушский трамплин – http://www.itogi.ru/Paper2003.nsf/Article/Itogi_2003_8_Дятлова – http://museum.omskelecom.ru/deutsche_in_sib/BOOK/germ_posel.htm

ЭТО ВАЖНО!

Подраздел References, представляющий собой латинизированный вариант подраздела «Научная литература». Транслитерация с кириллицы производится согласно системе Библиотеки Конгресса США (примеры и инструкции по транслитерации приведены в правилах оформления статей).

References (латинизированный список)

Список «References» содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Транслитерация производится согласно системе Библиотеки Конгресса США. Порядок оформления публикаций в этом списке несколько отличается от оформления основных списков литературы в Вашей статье.

Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных, и делается по требованиям РИНЦ, Scopus и Web of Science.

Инструкции:

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx

В левом столбике (CONVERT FROM) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» – скорее всего, это будет: Unicode [Русский язык]

В правом столбике (CONVERT TO) выберите второй вариант: ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]

Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку Convert посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей. Основная работа проделана: теперь Вам нужно исправить типичные мелкие ошибки и оформить список согласно правилам Web of Science.

2) Оформление литературы:**Шапка оформления ссылки на книгу:**

Familia I.O. Nazvanie knigi ili monografii. Gorod: Izdatel'stvo, 1988.

Шапка оформления ссылки на сборник научных статей:

Familia I.O. (ed.) Nazvanie sbornika statei. Gorod: Izdatel'stvo, 1988 (*впереди указывается фамилия отв. редактора или составителя сборника*)

Шапка оформления ссылки на статью в научном журнале:

Familia I.O. Nazvanie stat'i. Nazvanie zhurnala, 1988. No. 2. Pp. 64–74.

Шапка оформления ссылки на статью в научном сборнике:

Familia I.O. Nazvanie stat'i. Nazvanie sbornika, I.O. Sostavitel (ed.). Gorod: Izdatel'stvo, 1988. Pp. 4–24 (где I.O. Sostavitel – это И.О. Фамилия отв. редактора или составителя сборника)

3) Типичные ошибки, которые следует поправить после автоматического транслитератора:

а) указания на «Том», «№», «С.» (страницы) издания должны быть переведены на англ. «vol.», «no.» и «pp.»

б) все сокращения городов должны быть развернуты: М. – в Moscow; СПб. – в St. Petersburg; Л. – в Leningrad; N.Y. – в New York; и т.д.

в) проверьте и поправьте цифры веков (XX, XIX и пр.) – в случае если Вы их набирали с помощью русских букв «Х», то транслитератор автоматически переведет их в «Kh» (т.е. Вы увидите «KhKh в.» вместо «XX в.» «KhIKh в.» вместо «XIX в.» и т.д.)

г) имена зарубежных авторов не должны транслитерироваться, но должны даваться в оригинале.

Если Вы цитируете какие-либо работы по их русскоязычному переводу, то автоматический транслитератор превратит фамилию Маркс в Marks (необходимо поправить на Marx); Мосс в Moss (необх. поправить на Mauss); Леви-Строс в Levi-Stros (надо: Lévi-Strauss) и т.п.

д) курсивом в латинизированном списке выделяются только названия журналов (или др. периодических научных изданий), названия книг и сборников статей.

4) Примеры:

В итоге публикации из Вашего списка «Научная литература» должны выглядеть следующим образом в списке «References»:

Мосс 1996 – Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996.

Mauss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noi antropologii. Moscow: Vostochnaia literatura 1996.

Бернштам 1983 – Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л.: Наука, 1983.

Bernshtam 1983 – Bernshtam T.A. Russkaia narodnaia kul'tura Pomor'ia v XIX – nachale XX v. Leningrad: Nauka, 1983.

При оформлении материалов по физической антропологии следует соблюдать следующие дополнительные условия.

В начале статьи необходимо указать *код универсальной десятичной классификации (УДК)*. Рекомендуемая структура текста: **Введение, Постановка проблемы, Материалы и методы, результаты и их обсуждение, Заключение, Литература.**

Стилевое оформление:

При наборе текста не следует делать жесткий перенос слов с проставлением знака переноса, а просто автоматический перенос. Не допускать перенос одного слога в конце абзаца (можно не менее 4 знаков).

Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть раскрыты при первом появлении их в тексте.

Дефисы, где этого требует правила орфографии, исправить на тире (- → – [Ctrl “-” самая правая верхняя кнопка на клавиатуре]). Тире ставится во всех случаях кроме «дефиса» по правилам русского языка, например,

Правильно: красно-коричневый, но 1990–1991 гг.

Неправильно: 1990-1991 гг.

В датах тире ставится без пробела (1990–1991)

После десятилетий полностью пишется слово «годы», например 1990-х годов, после даты, коротко г. , например, 1970 г.

Кавычки в основном тексте «», в тексте уже внутри цитаты “”.

Правила оформления литературы

Литература

Бутинов 1975 – *Бутинов Н.А.* Путь к Берегу Маклая. Хабаровск, 1975.

Иванова 2010а – *Иванова Л.А.* Н.Н. Мишутушкин и выставка «Этнография и искусство Океании» (к 80-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение, 2010. № 2. С. 97–106.

Иванова 2010б – *Иванова Л.А.* Николай Николаевич Мишутушкин (05.10.1929 – 02.05.2010) // Этнографическое обозрение, 2010. № 5. С. 189–191.

Филатов 2002 – *Филатов С.Б.* Послесловие. Религия в постсоветской России // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России. М.; СПб.: Летний сад, 2002. С. 470–484.

References

Butinov N.A. Put' k Beregu Maklaia. Khabarovsk, 1975.

Ivanova L.A. N.N. Mishutushkin i vystavka "Etnografiia i iskusstvo Okeanii" (k 80-letiiu so dnia rozhdeniia) // Etnograficheskoe obozrenie, 2010. No. 2. Pp. 97–106.

Meliksetova I.M. Vstrecha s Okeaniei 70-kh godov. Moscow, 1976.

Filatov S.B. Posleslovie. Religiia v postsovetskoi Rossii // Religiia i obshchestvo: Ocherki religioznoi zhizni sovremennoi Rossii. Moscow; Saint Petersburg: Letnii sad, 2002. Pp. 470–484.

ФОТО, ГРАФИКИ, ДИАГРАММЫ и РИСУНКИ

Размер файла в формате jpeg – 600 dpi. Файл подается отдельно от статьи (в текст не вставляются), в тексте указывается ссылка на рисунок (например, рис. 1).

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

новая серия

2017. № 1 (37)

Выпускающий редактор по этнологии – Н.А. Белова
Выпускающий редактор по физической антропологии – А.И. Макеева
Компьютерная верстка – Н.А. Белова
Художественное оформление обложки – Е.В. Орлова
Поддержка сайта – Н.В. Хохлов

Подписано к печати 20.03.2017
Формат 70 x 108/16. Уч.-изд. л. 9,9
Тираж 500 экз. Заказ № 130
Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Начальник участка – *В.М. Маршанов*
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А